

КАК ПЕРЕЖИТЬ КРИЗИС

УРОКИ ОДНОГО
ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ

КАК ПЕРЕЖИТЬ КРИЗИС

**УРОКИ
ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ**

Москва
«Яуза»

2009

УДК 94
ББК 63.3 (0)
У 85

Оформление серии художника С. Груздева

Уткин А. И.

У 85. Как пережить экономический кризис. Уроки Великой депрессии / Анатолий Уткин. — М. : Яуза : Эксмо, 2009. — 320 с. — (Великие депрессии).

ISBN 978-5-699-34572-4

Опыт Великой депрессии 1929—1933 гг. сегодня актуален как никогда. Уроки грандиозной экономической катастрофы 80-летней давности заслуживают самого пристального внимания, тем более что рецепты выхода из кризиса универсальны во все времена.

Как нам избежать повторения той страшной трагедии? Ведь первая Великая депрессия привела не только к колоссальным финансовым потерям, но и многомиллионным человеческим жертвам — и речь не только о массовых разорениях, безработице, отчаянии и сломанных судьбах. Эта книга убедительно доказывает, чтобы покончить с Великой депрессией, помимо решительных антикризисных мер правительства Рузвельта, потребовалась еще и Вторая мировая война. Не приведет ли и сегодня ухудшение экономической ситуации к глобальному вооруженному конфликту? Слишком уж велик соблазн решать собственные проблемы и выбираться из финансовой ямы за счет других...

Новая книга ведущего историка на самую животрепещущую тему! Пугающие выводы и тревожные прогнозы! Глубокий анализ прошлого и уроки будущее! Не пропустите!

УДК 94
ББК 63.3 (0)

ISBN 978-5-699-34572-4

© Уткин А. И., 2009
© ООО «Издательство «Яуза», 2009
© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

■ Введение

Золотые 1920-е годы

Стоимость производимой Америкой продукции выросла в 1929 году в шесть раз по сравнению с 1900 годом. Внешне, как мы уже отмечали, американская экономика в 1929 году выглядела в высшей степени благополучно. Деловая активность росла невиданными темпами, увеличивался объем внешней торговли. Небоскребы поднимались ввысь, дороги стали многоколейными, автомобили прибавляли скорость, университетские городки росли как грибы, корпорации достигали пределов могущества, а спекуляция становилась просто неистовой. Статистика убеждала американцев в невероятных успехах и безоблачном будущем. Казалось, что век стремительного роста американского капитализма неукротим.

Американские шахтеры добывали почти 40 процентов каменного угля в мире, на американскую экономику приходилось более половины готовых товаров мира. Избрание президентом Герберта Гувера было встречено на нью-йоркской фондовой бирже ликование, хотя для специалистов грядущая буря уже представлялась реальной. Но лидеры американского бизнеса и финансов слепо верили в безбрежный натиск модернизации, в то, что «производящий деньги бизнес не

Как пережить экономический кризис

имеет границ». Американский журналист Фредерик Льюис Аллен назвал эти идеи «лазурными и безоблачными эмпиреями».

Особенное влияние на рост производительности труда оказало развитие электротехники. К 1929 году было электрифицировано 70 процентов американских промышленных предприятий.

Социальный аспект

Америка 1920-х годов считала ответственным за страну Уолл-стрит, а не Белый дом. Вождями нации для нее были финансовые гении типа Дж. П. Моргана, а вовсе не меняющаяся череда временных хозяев Белого дома. Правящий класс вставал на сторону Моргана в споре с кем бы то ни было. С годами Морган все более замыкался в пределах своей семьи. Его и видели-то всего лишь несколько помощников, помогавших ему в делах. Его величие, его воинственное самоутверждение признавали все. Трест Моргана стоил миллиард очень «тяжелых» в начале века долларов. В империю Моргана входили несколько банков и такие «сделавшие Америку» компании, как «Дженерал электрик», «Пульман кар компани», «Вестерн юнион телеграф компани», «Лейланд стимшип лайнз». И двадцать одна железная дорога. Дж. П. Морган был самым богатым человеком в мире. Он мог бы нанести экономике своей страны сокрушительный удар или поднять ее на новую высоту. Его сила заключалась не только в деньгах, но и в удиви-

Анатолий Уткин

тельном характере — цельном, периодически жестоком, нетерпимом, знающем лишь одну страсть — контроль над всем окружающим. Пресса назвала его «наиболее влиятельной личностью на Земле».

Дж. Д. Рокфеллер владел девяноста процентами нефти в Соединенных Штатах. И всей нефтеперерабатывающей промышленностью. Точную цифру его доходов не знал никто, но ясно было, что она запредельна. Его адвокат Элиу Рут без труда стал военным министром. А в целом в Америке было около двухсот трестов с капиталом в несколько сот миллионов долларов, и именно они доминировали в экономической жизни страны. На них приходилось 65 процентов национального богатства.

В Америке происходит грандиозная скупка и укрупнение земельных участков. Табачные и прочие тресты просто охотились за небольшими земельными участками. Технический прогресс был возможен лишь на больших земельных участках. Повсюду говорили о *научном управлении*. Журналы рекламируют невиданные прежде технические изобретения, революционизирующие труд.

При любой степени критического отношения следует признать, что Америка давала больший шанс простому человеку, чем социально менее гибкая и чопорная Европа. Владелец крупнейших ее сталеплавильных заводов Эндрю Карнеги был сыном безродного ткача и провел свою юность посыльным на телеграфе. На таком же телеграфе работал гений — Томас Эдисон, подаривший миру электрическую энергию. Другой гений

Как пережить экономический кризис

применения электричества — Чарльз Штейнмец бежал в Америку от преследований в Европе за социалистические убеждения. Крупнейший железнодорожный магнат Джеймс Хилл начинал помощником в деревенском магазине. Богатейший человек страны — Джон Рокфеллер начинал карьеру помощником продавца в комиссионном магазине. Марк Твен был лоцманом на Миссисипи. Пулитцер — столп журналистики — прибыл в США без гроша в кармане. Ни в одной стране Европы они не сумели бы занять положения, которого они добились в Америке.

В 1920-е годы богачи имели не только коттеджи в пригородах, но и университетское образование. Линкольн был последним президентом США, родившимся в бревенчатой хижине. Гарвард, Йель и Принстон посыпали своих выпускников в Белый дом. Президент США К. Кулидж (1923—1928 гг.) прибыл из Амхерста. Президент «ЮС Стил корпорейшн» повесил в своем кабинете университетский диплом. В 1920-е годы финансисты и промышленники были в Америке национальными героями. Эндрю Мелона называли «величайшим министром финансов». Журнал «Бизнес нации» пришел к выводу, что американский бизнесмен «является самой влиятельной персоной нации». Как пишет историк Артур Шлесингер-младший, в течение девяти лет правительство обращалось с бизнесменами так, «словно они открыли философский камень, позволяющий капиталистической системе постоянно находиться в состоянии фантастического процветания». В «золотом» 1929 году, как подсчитали экономисты из Бру-

Анатолий Уткин

кингского института, для покрытия самых первых нужд американской семьи требовалось 2000 долларов в год — чего не добирали 60 процентов американских семей. В США в 1929 г. было 200 000 врачей и дантистов, 122 000 адвокатов, 785 тыс. преподавателей, 127 тыс. священников, миллион социальных служащих. Американцы зарегистрировали 1 397 000 патентов, что значительно превышало численность патентов других стран (645 000 во Франции, 594 000 в Англии, 365 000 в Германии). В Америке сформировалась особая роль закона и тех, кто помогает его отправлению. Росло число адвокатов; сегодня их 3,11 на тысячу населения — значительно больше, чем во всех других развитых странах, где адвокатов в среднем значительно меньше одного на тысячу.

Росла концентрация капитала. К 1929 году один процент американских банков контролировал более 46 банковских ресурсов страны. Но ввиду значительного падения сельскохозяйственного производства происходило сокращение внутреннего рынка.

К 1929 году в игре на бирже принимали участие не менее 1 млн человек. 90 процентов всех сделок носило неинвестиционный, спекулятивный характер. Это привело к тому, что денежные средства, обычно обращавшиеся на рынке промышленных товаров и продовольствия, все в большей степени устремлялись на биржу и в конечном итоге оседали на банковских счетах спекулянтов. Обладатели ценных бумаг влезали в огромные долги, приобретая в кредит дома, автомобили и другие символы благополучия и процветания. Другие

делали то же в расчете, что процветание коснется и их, закладывая под долговые расписки свое имущество и ожидаемые в будущем денежные поступления. Калифорния, судя по всему, вообще обогнала приверженцев старины с восточного побережья. Но основной житницей страны продолжает быть Средний Запад, где фермеры Канзаса покрывают все рекорды трудолюбия.

Неравенство

Но социальное неравенство бросалось в глаза. И на Среднем Западе три четверти фермеров жили ниже черты бедности, на самом пороге выживания. Повсюду — особенно заметно это на Юге — сельская беднота неудержимым потоком устремляется в города. А у тех, кто остается, дети будут бегать босыми до конца ноября, их дома будут холодными зимой, их продукты едва ли найдут покупателя.

Согласно официальной статистике, более семи миллионов рабочих семей страны жили на доходы, составлявшие менее 1500 долл. в год. Доходы еще 15 млн рабочих семей были менее 2500 долларов в год. По данным прессы, из каждой сотни городских жителей Америки 71 человек принадлежал к работающим по найму и 29 человек — к деловому миру. В 1925 году рабочие получили в виде заработной платы 31 млрд долл. — 38 процентов общенационального дохода. Рабочие металлургических заводов получали 18 долл. в не-

Анатолий Уткин

делю. Женщины получали вдвое меньше. В промышленности и сельском хозяйстве трудились не менее 2 млн детей, не достигших пятнадцатилетнего возраста, которые получали ничтожные деньги, работая по 11 часов в день.

На другом социальном полюсе размещались 14 816 семей с ежегодным доходом более 100 млн долл. 12 млн семей бедняков (42 процента всех американских семей) располагали тем же совокупным ежегодным доходом, что и 36 тысяч наиболее богатых американских семей. К 1929 году 60 процентов национального богатства США принадлежало двум процентам всего американского населения. Правящий класс ликовал. По данным налоговой службы США, в 1929 году в стране 513 человек имели доход, превышающий один миллион долларов в год. 23 октября 1929 года журнал «Нэйшн» обозначил текущий год как «год процветания бизнеса» и начал публикацию серии статей под общим заголовком: «Процветание — хотите, верьте, хотите, нет». Огромная работоспособность американцев, их трудолюбие и умение поразительно множили богатства страны, возглавившей материальный прогресс мира.

Тучи, которые собирались на горизонте даже еще в эпоху Кулиджа, начали закрывать эру «процветания» — как называют 1920-е годы. Подземные толчки ощущались даже в лазурном для американской экономики 1928 году — добыть краткосрочный кредит в США становилось почти невозможным. Но пока это были малоузнаваемые признаки далекой грозы. И аме-

Как пережить экономический кризис

риканский мир наслаждался благополучием. В начале сентября 1929 года на фондовой бирже были достигнуты новые высоты. Акция компании «Дженерал электрик» поднялась с 138 долл. до 396. Конкурирующий «Вестингауз» совершил еще более впечатляющий скачок: с 92 долл. до 313 долл.; РСА — с 93 долл. до 505; «Юнион карбайд» — со 145 долл. до 414 долл. «Америкэн телефон и телеграф» вырос до 466 долл. «Монтгомери Уорд» — до 466 долл. «Юнайтед Стейт стил» — до 279 долл. Это были компании с превосходной репутацией и талантливым менеджментом, но они потеряли коммерческую рациональность, выйдя на фондовую биржу.

США и Россия

Поразительно сходство двух государств — Соединенных Штатов после 1929 года и Российской Федерации после 1991 года: континентальные масштабы, население в 140 млн у каждой из стран. Огромная потеря «крови экономики» — денег: каждый лайнер, выходящий в трансатлантическое плавание из бухты Нью-Йорка, означал отток 1 млрд долл. — ровно столько, сколько уносят за месяц самолеты, вылетающие из Москвы на Запад в сентябре — декабре 2008 года. Американский мир жил в изоляции, в значительной мере похожей на изоляцию русского мира сегодня. Между 1820 и 1924 годами в Соединенные Штаты въехали 34 млн эмигрантов — и в Россию после 1991 года въехали

Анатолий Уткин

миллионы эмигрантов. Изменялся состав населения. Согласно законодательству, окончательно оформленному в иммиграционных законах 1921 и 1924 годов, в США начали въезжать не 1,2 млн человек в год (стандартная цифра для 1880—1920 годов), а всего 165 тысяч, причем каждая страна стала руководствоваться квотами — два процента от всех национальностей, уже существовавших в США в 1890 году. Русские, которые решали переехать в США, полностью подпадали под это правило.

У американцев не было военных союзников — почти как у России сегодня. Внутренний рынок был основным. В обоих случаях наблюдаются интерес и симпатия к Китаю. Неприязнь к вчерашним европейским союзникам (Франция и Германия для США), а для России, как и прежде, — сложнее отношения с Польшей, Прибалтикой, а теперь и многими странами прежнего Варшавского договора.

В Америке периода Великой депрессии, как и в России сегодня, главной проблемой была сложность коммуникаций, плохие дороги, многочисленные реки, леса, препятствующие перемещению, и большая (в обоих случаях) безработица. Между 1914 и 1919 годами число граждан США, платящих налоги в размере от 30 до 40 тысяч в год, увеличилось с 6 тысяч до 15 400. В 1919 году численность миллионеров в США составила 42 554 человека. Более всего их было в Детройте, Толедо, Индианаполисе, Денвере, Сиэтле. Это были большие изменения: прежние богачи жили в Нью-Йорке и Бостоне. Соединенные Штаты решали вопрос отно-

Как пережить экономический кризис

шений между богатыми и государством в первой половине двадцатого века; Россия — в начале XXI века.

Особенности выхода Америки из Великого кризиса 1929 года представляют интерес для России, столкнувшейся с кризисными явлениями в 2008 году. Но вернемся к Соединенным Штатам. Несколько черт отличали Америку с самого начала.

Материальный прогресс явился к американцам не сегодня. Основы оказались заложенными в феноменальные по бурному экономическому развитию 1920-е годы. Валовой продукт страны достиг в 1923 году 61 млрд долл. и бешено рос. В 1929 году он достиг 103 млрд долларов. За один только 1925 год доходы американцев увеличились с 5,8 млрд до 8,2 млрд долл.

Наступило время электрических приборов, моторов внутреннего сгорания, радио и аэропланов. Эти изобретения сломали границу между городом и фермерским хозяйством. Америка преображалась. Частью пейзажа прерий стали огромные элеваторы, заменившие ветхие амбары прошлого. Грязь распутиц отступила перед свежеположенным асфальтом новых дорог. Электрический свет и ночью освещал новые кирпичные дома американцев. В целом население физически было более здоровым, чем предшествующие поколения. Изобрели производство искусственного льда, была осуществлена пастеризация молока, отопление домов. В Америке уже тогда было больше врачей и медсестер на тысячу человек населения, чем в Европе. В отличие от других стран, в Соединенных Штатах любили ледяную воду, постоянно жевали жевательную резинку

Анатолий Уткин

и всем видам спорта предпочитали бейсбол — игру, требовавшую быстрой умственной и физической реакции. Среди развлечений царил покер — карточная игра, требовавшая немалого психологического умения. Но самой большой игрушкой взрослого населения Америки становится автомобиль. Фирма «Олд мотор уоркс» создала в Детройте огромный автомобильный завод, производящий всего лишь одну марку автомобиля. Но это был фундаментальный прорыв в будущее. Братья Додж поставляли трансмиссии; «Леланд и Фолкнер» — моторы. Автомобиль стоил 600 долл., и за первый год произведено было 400 штук. За второй год — 1600 проданных машин, за третий — 4 тысячи. Далее — геометрическая прогрессия, которая в конечном счете посадила на колеса всю Америку.

Но еще больше, чем фантастический поглотитель земных расстояний, поразил воображение американцев бросок в воздух — быстро растущая авиация.

Культурному подъему страны содействовало появление публичных библиотек, корреспондентских курсов, чтение рабочими сочинений лучших национальных журналистов (синдицированная пресса, изобретенная Маклюром), курсы изучения иностранных языков, граммофонные курсы. Прочие культурные развлечения обеспечивал новоизобретенный кинематограф, были популярны танцы на льду, музыкальные кабаре, множество спортивных развлечений (среди которых выделялись баскетбол и волейбол). Тогда же последовало распространение стриптиза. Появляются огромные универсальные магазины, сети больших ма-

Как пережить экономический кризис

газинов, торговые центры (первый в 1893 году в Кливленде — четырехэтажный со 112 отделениями); платные телефоны, чековые книжки, искусственные ткани, целлюлоид, резиновые подошвы. (Но и... электрический стул, отпечатки пальцев, прослушивание телефонов, автоматический пистолет.)

Появились удобства, которых не знали богатые люди в других краях: центральное отопление в домах, ванны длиной в человеческий рост, водопровод с горячей водой, безопасные лезвия, хлорирование воды, сделанные из стали электрические тостеры, швейные машинки, посудомоечные машины, электрические утюги. Уже тогда, выйдя из квартиры, американец садился в лифт, набирал телефонный номер, говорил по беспроволочному телеграфу, брал с собой портативную пишущую машинку, наливал кофе из автомата. Утром американец ел кукурузные хлопья с расфасованным по бутылкам молоком, разнообразные консервы, пил кока-колу, употреблял маргарин, любил мороженое, консервированные фрукты, горячий чай в термосе. Открыли сальварзану — успешное лекарство от сифилиса и множество антитоксинов, лечение радиактивным облучением рака груди, развитие методов лечения сердечных недугов, психиатрические клиники, контактные линзы, зубную пасту в тюбике. Были изобретены и применялись синтетические волокна и пластмассы. Поразительно увеличилось производство бензина. Внутренний рынок был переполнен бытовой техникой — радиоприемниками, холодильниками, стиральными машинами, пылесосами.

Анатолий Уткин

Стало обостренным постоянное беспокойство относительно обеспечения цельности страны при этнически пестром населении. По определению очень активного тогда судьи Луиса Брендайса, данному в 1919 году, «американизация означает, что иммигрант принимает одежду, манеры, доминирующие здесь обычай... принимает вместо родного английский язык, делает так, что его интересы, предметы восхищения становятся глубоко укорененными в американской почве и превращаются в полностью совместимые с американскими идеалами и стремлениями; новый иммигрант сотрудничает с нами в достижении этих целей, обзаводясь национальным сознанием американца»¹. Все старые пристрастия и лояльности забыты, нити прежних связей разорваны. В 1920 году Соединенные Штаты довольно резко сократили численность въезжающих в страну иммигрантов.

В Америке утвердилась особая *религиозность*. Европейский наблюдатель Ф. Шафф в девятнадцатом столетии писал, что здесь «каждое явление имеет протестантское основание»². Религия всегда играла огромную роль в Америке. Религиозное возрождение пришлось на XX век. Сторонники гражданских прав постоянно цитировали Библию. При президенте Эйзенхауэре слова «В Бога мы верим» стали официальным лозунгом Соединенных Штатов. В Капитолии была от-

¹ Saveth E. American Historians and European Immigrants, 1875—1925. N. Y.: Columbia University Press. 1948. P. 121—122.

² Schaff Ph. America: A Sketch of Its Political, Social, and Religious Character. Cambridge: Harvard University Press. 1961. P. 72.

Как пережить экономический кризис

крыта молельная комната. В официальных клятвенных текстах начало «по воле Божьей» стало обязательным. Христианство было декларируемой религией страны. Другие верования и даже мировые религии выглядели как отклонение. Скажем, об исламе наиболее популярный школьный учебник говорил следующее: «Мухамеданство, или исламизм, является религией, проповедуемой Мохаммедом, который записал свои доктрины в книге, называемой Кораном. Это учение состоит из смеси фантастически фальшивых идей, воспринятых у Иудаизма и Христианства... Большинство религиозных систем, провозглашающих то, что они культивируют ценности, на самом деле поощряют грехи; это умаляет их духовную и мировую значимость. Христианство является единственной системой, возвышающей человека до подлинного понимания моральных отношений, и способствует его счастью».

Раздел I

Великая депрессия

■ Глава первая

Кризис

Однако видимое благополучие все более подвергалось опасности, источник которой был не ясен, непредсказуем и необратим.

Тучи на горизонте

Фондовая биржа оказалась «перекормленной кредитами» в виде брокерских займов и начала «прогибаться» под собственным весом. Цены на готовую продукцию стали падать. Федеральная резервная система сделала свой вклад в приближающуюся катастрофу: увеличила процентные ставки. Экономический рост достиг своего пика. А страны-должники сократили поставки готовых товаров. Это понизило мировые цены. Довольно неожиданно начало иссякать доверие к существующей экономической системе. США (как и европейские страны) стремились поддержать свою валюту. К весне 1927 года валютные курсы, зафиксированные по отношению к золоту, находились в неравновесии. Ослабление денежной политики Федеральной резервной системы стало формой помощи Великобритании, стра-

Как пережить экономический кризис

давшей от переоцененного фунта, — там была высокая безработица и дефицит торгового баланса. Смысл поддержки английской валюты Америкой в 1927 году состоял в том, чтобы сохранить низкие процентные ставки в Нью-Йорке и не допустить перемещения капитала из Лондона в Нью-Йорк. Золотой стандарт соответствовал установленной Вудро Вильсоном доктрине взаимозависимости стран посредством торговли, которую этот политик воспринимал как гарант мира. Золотой стандарт требовал координации валют мира. Как отмечает историк капитализма К. Поланьи, «вера в золотой стандарт была верой эпохи. У одних она была наивной, у других — критической, у третьих — неким дьявольским исповеданием... Но сама вера была одинаковой у всех: банкноты имеют стоимость, поскольку они представляют золото... Золотой стандарт стал той незримой реальностью, в которой могла искать опору воля к жизни, когда человечество взялось за трудную задачу восстановления распадающихся основ своего бытия»¹. Но к 1933 году только Франция сохранила привязанность своей валюты к золоту. Великобритания, которой только что помогала Америка, поддерживая общую веру в золотой стандарт, в начале 30-х гг. отказалась от него. Поланьи, чья работа 40-х годов «Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени», ставшая именно сейчас невероятно популярной, отмечает: «В начале 30-х на-

¹ Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. Спб.: Алетейя, 2002. С. 37.

Анатолий Уткин

ступил резкий перелом. Вехами его стал отказ Великобритании от золотого стандарта, пятилетки в России, начало Нового курса, национал-социалистический выбор Германии, банкротство экономической политики Лиги наций и торжество автаркических тенденций...»¹ Кризис надвигался.

Предшествующий тяжелый кризис имел место в 1893 году — индустриализирующаяся Америка не верила с тех пор в возможность новой катастрофы. Будучи до своего президентства министром торговли в 1920-х годах, Герберт Гувер находился в ослеплении от роста индустриальной Америки — его восхищала производительность труда, и он не обращал внимания на уменьшающуюся покупательную способность населения. Через много лет, после того как он покинет Белый дом, он поймет: «Несколько тысяч получали слишком много от национального пирога».

3 октября 1929 г. прозвучал первый сигнал фундаментальности кризиса, нарастающего на протяжении октября. Общая стоимость 4,7 млн акций упала. 19 октября, в субботу, обычно сонная в это время фондовая биржа Нью-Йорка продала акций на 3,5 млн долл. Попытки уйти от судьбы продолжались. 25 октября Ламонт (близкий в свое время к Моргану) сообщил, что группа крупных банков пытается стабилизировать ситуацию. Все они считали положение «в своей фундаментальной основе стабильным». Уверенность в этом выражали президент Гувер и хозяин «Бетлехем стил»

¹ Там же. С. 35.

Как пережить экономический кризис

Чарльз Швоб. Президент Гувер созвал в Белом доме конференцию капитанов индустрии, представителей фермеров и рабочих. Он просил их сохранять присутствие духа и работать, даже не получая прибыли. Гувер выступил с воззванием к губернаторам всех штатов, призывая их сотрудничать с федеральным правительством. Республиканцы и демократы в конгрессе снизили налоги на прибыль. Деланный оптимизм преобладал. Джон Рокфеллер сказал: «Бывают дни, когда многие теряют мужество. За 93 года моей жизни депрессии приходили и уходили. Просперити всегда возвращалась, вернется и сейчас»¹. Чарльз Митчелл из «Нэшнл Сити Бэнк» заявил, что «промышленная ситуация» в Соединенных Штатах абсолютно здорова. Положение с кредитом ухудшилось, но ненамного.

Американское правительство, несомненно, совершило несколько важных ошибок, приведших экономику к октябрю 1929 года, и эти ошибки делались на протяжении всех 1920-х годов. Политика республиканских президентов была, выражаясь современным языком, либерально-консервативной: низкие налоги, минимальное регулирование, ослабление антимонопольной политики. Все десятилетие федеральные власти упорно расчищали пространство для свободной игры рыночных сил. А проблемы в экономике страны накапливались — традиционные производства деградировали: сельское хозяйство, энергетика и угледобыча

¹ Schultz S. Crashing Hopes: The Great Depression // American History: Civil War to the Present. Madison: University of Wisconsin. P. 156.

Анатолий Уткин

пребывали в состоянии депрессии. Производство текстиля и обуви, судостроение и железнодорожные перевозки испытывали хронический спад. «Стоимость сельскохозяйственных угодий между 1920-м и 1929 годом упала с 30 до 40 процентов. Около шести сотен банков ежегодно становились банкротами. Термин «технологическая безработица» вошел в словарный запас нации, и примерно 200 тысяч человек ежегодно заменялись автоматическими или полуавтоматическими механизмами. Зато производительность труда в период с 1919 по 1929 год повысилась на 43 процента»¹.

Параллельно шел процесс концентрации производства. Доходная дифференциация достигла предела. От нижних 80 процентов получателей доходов даже не требовали налогов, а один процент богатейших владели 40 процентами национального богатства. Средний класс составлял лишь около 20 процентов всего американского населения — это делало американский государственный корабль неустойчивым. В правление президента Герберта Гувера более половины американского населения жило ниже прожиточного уровня или на его минимальной отметке.

Взлет котировок акций основных компаний стал результатом сочетания «новой экономики» своего времени и «иррациональной жизнерадостности». В 1920-е годы в массовое производство был запущен целый ряд новшеств — автомобили, авиация, радио, кино, элек-

¹ Журавлев С. Загадки эпохи джаза // Эксперт. 2008. 29 декабря. С. 61.

троэнергетика. Значительно расширился спектр банковских услуг. Акции банков росли иногда быстрее, чем технологичных компаний. В обоих случаях макроэкономические условия выглядели блестящими — низкая безработица сочеталась со стабильными ценами в 1920-х годах и низкой инфляцией. В рынок стремительно вовлекались новые участники: инвестирование казалось безопасным из-за снизившихся макроэкономических рисков и высоких, достаточно стабильных доходов, полученных как от роста курсов акций, так и от выплачиваемых дивидендов. «Многие исследователи того времени доказывали, что более высокий биржевой курс стал продуктом более высокой предельной производительности капитала, в результате чего наблюдались волны инноваций, увеличивающих прибыль, и, следовательно, ведущих к росту дивидендов. В частности, известный банкир Ирвинг Фишер видел в биржевом буме обоснованный ответ на повышение прибыли в результате систематического приложения науки и изобретений в промышленности и внедрения там новых методов управления Тэйлора. Но не все были такими оптимистами — руководство некоторых компаний и банков, исходя из запланированных дивидендов, уже в 1928 году заявляло, что их акции неоправданно переоценены»¹.

Дальние раскаты грозы стали слышны в августе 1929 года. Строительство стало довольно резко сокра-

¹ Журавлев С. Загадки эпохи джаза // Эксперт. 2008. 29 декабря. С. 61.

Анатолий Уткин

щаться. Лишь потом американские экономисты признали, что осенью 1929 года промышленное производство в США сократилось на 20 процентов в сравнении с предыдущим годом. Стали быстро падать оптовые цены и личные доходы, экономика попала в положение, которое впоследствие будет названо *классической дефляционной спиралью*.

Цены на акции еще оставались стабильными и приносили положительные доходы. Средний реальный доход за 1920-е годы вырос до 25 процентов годовых. В 1928 г. США имели пик производства. С мая 1929-го по сентябрь 1929 года средняя цена акций увеличилась на 40 процентов. С 1924 года все были «быки», т.е. играли только на повышение, «медведей», играющих на понижение, почти не осталось.

«Черный вторник»

Оптимизм рухнул в «черный вторник», 29 октября 1929 года. На открывшейся Фондовой бирже Нью-Йорка в первые же полчаса с начала торгов были проданы три миллиона акций, и сумма проданных акций быстро достигла 16,4 млн долл. (примерно 200 млн долл. в современных ценах). За несколько часов Уолл-стрит потерял на падении курса акций более десяти миллиардов долларов. К концу дня биржа потеряла пятую часть своих ценных бумаг. Индустриальный индекс Доу-Джонса упал на 48 пунктов. За первую неделю биржевого кризиса обесценились акции на сум-

му 15 млрд долл. К концу года общая сумма полностью обесценившихся акций достигла колоссального размера — 40 млрд долл. Через два года миллионеров в США насчитывалось уже менее 20 человек. Более всего пострадали сельское хозяйство и добывающая промышленность. Дело усугубила жестокая засуха, которая довела сельскохозяйственное производство до уровня 60 процентов от 1929 года¹.

Почти все сферы экономики испытали тектонические сдвиги. Смертельно ранена была психология доверия к могучей экономике. Владетели акций в безумии спешили от них избавиться. Как напишет вследствие Скотт Фицджеральд, «век джаза завершился 29 октября». Индекс Доу-Джонса подойдет к отметке августа 1929-го только в ноябре 1954 года. Но в 1932 году этот индекс потеряет четыре пятых своего значения. Теперь ясно, что рост 1920-х годов был излишне крутым, а реальные дивиденды и доходность акций взлетели до исторического максимума.

Обвал на нью-йоркской бирже 29 октября 1929 года знаменовал наступление новой эпохи. Эра беспечного благополучия закончилась, наступили суровые времена. Валовой национальный продукт страны упал с 103 млрд долл. в 1929 году до 58 млрд в 1932-м. Доход на душу населения снизился с 847 долларов в 1929 году до 465 долл. в 1932-м. Инвестиции в сельское хозяйство сократились с 103 миллиардов в 1929 году до

¹ US Bureau of Labor Statistics. Commodity Data (<http://www.bls.gov/data/>).

Анатолий Уткин

58 млрд в 1932-м. К маю 1930-го производство автомобилей опустилось до уровня 1928 года.

На протяжении трех лет с начала краха в среднем сто тысяч трудящихся теряли свои рабочие места еженедельно.

Депрессия охватила весь капиталистический мир, но Европа ощутила его в меньшей степени, чем Америка (а Япония сократила производство лишь на 8 процентов). Международная торговля уменьшилась на две трети, резко сократились личные доходы, цены и налоги. С особенной силой кризис ударил по городам. Строительство домов практически прекратилось. Тяжелая промышленность словно остановилась. Производство сельскохозяйственной продукции снизилось на 60 процентов.

Между крахом 1929-го и самым жестоким годом кризиса — 1932-м правительство Гувера наделало столько ошибок, что спираль, ведущая вниз, раскрутилась до невероятной скорости. Уровень продаж упал, экономические потери «балансировались» увольнением рабочей силы. Безработные же неспособны были покупать товары, в изобилии выпускаемые огромной индустрией. Из-за этого цены падали еще ниже, а «лекарство» оставалось прежним — массовые увольнения. Фермеров доводила до нищенства нищета выброшенных за пределы заводов вчерашних пролетариев. *Совмещение перепроизводства и сокращения покупательной способности дало жестокие результаты.*

Миллионы состояний рухнули в пропасть. Ценные бумаги превратились просто в бумагу. В огромном по-

токе ученые, доктора, учителя, офисные работники, водители грузовиков, торговцы больших и малых городов были ввергнуты в экономическое безумие. На фондовой бирже практически прекратило биться экономическое сердце американской экономики. «Ю. С. Стил» и «Дженерал моторз» понизили свои цены на 8 процентов. Горящие цифры нью-йоркской фондовой биржи отражали стоимость всего лишь 11 процентов той суммы, которая котировалась здесь в 1929 году.

В первые десять месяцев кризиса потерпели крушение 744 банка. А в дальнейшем такая же судьба постигла 9 тысяч банков. Инвесторы потеряли 74 млрд долл. — втрое большая сумма, чем «стоимость» Первой мировой войны. 86 000 предприятий закрыли свои двери. В 1932 году 273 000 американских семей потеряли свои дома.

Объяснения

Итак, кризис начался в Америке, но стал мировым. Это нуждается в объяснении. Можно выделить три фактора.

Во-первых, до Первой мировой войны США были должниками всех европейских держав, прежде всего Англии. После Первой мировой войны все европейские державы стали должниками США, в 1,5 раза увеличившими свой валовой продукт. Первая мировая война была скачком в достижении Америкой независ-

Анатолий Уткин

мости в финансовой сфере и в достижении массового производства в экономической сфере.

Если бы кризис случился в США в 1914 году, это был бы кризис на периферии мировых событий. Но кризис экономики США в 1929 году был кризисом страны, которая находилась в центре капиталистического мира и перед которой все были должниками. Поэтому кризис стал мировым.

Во-вторых, если в 10—20-е годы XX века в США было сделано огромное количество изобретений, идущих на национальный рынок, — радио, холодильники, кондиционеры, были созданы новые отрасли национальной промышленности, то в 30-е на эти американские товары был уже грандиозный массовый спрос не только в США, но во многих других странах. Дом становился не просто домом, а был кондиционирован, радиофицирован, оборудован новейшими приборами.

В-третьих, выросла сила американского государства, до сих пор стремившегося быть минимальным. Теодор Рузвельт и Вудро Вильсон создали прогрессивный налог, Федеральную резервную систему, от которой зависели все банки США. За время Вильсона и Ф.Д. Рузвельта государство с помощью Федеральной резервной системы и министерства финансов стало главным банкиром. Во время Первой мировой войны военные заказы шли от государства. Было введено федеральное налогообложение. То есть мировое значение приобрела не только экономика США, но и США как страна.

Почему же произошел кризис?

Как пережить экономический кризис

К. Поланы писал: «Первопричиной кризиса... был устрашающий крах международной экономической системы (основанной на золотом стандарте. — А.У.). Начиная с рубежа веков (XIX—XX. — А.У.) система эта работала с большими перебоями. Великая война и Версаль разрушили ее окончательно. Вполне очевидным это стало в 20-е годы, когда чуть ли не каждый внутренний кризис в европейских государствах достигал своей кульминации по причинам внешнеэкономического характера»¹. Классификация государств уже была связана, отмечает Поланы, не с географическими признаками, а с состоянием их приверженности к твердой валюте. И вот теперь, когда именно золотой стандарт стал проблемой, Поланы замечает: «В самом деле, непреложная необходимость золотого стандарта для функционирования тогдашней международной экономической системы была единственным принципом, который разделяли представители всех наций и классов, всех вероисповеданий социальных философий... С окончательным падением золотого стандарта курс этот резко изменился на прямо противоположный. Жертвы, приносившиеся во имя восстановления золотого стандарта, нужно было приносить снова — чтобы жить без него. Институты, придуманные с тем, чтобы стеснить жизнь и торговлю ради поддержания стабильных валют, использовались теперь с целью адаптации экономической дея-

¹ Поланы К. Указ. соч. С. 35.

Анатолий Уткин

тельности к постоянному отсутствию подобной системы»¹.

Существуют четыре основных объяснения Великого кризиса.

Первое: монетаристское объяснение австрийской экономической школы (а также Милтона Фридмана), указывающее на неумелое руководство циркуляцией денег министерством финансов, на убывающий запас золота, на котором держалась вся система экономики. Неумение государства справиться с повсеместным крахом банков привело к массовой панике.

Второе объяснение исходит из кейнсианской теории: падение покупательной способности в связи с перепроизводством, вызванным излишним инвестированием денег в экономику, лишило покупателей доверия к системе. Версальский мир создал ситуацию, когда Европа для ломохи Америке должна брать деньги у побежденной Германии, которая озлоблялась и сопротивлялась этим кабальным условиям. Паника и дефляция произвели кризис. Выход — в преодолевающих дефицит денег у покупателей федеральных вливаниях в банки.

Третье объяснение исходит из марксистской критики капитализма, разбалансированного общества, создавшего полюса богатства и бедности, аккумуляцию капитала и обращение к девальвации. Маркс считал все это неизбежным в капиталистической системе.

¹ Там же. С. 37, 39.

Как пережить экономический кризис

Четвертое. Ряд исследователей пытался понять, был ли феномен 1929 года биржевым «пузырем», опираясь на так называемый балансовый эффект богатства, открытый Тобином, согласно которому стоимость активов влияет на совокупный спрос. Если в 1929 году надувался «пузырь», то он должен был неизбежно исказить соотношение потребления и инвестиций. Рост стоимости акций должен был отразиться на величине гарантий и залогов, что позволяло фирмам привлекать больше займов. Результатом «пузыря» становится переинвестирование — вложение в проекты, в действительности не имеющие положительной внутренней нормы прибыли.

Признанные экономисты Милтон Фридман и Анна Шварц считают, что в кризисе доверия виновата Федеральная резервная система США, которая не пришла вовремя на помощь банкам и запустила волны банкротств. По их мнению, причиной сжатия денежной массы стала не ловушка ликвидности, а неумелые и недостаточно эффективные управляющие действия. Меры по расширению кредитования банков, аналогичные принятым с 1932 году, могли быть приняты и раньше — в 1930-м или 1931 году.

Известный исследователь краха 1929 года Кристин Ромер возглавила группу экономических советников при президенте Бараке Обаме. Она считает, что в 1929 году имел место избыточный уровень потребления и инвестиций. Биржевой крах подтолкнул реценцию, резко уменьшая потребление и инвестиции.

Анатолий Уткин

Нынешний глава Федеральной резервной системы Бен Бернанке придерживается теории экономиста Ирвинга Фишера, который считает причиной Великого кризиса излишние долговые обязательства банков и резкую дефляцию. Этому сопутствует:

- ликвидация долгов и отчаянные распродажи;
- исчезновение денежных запасов по мере выплаты банками вкладов инвесторов;
- крушение бизнес-структур, вызывающее банкротства;
- понижение учетной ставки;
- понижение доходов;
- сокращение производства, торговли и занятости;
- потеря доверия и всеобщий пессимизм;
- дефляция.

А бывший в период кризиса и выхода из него (1934—1948) главой Федеральной резервной системы Маринер Экклз пишет в своих мемуарах «Определяя границы»: «Массовому производству должно соответствовать массовое потребление, что оптимизирует распределение богатства в обществе — не существующего богатства, а производимого в данное время. Покупательная способность должна равняться товарам и услугам, предлагаемым нации экономической машиной»¹.

В 1920-е годы банки на каждый вложенный доллар давали взаймы 9 долларов. Потрясенные безудержным движением вниз, неспособные поверить в необрати-

¹ Eccles M. Beconing Frontiers: Public and Personal Recollections. N. Y.: Alfred A. Knopf. 1951. P. 499.

Как пережить экономический кризис

мый крах, бизнес нации и финансовые лидеры попытались остановить волну кризиса своей верой в то, что с Америкой необратимое несчастье произойти не может. Кто-то еще верил в неуязвимость Америки. Главными объяснениями стали: структурная слабость американской экономики и ряд специфических негативных явлений — поразительная слабость банков, промышленное перепроизводство.

Томас Ламонт, Ричард Уитни — вице-президент финансовой биржи, Джон Рокфеллер-старший и окружающий их мир бизнесменов публиковали бодрые анализы, не имеющие никакого отношения к рухнувшему миру. Министр финансов Эндрю Меллон бросил престиж своего имени и репутации на весы гипотезы о скором прекращении кризиса. Президент Гувер настаивал, что «в фундаментальном смысле бизнес нашей страны, то есть производство и распределение, расположены на здравой и процветающей базе». День ото дня подобные заявления звучали из самых высоких офисов.

Президент Национальной ассоциации производителей Джон Эджертон заявил: «Я никогда не платил своим людям на основе того, что им нужно. Я плачу за эффективность. Лично я предпочитаю всякой социальной добродетели свои вклады в церковь». Но церковную благотворительность никак нельзя было назвать «достаточной»: церковная помощь к 1932 году составляла только 6 процентов необходимой. 30 миллионов страждущих могли положиться только на социальную поддержку государства.

Анатолий Уткин

Сегодня большинство экономистов полагает, что главной ошибкой правительства Гувера было долгое сдерживание Федеральной резервной системы от расширения денежного предложения, в то время как банковская паника и миллиарды потерянных вкладов привели к резкому сжатию денежной массы. Бездействие Федеральной резервной системы превратило первоначальный спад в длительную депрессию.

Но, в сущности, можно прийти к более глубокому выводу: отлаженно действующий механизм капиталистической системы способен к сбоям, предвидеть и объяснить которые невозможно полностью, ибо возникает большая неопределенность, похожая на приближение и последствия урагана.

Первые меры государства

Только в феврале 1932 года Америка увидела первую реакцию правительства на кризис Федеральной резервной системы: она понизила учетную ставку с 6 до 4 процентов. Гувер и его окружение пытались расширить денежное предложение, выходя на рынок с крупной закупкой ликвидности казначейства. Этим и ограничивались первые меры воздействия администрации Гувера на процесс, остановивший эру *просперити*. Последующие два года характерны упорным бездействием, ожиданием возврата экономического цикла к фазе подъема. Федеральная резервная система знала, как сокращается производство, но практически не выпуска-

Как пережить экономический кризис

ла новых денег. Обладавший большим престижем министр финансов Эндрю Меллон полагал, что казначейство обязано предоставить рынку самому восстановить необходимую коррекцию цен и внутренних пропорций.

Меллон говорил президенту Гуверу, что шоковая терапия будет лучшим ответом на кризис: «Ликвидируйте рабочую силу, ликвидируйте запасы, ликвидируйте фермеров, запретите продажу крупных земельных участков... Это устранит гниль в системе. Высокая стоимость жизни немедленно станет ниже. Люди будут работать более упорно, в их жизни будет господствовать мораль. Произойдет автоматическое приспособление цен, умелые бизнесмены сменят глупых неудачников»¹.

Практически все вступившие в кризис страны обратились к протекционизму. Британия, Франция и Германия начали создавать макрорынки в пределах собственных колониальных империй и зон влияния. Британия мобилизовала свою гигантскую империю, французское правительство создало Французский союз, Германия пыталась реализовывать идею «Миттель-ойропы». В США это сказалось в принятии 17 июня 1930 года закона Смита—Хоули, прикрывшего высоким тарифом американскую экономику: была установлена сорокапроцентная пошлина на импорт. Строго говоря, этот закон добавил горючего материала в костер мирового кризиса, так как все страны стали вы-

¹ The Memoirs of Herbert Hoover. N. Y. Macmillan, 1950. P. 342.

бираться из кризиса, прикрывая собственную промышленность, идя к изоляционизму, делая мировой рынок бессмысленным понятием. В результате американский экспорт уменьшился с 5,2 млрд долл. в 1929 году до 1,7 млрд долл. в 1933-м. Многие историки и экономисты именно этим уходом «в свою скорлупу» объясняют легкость прихода к власти крайне правых и ожесточения, доведшего до Второй мировой войны. Влиятельны и критики значимости изоляционизма: импорт США составлял только 6 процентов американского ВНП, а в Европу американские компании не инвестировали и до начала кризиса.

На фоне небольшого расширения денежной массы (с 6,05 млрд долл. в 1929 году до 7,02 млрд долл. в 1933-м) денежная масса резко упала — с 26,6 млрд до 19,9 млрд долл. Волны банковских банкротств подорвали доверие людей к финансовым институтам, сбережения лихорадочно изымались с депозитов и переводились в наличную форму. Выжившие банки, в свою очередь, избегали выдачи новых кредитов, предпочитая хранить деньги в максимально ликвидной форме. Кредитная эмиссия банков была парализована. Желание и банков, и населения держать деньги в наличном виде резко усилило рецессию.

В феврале 1930 года на кризис начинает реагировать Федеральная резервная система. В конце 1930 года разворачивается первая массовая паника держателей акций; происходит отток депозитов, результатом которого стала волна банковских банкротств. В 1932 году ВНП сокращается еще на 13,4 процента (общее со-

кращение американского ВНП с 1929 года — на 31 процент). За три года обанкротились два из пяти банков («сгорело» 2 млрд депозитов). Безработица в 1932 году доходит до 23,6 процента всего трудоспособного населения. 13 миллионов американцев оказались без работы. Дефляция царствует, восемьдесят процентов стоимости промышленных запасов утеряны. Денежная масса с 1929 года сократилась по номиналу на 31 процент. Инвестиции потеряли свою значимость.

В январе 1932 года конгресс США предпринимает экстренные меры, прежде всего, посредством создания Финансовой корпорации реконструкции, чьей задачей было оказание финансовой помощи железным дорогам, финансовым институтам и крупным корпорациям. В июле этого же года функции корпорации были расширены для помощи сельскому хозяйству, финансирования государственных и местных общественных работ. Даже самые упорные сторонники *дeregулирования* начинают отходить от своих взглядов. Принимается закон о Федеральном жилищном банке, который должен предоставлять кредиты организациям, занимающимся ипотечным кредитованием, — прообраз будущей Fannie Mae. Принимаются два закона (Гласа—Сигала), направленных на либерализацию Федеральной резервной системы, разрешающих ей кредитовать банки. Признается общественная необходимость активизировать бюджетное распределение доходов от богатых к бедным, чтобы стимулировать потребление.

Анатолий Уткин

Максимальная ставка индивидуального подоходного налога повышается с 25 до 63 процентов¹.

Наихудших показателей американская экономика достигла в марте 1933 года. Валовой национальный продукт Соединенных Штатов сократился в 1930 году на 9,4 процента, а в следующем году — на 8,5 процента. «Цивилизации бизнеса» президента Кулиджа, «Американской системе» президента Гувера был нанесен смертельный удар. Доходы федеральной казны обрели величайший для в США дефицит. Весь 1930 год доходы компаний падали. Были созданы «Комитеты помощи». Мрак депрессии окутал страну, возникло ощущение конца света. Акции, которые стоили в 1929 году 25 долларов, продавались за половину стоимости, а в конце концов за пятьдесят центов штука. Некоторые экономисты предлагали довольно простое решение: отменить долги и репарации, понизить внешний тариф и возобновить процесс взятия денег взаймы из-за границы.

В Нью-Йорке не было квартала, где не изгоняли бы за квартирную неуплату. В Филадельфии изгнанные семьи жили прямо на улице. Дороги не покрывали асфальтом, тротуары рушились, никто не убирал снег на улицах. Чтобы получить общественную поддержку в виде тарелки супа, нужно было доказать «свой статус» — продать все имущество, исчерпать все виды доходов, исчерпать кредиты, иметь заверенные доказательства того, что все родственники разорились и ни-

¹ Журавлев С. Указ. соч. С. 63.

кто не может помочь. В ряде штатов госпитали отказывались принимать пациентов, если у тех не было доказательств своей платежеспособности. Такие города, как Чикаго, просели под грузом 600 000 безработных. Лекарства стали давать только после полной их оплаты.

Новосозданные ассоциации налогоплательщиков требовали не принимать в школы детей безработных. Семьи, получающие общественную помощь, исключались из своих церковных приходов. В американских городах лишь 25 процентов квалифицированных безработными семьями получали некоторую форму помощи. Мэр города Толедо сказал в 1932 году: «Я видел тысячи морально сломленных людей. Мужчин и женщин, лишившихся надежды, униженно просящих помощи. Это спектакль национальной деградации. В Филадельфии семья из четырех человек получала пять с половиной долларов в неделю, что было гораздо больше, чем в Нью-Йорке (2,39 долл., в штате Миссисипи — 1,5 долл., в Детройте — 0,60 долл.). Полицейские хотя бы получали форму, хуже многих приходилось учителям. Часть зарплаты они получали в виде ежедневной тарелки супа. Курсы музыки и искусства были изъяты из расписания. В 1932 году треть миллиона школьников была лишена возможности обучения. Учителя обедали в домах своих учеников. Школы стали переходить на трехдневную неделю. В Канзасе учителям платили 35 долларов в месяц — половина официального прожиточного минимума. В Чикаго половина из полутора тысяч учителей потеряли свои дома.

Кто нажился?

А были и те, кто сумел нажиться на кризисе. Так, Поль Гетти спокойно и тихо скупал истощенные нефтяные скважины. К февралю 1932 года он получил контроль над долей в 520 000 долл. корпорации «Пасифик ойл». Говард Джонсон стал строить рестораны у кинотеатров и тем самым спас свой бизнес. Но это были исключения. Гиганты только теряли. «Ю.С. Стил» — ключевая компания тяжелой промышленности — работала на 19,1 процента своих мощностей. «Америкэн локомотив компани» за 1920-е годы выпустила 600 локомотивов. А в 1932 году — один. Месяц за месяцем исчезали некогда популярные марки автомобилей: «Штутц», «Оберн», «Корд», «Эдвард Пиэрлесс», «Пирс Арроу», «Дюзенберг», «Франклин», «Дюрант», «Локомобиль». Один энергичный инженер решил обойти Форда за счет малых автомобилей. Он назвал свою машину «Рокн» и вложил в дело 21 млн долл. Удача не объявила, и бизнесмен свел счеты с жизнью.

В те времена объявить себя банкротом считалось зазорным. Люди старались прикрыть свои несчастья. Некоторые открыто просили милостыню. Другие нашли смысл в заострении старых лезвий. Курили десятицентовые сигареты «Вингз», создавали собственный сорт сигарет и продавали их дешевле табачных лавок.

Томатный суп стал популярен. Обручальные кольца продавали повсюду, мебель выставлена на улице, род-

Как пережить экономический кризис

ственников умоляли дать энную сумму взаймы. Мужчины открывали пивные, жены за доллар делали прическу, маникюр и прочее. Эти последние усилия удержаться чаще всего давали краткосрочные результаты. Последняя надежда угасала, отец семейства шел в Сити-холл и регистрировался как безработный. Численность безработных достигла 17 миллионов — а за ними стояли семьи. По данным журнала «Форчун», в сентябре 1932 года 34 млн человек — мужчины, женщины, дети — лишились источника дохода. Это 28 процентов от всего населения Америки. И исследователи забыли 11 миллионов семей фермеров, вступивших в полосу разорения.

А ведь фермеры составляли четверть населения Соединенных Штатов, но они не знали благоприятной стороны «эры просперити». У фермеров не было накоплений, они страдали и до наступившего кризиса. Цены на сельскохозяйственную продукцию были не выше цен эпохи королевы Елизаветы I. Журналист Уильям Аллен Уайт писал: «Каждый фермер, была ли заложена его ферма или нет, знал, что при нынешних ценах он разорится рано или поздно». Помочь им никто не собирался.

Фицджеральд и Хемингуэй уехали в Париж, Генри Джеймс жил в Лондоне, выражая скептическое отношение к буржуазной культуре двадцатых годов. Едкость оценок Юджина О'Нила, Синклера Люиса, отражающих их презрение к миру быстрых накоплений, поразительна.

За пределами США

Но и «заграница» не давала шанса. Летом 1931 года рухнул карточный домик экономики в Центральной Европе, и американо-английские кредиты Восточной Европе плюс французские скучные вспомоществования ничем не помогли индустрии и сельскому хозяйству региона. Весной следующего года рухнул банк «Кредит Ашталт» в Австрии, основанный Ротшильдами в 1855 году. Финансовая структура Германии подошла к пропасти. Джон Мейнард Кейнс доказывал, что кризис проистекает из финансовых последствий Версальского мира. Американские «планы Дауэса» и «план Юнга» лишь на йоту ослабили экономический крах капитализма. Германия должна была как побежденная страна выплачивать репарации победителям — Англии и Франции, чтобы те могли отдавать свои военные долги крупнейшему кредитору — США. Но у немцев не было денег. И Дауэс и Юнг придумали механизм, хоть в какой-то мере оживляющий этот процесс. 20 июня 1931 года канцлер Гинденбург с мольбой обратился к американцам.

Президент Гувер ответил предложением ввести мораторий на выплату долгов и репараций военного времени. Никто не мог предложить альтернативы. Если правительства не откажутся от своих претензий, обрушится социальный мир. Американский конгресс поддержал эту инициативу. На некоторое время показалось, что финансовое здоровье мира может быть восстановлено. Но мировая торговля замерла. К осени

Как пережить экономический кризис

в США всеобщим стал крах банков, падение цен, обесценивание акций.

Новый пароксизм случился с падающей экономикой летом 1932 года. Самые крепкие компании устроились в бездну. В сентябре умолкли последние оптимисты. Что следовало делать президенту Гуверу? Следовало иначе, чем его предшественники в Белом доме, взглянуть на вставшие перед страной проблемы: правительство должно стоять на стороне слабых. Но Гувер, мультилионер и предприниматель, не мог изменить собственной природы.

Гувер обличал «сочетание неблагоприятных условий». В августе 1932 года корреспондент «Сатэрдэй ив-нинг пост» спросил величайшего экономиста своего времени Джона Мейнарда Кейнса, было ли в истории что-либо, похожее на Великую депрессию. «Да, — ответил англичанин, — это было “Темное время”, и длилось оно четыреста лет». Он имел в виду пандемию холеры и чумы Средних веков, резко сократившую население Европы. Общим было то, что люди, ставшие жертвой экономической стихии, не могли понять природы обрушившегося на них несчастья. Некий проходящий сказал, что за два года поменял множество рабочих мест и «готов пойти на убийство — как мне защитить моих детей?».

Журналист Уолтер Липпман обобщил оценку американского народа: «Это деморализованный народ, индивидуумы которого изолированы друг от друга. Они никому не верят, даже себе». Крах прежней жизни разрушил надежду на будущее. Отсюда растущее

Анатолий Уткин

число самоубийц. Эмиль Дюркгейм создал особую категорию — «альtruистические суицидальные типы» для людей, которые идут на самоубийство, чтобы не стать лишним грузом для семьи и общества.

Самонадеянность капитала

Но хозяева финансов не слушали критических замечаний. Их мир был отрезан от подлинной Америки. В своих журналах, таких, как «Литерари дайджест», они писали, что кризис имел и свои позитивные стороны: «Рабочие стали более вежливыми со своими менеджерами, они более разумны в домашнем поведении — это касается и прежде несерьезных женщин. Жены, прежде безразличные к своим мужьям и запустившие свои дома, стали более аккуратными и внимательными». Республиканский кандидат в губернаторы Нью-Джерси утверждал: «Прежнее процветание разрушало моральную основу наших людей». Представитель семьи Дюпона отказался участвовать в обеденном субботнем благотворительном мероприятии: «В три часа пополудни все играют в поло». Дж. П. Морган заметил: «Если вы разрушите класс тех, кто занимается развлечениями богатых, вы разрушите цивилизацию. Под развлекающимися я имею ввиду семьи, которые имеют как минимум одного слугу — двадцать пять или тридцать миллионов людей». Морган был поражен, когда общенациональный ценз показал, что численность слуг в США не превышает двух миллионов чело-

Как пережить экономический кризис

век. Большинство удивлено не было — класс процветающей буржуазии в Америке резко сократился.

Кризис укрепил консолидацию американского капитала. Один процент населения владел 59 процентами всего национального богатства. Один из них — Сэмюэль Инсалл из Чикаго занимал 85 директорских постов, 65 постов председателей Советов директоров и был президентом 11 компаний. Он владел конгломератом в 150 компаний, на него работали 50 тысяч рабочих, он обслуживал 3 250 000 клиентов. Его состояние оценивалось в три миллиарда долларов. Его охраняли 36 телохранителей.

Но кризис поразил и таких титанов. В июне 1932 года он был вынужден с 60 миллионами долларов долга бежать в Европу. Собрав пресс-конференцию в Париже, он вышел через заднюю дверь, чтобы сесть на экспресс до Рима; оттуда он вылетел в Афины (у Греции не было соглашения об экстрадиции с США). Но в ноябре этого года такое межправительственное соглашение было подписано. Одетый женшиной, он на лодке отправился в Турцию, но турецкие власти передали его американцам. Его вернули в США, судили и признали невиновным. Корпорации, а в их авангарде железнодорожные монополии, блокировали прогресс страны. Чтобы поставить преграды на пути безудержного влияния крупного капитала, нужен был эффективный подоходный налог и налог на наследство, а также законы, ограждающие трудящиеся массы от произвола капитала. Гувер пришел к выводу, что лучшая тактика — это социальное маневрирование — координация взаимо-

Анатолий Уткин

отношений между работодателями и профсоюзами. Ощущая остроту положения, он вызвал телеграммами представителей конфликтующих сторон к себе. Не на шутку встревоженные власть имущие постарались всеми силами предотвратить союз рабочих и фермеров.

Для обеспеченных классов жестокость кризиса была «одним из обстоятельств» американской жизни. Отметим, что в годы, когда Америка познала, что такое голод, — в 1929, 1930 и 1931 годах, — налоговая система страны благоприятствовала олигархии. Так, миллиардер Джон Пирпойнт Морган, используя незаконные лазейки, вовсе не платил налогов. Хозяин «Чикаго трибюн» полковник Маккормик на страницах своей газеты страстно призывал всех платить налоги, а сам (по договоренности) платил ничтожные 1500 долларов в год. Но не всех судьба обходила так милостиво. Советник президента Гувера Ивар Крюгер — король «шведских спичек» — 12 марта 1932 года в Париже покончил с собой; следствие обнаружило, что он был вором и украл сотни миллионов долларов самыми различными способами. Отец известного семейства Джозеф Кеннеди (и сам большой делец) пришел к заключению: «Вера в то, что контроль над американскими корпорациями честен и исполнен достоинства, рухнула окончательно».

Не все искусно обходили закон. За неуплату сели в тюрьму Джозеф Райт Гарриман (двоюродный брат Аверелла Гарримана), вице-президент «Бэнк оф Америка» Сол Зингер. Аль Капоне сел в тюрьму именно за неуплату налогов.

Как пережить экономический кризис

Весьма умело использовался ряд обстоятельств:

Во-первых, не потерявший силы этнический фактор — разделение эксплуатируемых по этническому признаку. Фермеры в Америке были преимущественно англосаксонского происхождения, в то время как среди городского пролетариата резко увеличилась прослойка иммигрантов из Центральной и Восточной Европы.

Во-вторых, различие в непосредственных целях движения. Рабочие требовали зарплаты, не заботясь о том, в каком — бумажном или металлическом — выражении она последует. Фермеры же настаивали только на *серебряной* монете, считая ее доступной для себя, в отличие от золота, за которым охотятся богатые. Их врагом было золото.

Грозовая атмосфера

В ходе 1930-х годов все более складывалось представление о том, что, если господствующий класс откажется хотя бы от некоторого перераспределения расходов, накапливая свои безграничные состояния на фоне всеобщего обнищания, тогда за дело возьмутся «радикальные элементы общества», которые не исключат обращения к силовым методам разрешения социального конфликта. Признание растущего страха было новым явлением в американской жизни. Так, президент Гувер был «страшно обеспокоен» судьбой антитрестовых биллей, в которых он видел начало

Анатолий Уткин

открытого социального противостояния. Шел ожесточенный спор о том, какую политическую систему следует принять Соединенным Штатам. Всеобщее ожесточение достигло предела, и встал вопрос о выходе из кризиса тем путем, на который указывали Гитлер и Муссолини. Такие военные, как генерал Макартур, подталкивали власть к насильственному пути. Давая показания сенатскому комитету о «спорадических мятежах» в ряде индустриальных центров страны, представители профсоюза АФТ (Американская конфедерация труда) подчеркнули внутреннее, американское происхождение воинственных социальных движений и отказывались видеть в социальном кипении результат экспорта революции: «Огромное большинство населения ничего не знает о коммунизме. Они просто хотят и требуют хлеба».

Как писал драматург Роберт Шервуд, «путь впереди казался заслоненным черным сомнением». Если правительство не может обеспечить порядок, каждый гражданин оказывается предоставленным самому себе, и он выберет путь сопротивления. В ряде городов бизнесмены создавали комитеты, чтобы блокировать терроризм на железных дорогах, предотвратить обрыв телефонных проводов и блокаду шоссейных дорог. Богачи создавали запасы свечей, консервов и запасы одежды — скорее *старой*, чтобы можно было в случае социального взрыва быстро «раствориться» в преимущественно голодной толпе. В этот час социальной тревоги обеспеченные люди бронировали номера в отелях. На крышах некоторых частных домов появились пуле-

меты. Телохранители заняли свои места. Представители американского капитала не были пааноиками, но они реально смотрели на разваливающийся мир и откровенно боялись революции, похожей на российскую. И среди американской интеллигенции наблюдалось движение «влево», причем примиренческие варианты все чаще отвергались. Даже социализм стал явлением «середины дороги», в отличие от коммунизма, представлявшегося ее «краем» — писатель Дос Пассос называл приверженность социализму полумерой. Идти по социалистическому пути, когда на одной щестой суши утвердился коммунизм, — все равно что «пить почти пиво».

В капиталистической Америке все более привлекательным стал казаться советский опыт. Открыто исповедовали коммунизм звезды первой величины американской литературы — Дос Пассос, Шервуд Андерсон, Эрскин Колдвелл, Мальcolm Коули, Линкольн Стеффенс, Гранвиль Хикс, Клифтон Фейдеман, Эптон Синглер, Эдмунд Вильсон. Последний призывал отнять у русских монополию на социальный опыт — «отнять коммунизм у коммунистов». Писатель Стюарт Чейз писал в газете «Нью Дил»: «Почему русским предоставили всю интересную социальную работу?» Многие лидеры американской интеллигенции считали Советскую Россию моральной вершиной Земли, «где свет никогда не гаснет». Журналист Уильям Аллен Уайт назвал Советский Союз «самым интересным местом на планете».

Критики капитализма сравнивали американский хаос с советским порядком. Сатирик Вилл Роджерс заметил: «Эти подонки в России выдвинули несколько хороших идей... Подумайте только: каждый в этой стране *ходит на работу*». Лумер Дэвис сказал, что «капиталистическая система гонки за доходами *мертвя*». Прежде аполитичные авторы взялись за революционную науку. Так, писатель Скотт Фицджеральд начал читать Маркса, поскольку, судя по общественной эволюции, «возможно, предстоит сотрудничать с коммунистами». Радикализация коснулась отнюдь не только интеллигенции, она проникла в правящий класс. Губернатор южного (и бедного) штата Миссисипи Бильбо признавался: «Я чувствую, как политически краснею». А губернатор Миннесоты Олсен принимал в свою национальную гвардию только тех, у кого есть «красные карточки». Миннесота — очень левый штат. Конечно же, Бильбо и Олсен были политическими эксцентриками. Но они отражали растущее неверие в «прежних богов», растущее стремление радикально изменить прежний порядок.

Нужно сказать, что «большие деньги», осуществлявшие ведущее политическое влияние в стране, и американская армия, подчиняющаяся военному министру Херли, — решительно стояли на *правом фланге*. Они отвергали все возможные «левые эксперименты». А что же глава исполнительной власти в США — Президент? Испытывая явственные опасения, президент Гувер и его окружение в этот критический час отвергали все

Как пережить экономический кризис

попытки ослабить силовые структуры американского государства — в частности, сократить армию: «Сокращение состава армии ослабит инструменты поддержания закона и порядка». В сентябре 1932 года правая организация «Американский легион» приняла резолюцию, в которой говорилось, что наступивший экономический кризис не может быть погашен прежними — старыми и преимущественно мирными методами. Генерал Смедли Батлер признал, что в Нью-Йорке его вербовали в некую «правую армию», предлагая 18 тысяч долларов. В американском обществе стало слагаться некое позитивное отношение к правым, фашистским режимам. Ректор Колумбийского университета — Нобелевский лауреат Николас Мюррей Батлер говорил своим студентам, что страны с *правыми* режимами формируют «людей с большей силой интеллекта, значительно более сильным характером и большим мужеством, чем страны с избирательной системой». Губернатор Канзаса Лэндон объявил: «Железная рука национального диктатора предпочтительнее, чем паралич власти». Конгрессмен Гамильтон Фиш сказал в 1932 году: «Если мы не установим диктатуру при нынешней системе, тогда придется менять систему». Экс-губернатор Нью-Йорка Альфред Смит полагал, что Конституцию нужно свернуть и спрятать в сейф до окончания кризиса». Республиканский сенатор Дэвид Рид выразился вполне определенно: «Если наша страна когда-либо нуждалась в Муссолини, так это сейчас».

Давление в социальном котле

Давление в социальном котле нарастало, равно как и конфронтация разных политических проектов выхода из кризиса.

В годы депрессии технология изготовления бытовых приборов была еще не слишком развита. Не было привычных впоследствии автоматических моющих машин для посуды, сушек белья, электрических нагревательных одеял, радиобудильников, современных окон, «самогладящихся» рубашек, пакетов с замороженной едой, автоматических кофеварок, бесконтактных электрических бритв, сигарет с фильтром, электрических зубных щеток, виниловых полов, шариковых ручек, электрических пишущих машинок, диктофонов, ксероксов, поляроидов, фибергласовых удочек, пакетов для мусора, магнитофонов, электроножей, приборов для сушки волос, электрических открывателей консервных банок.

Большинство американских домов обогревались дровами и углем. Америка нуждалась в 400 млн тонн угля в год. Его привозили угрюмые люди в черном и забивали углем подвалы. Мясо хранили в ящиках со льдом; домохозяйки оставляли на окнах кухонь записки — сколько им требовалось льда. Гостер был роскошью. Фонографы заводили рукой, их звали «виктрола» или «грамммофон». В 1932 году в стране было только 185 пылесосов. Электричество было у одного из десяти американских фермеров. Половина американцев приносили воду из колодцев или колонок. Не было ДДТ,

и летом насекомые становились проблемой. Соки из фруктов выжимала сама хозяйка.

Болезни были долгими и мучительными. В больницах анестезия сводилась лишь к хлороформу. Антибиотики еще не появились. Между 1932 и 1934 годами разорилось 3512 фармакологических фирм с долгами в 59 млн долл. Американским родителям тем не менее в некоторых отношениях было легче воспитывать своих детей. Молодежной субкультуры не существовало. Молодые люди того времени были лояльны своим семьям. Обсуждать поведение и привычки родителей было буквально невероятным. Толпы сверстников, ожидающих подростка во дворе, не существовало. Дети знали, что такое деньги и как сложно их добывать. Популярен был пинг-понг, игры, в которых участвовала вся семья. Очень популярен был бридж — и более всего радио, главное украшение всех квартир. Даже дети бросали бейсбол и усаживались у приемников: новости, комедии, концерты.

Счастливчики имели велосипед и очень гордились этим. Велосипеды, когда ими не пользовались, запирали на замки. Читали «Сатердей ивнинг пост», «Кольерс» и «Либерти». Герои детских книг имели свои амбиции. У них были свои цели. Читатель идентифицировал себя с ними и старалась им подражать. Главным достоинством было умение контролировать себя, способность быть смелым. Они видели реальный мир и не хотели быть на его дне. Важно было быть опрятным, и семья не экономила на парикмахере. «Сиди прямо!» — был самый популярный совет детям. Саржевый костюм

Анатолий Уткин

для юноши был обязателен, и его берегли, надевая по воскресеньям. Учителям в некоторых городах было запрещено упоминать Советский Союз. На картах территории России была белой. Школьный день начинался с клятвы верности американскому флагу и протестантской молитвы. За восемь долларов детей посылали в летние лагеря скаутов и молодых христиан. Всей семьей выезжали на автомобиле на природу, обычно на неделю. Дорога № 1 проходила через центр Вашингтона, Филадельфии, Нью-Йорка и Бостона. Тогда еще не было дорог между штатами. Приходилось перемещаться через реку Делавэр и Гудзон — мост Джорджа Вашингтона над Гудзоном еще только строился. Поступить в университет было нетрудно. Тридцать пять тысяч абитуриентов поступили в университеты в 1932 году.

В начале 1930-х годов наиболее интересными писателями были Уильям Фолкнер, Кристофер Морли, Олдос Хаксли, Джон Дон Пассос, Робинсон Джейфферс, Т.С. Стрилинг, Хендрик Виллем Ван Лоон, Джеймс Барри, Чарльз Нордхоф, Джеймс Норман Холл. Отмечали юбилеи Джорджа Бернарда Шоу, Редьярда Киплинга, Джона Голсуорси. Звездами кино были Мэри Дресслер, Жанет Гейнор, Джоан Кроуфорд, Чарльз Фаррел и Грета Гарбо. В Голливуд прибыл Фред Астер. Бенни Гудмен начал играть с Томми Дорси. По радио Гудмен давал поразительные концерты на кларнете.

ФБР собрало более трех миллионов отпечатков, но Америка, казалось, не представляла своего будущего. В Кембриджеском университете сэр Джеймс Чадвик

открыл нейtron, т.е. тропинку к процессу ядерного распада. Но слова Резерфорда о возможности выделения ядерной энергии вызвали смех. Альберт Эйнштейн по дороге в Калифорнийский технологический институт назвал идею «фантатической». Уран стали использовать для окраски светящихся стрелок часов вместо радия — и прекратили только весной 1932 года — после смерти многих часовщиков.

Рабочий класс

Для эффективной борьбы американскому рабочему классу явно не хватало организованности. В крупнейшем профессиональном союзе — Американской ассоциации труда в 1920 году было 4,1 млн членов, а в 1932 году — только 2,2 млн членов. Шахтерам платили 10,88 долл. в месяц, и они были обязаны покупать товары только в магазинах своей фирмы. И все же рабочий класс Америки показал свое отношение к «золотому веку» буржуазного господства. В Хомстеде (близ Питтсбурга) состоялась забастовка рабочих сталелитейных заводов Э. Карнеги. В те же дни страна следила за борьбой шахтеров в Айдахо. На подавление их выступления послали солдат федеральной армии. В схватках погибло более двухсот человек. Через неделю всеобщее внимание привлек штат Теннеси, где рабочие-металлурги сражались с наемниками хозяев. Газеты сообщали о выступлениях нью-йоркских железнодорожников. В четырех крупных штатах существовало практически военное положение.

Анатолий Уткин

К 1932 году, цитируя американского историка Артура Шлесингера, «туман отчаяния повис над страной». Имя президента с ненавистью произносили многочисленные обитатели «гувервилей» — трущоб, заселенных разорившимися американскими семьями. В те годы получил распространение ряд новых понятий: «одеяло Гувера» — старые газеты, которыми укрывались; «фургоны Гувера» — старые автомобили, в которых запрягали мулов; «гуверовские флаги» — вывернутые наизнанку пустые карманы.

Жертвами кризиса были учителя, видевшие посивевшие лица своих учеников. В октябре страшного 1932 года — за месяц до президентских выборов — отдел образования муниципалитета Нью-Йорка докладывал, что более 20 процентов учеников общественных школ страдают от недоедания. Несчастные дети Америки страдали от летаргии и бессонницы, от психических заболеваний. Один из учителей предложил сверххудой ученице пойти домой и немного подкрепиться. Та сказала, что не может: сегодня «очередь моей сестры».

Популярная детская песня того времени:

*Мелон достал свисток,
А Гувер в колокол удариł.
Уолл-стрит дал сигнал,
И Америка отправилась в ад.*

Рабочий класс Америки показывал нежелание молча нести свой крест. У мощных забастовок было про-

Как пережить экономический кризис

должение. Именно этих шахтеров видел губернатор штата Нью-Йорк Франклин Рузвельт, когда пересекал горнодобывающую часть Пенсильвании на пути в столицу. Пролетарии стояли молча, их беззубые рты не позволяли определить возраст, но их узловатые руки никак не говорили о дружелюбии. Эти люди начинали трудовую жизнь в восемь лет собиранием щепок и угольного сора, и с этих пор их руки несли неистребимые следы тяжелого труда. Они работали по десять часов в день, шесть дней в неделю. Уголь был везде — в их пище и в их легких. К сорока годам их организм изнашивался полностью. Первыми из-за силикоза отказывали легкие. До конца своих недолгих дней они снова, как дети, собирали щепу и угольные крошки.

Но эта гонимая миром сила постепенно организовывалась. Гувер (а затем Рузвельт) признал, что «рабочий вопрос» является крупнейшей проблемой Америки наступивших тридцатых годов, «наиболее далекоидущей по своим возможным последствиям». Первый удар колокола уже прогремел — забастовка объединенного профсоюза шахтеров в Пенсильвании. Договоренности с шахтерами истекали, предстояли новые договоренности.

Год 1932-й отмечен подъемом стачечной борьбы шахтеров. С началом осени цены на уголь резко поднялись. В таких городах Новой Англии, как Линн и Ловелл, только один из троих рабочих имел работу, и относились к ним как к рабам. А продавцы в магазине компании получали пять долларов в неделю. Работаю-

Анатолий Уткин

щие девушки получали 25 центов в час. В пошивочных фабриках Нью-Йорка пятнадцатилетние девушки получали 2,78 доллара в неделю. Был достигнут «уровень китайских кули». Было множество семей, евших только чечевицу.

Власть имущие

Гувер ходил по Овальному кабинету, обдумывая способы решения острого социального конфликта его президентства. Выступая в Нью-Йорке, он произнес слова, которые Америка ему припомнила: «Никто в нашей стране не умирает от голода». В сентябре 1932 года журнал «Форчун» открыто назвал президента лжецом. Журнал предложил оценить ситуацию таким образом: «25 миллионов страдают от голода». Городской совет Нью-Йорка зафиксировал 29 случаев именно «смерти от голода». Гувер был потрясен, когда на рыбалке в Скалистых горах ему показали семерых умирающих от голода детей.

Столкнулись в яростной классовой схватке самый мощный профессиональный союз рабочих и самые мощные корпорации страны. Сто сорок семь тысяч шахтеров угольных шахт прекратили работу, требуя, во-первых, повышения заработной платы; во-вторых, признания их профессионального союза рабочих шахт. В знак солидарности к забастовке присоединились восемнадцать тысяч рабочих битумных шахт. Затем за-

Как пережить экономический кризис

бастовали железнодорожные перевозчики, и общее число бастующих приблизилось к четверти миллиона человек. И это в краю, который прежде добывал пятьдесят пять миллионов тонн угля. Америка в целом только сейчас стала осознавать грандиозность происходящего, речь начала идти о самом большом классовом столкновении в американской истории. Заезжий британский экономист Джон Мейнард Кейнс предсказал, что, если данная массовая забастовка продлится до начала холодного сезона, «последуют невиданные еще в мире социальные последствия».

Писатель Томас Вульф заметил, что «бездомные люди старались расположиться поблизости от ресторанов, бросаясь толпами на остатки пищи». «Армия спасения» сама подбирала остатки консервов для раздачи безработным. Томас Вульф беседовал с безработными, оккупировавшими общественные туалеты. «А небоскребы Манхэттена холодно сияли в жестокой яркости зимней ночи. Небоскреб Вулворт стоял всего в пятидесяти ярдах, а немного дальше мерцали серебряные пики Уолл-стрита, огромной крепости из камня и стали».

Журналисты обрисовали страдания людей в неотапливаемых домах. Представитель угольных компаний связывал святые идеи патриотизма с «преступной активностью подрывных элементов» и обвинил сами попытки «переговоров с подстрекателями анархии в злостном вызове закону». Возобладала политика отрицания возможности самого диалога капиталистов с верхушкой профсоюзных деятелей.

Социальная борьба

Забастовка горняков окончилась своеобразным компромиссом. Предприниматели так и не признали легальности объединенного профсоюза шахтеров — это означало право увольнения любого рабочего по желанию администрации и хозяев. Но некоторые требования бастующих (установление девятичасового рабочего дня, частичное увеличение заработной платы) владельцы шахт были вынуждены удовлетворить.

Основные идеи выхода из кризиса — полный контроль государства над железными дорогами, увеличение ответственности работодателей, гарантированная компенсация работающим, восьмичасовой рабочий день, модернизация системы каналов и шлюзов. Президент Гувер в послании конгрессу отметил важные политico-философские моменты — будущее сохранит глубокие рассуждения этого послания о природе социальной справедливости. Справедливость — это не некая отвлеченная идея, но постоянная, день за днем осуществляемая адаптация общества к меняющимся человеческим потребностям. Особенно чувствительной должна быть судебная власть. «Каждый раз, когда судьи интерпретируют контракты, собственность, права, должное отправление справедливости, свободу — они по необходимости вносят в систему юриспруденции долю своей социальной философии. А поскольку такая интерпретация имеет фундаментальное значение, эти судьи дают направление всему процессу отправления справедливости».

Как пережить экономический кризис

Многие, такие, как Чарльз Швоб, были уверены, что революция в Америке — «за ближайшим углом». Декан Гарвардской школы бизнеса заявил: «Идет суд над капитализмом, и от исхода этого суда зависит судьба западной цивилизации». Во многих статьях, книгах и журналах («Йель ревью», «Скрибнерс», «Америкэн меркьюэри», «Атлантик») обсуждалась возможность вооруженного восстания с США.

Коммунисты, взволнованные реализацией их главных предсказаний, предрекали коллапс капитализма, установление диктатуры пролетариата и повторение в Америке российского опыта. Банкирам оставалось ссыльаться на глупости 1920-х годов, когда «просперити» затмила людям глаза. Циники говорили о божьем наказании за алчную жадность человеческой расы. Американский национальный котел пузырился всеми видами идей. Американская конфедерация труда рассматривала все более радикальные программы. Начались голодные марши на федеральную столицу и на столицы отдельных штатов. Возмущенные фермеры (особенно на Западе) блокировали дороги, ведущие к рынкам, и выливали молоко в реки и ручьи. Ветераны Первой мировой войны пошли маршем на Вашингтон. Здесь они встали лагерем. Но испуганные федеральные чиновники обратились к регулярной армии, к танкам и газам — знаменитая «битва при Анакосте».

Эксперты утверждали, что сосчитать безработных в стране невозможно. Эффективных методов борьбы с безработицей правящий класс не знал. Один из жителей Арканзаса прошел полторы тысячи километров

Анатолий Уткин

в поисках работы. В некоторых семьях мужчины исчезали на несколько недель, уходя в поисках работы. Квартиры освещали только 25-ваттными лампочками или свечами.

Амторг — советская торговая организация, расположенная в Нью-Йорке, получала ежедневно 350 предложений от желающих работать в СССР. И даже переехать в Советский Союз, меняя гражданство. Однажды Амторг опубликовал предложение шести тысячам квалифицированных рабочих. Просьба войти в заветные шесть тысяч пришла от *ста тысяч* квалифицированных американских специалистов. В ожидании ответа люди спали в Центральном парке Нью-Йорка, на ступенях метрополитена, близ любых источников тепла. Миллионы американцев остались живы только потому, что жили как животные. В пищу употребляли коренья, жевали траву, дикий лук, листья деревьев. Матери ходили в док, искали испорченную и выброшенную еду, перебивались, как могли. На дорогах искали пшеницу и сорго, упавшие с грузовиков. Томас Вульф видел, как безработные бросались к бакам с отходами. Он видел их везде, и число их увеличивалось по мере того, как бежали дни и месяцы сурогового 1932 года.

Социальный протест

Великая депрессия запала в сознание тех, кто через поколение возглавит Америку. В то время молодой Никсон (будущий президент) учился и одновременно про-

Как пережить экономический кризис

давал овощи. Нужно сказать, что его семья не голодала, принадлежа к тем восьмидесяти миллионам, которые легче перенесли депрессию, чем находящиеся внизу общества более многочисленные массы людей. Депрессия ударила по образовательной системе общества. Для огромного большинства молодого поколения Америки образование сводилось к элементарной школе с одним учителем. Таких в стране было громадное количество — 143 391 школа. Нужно сказать, что труднее всего приходилось детям фермеров (но фермеры составляли уже всего 18 процентов населения Америки).

Страна обсуждала пути выхода из кризиса. В журнале «Ньюйоркер» появилась карикатура — девушка на вечеринке в Гринвич-Виллидж (Нью-Йорк) объясняет парню свой вариант: «Это очень просто. Нужно захватить все электростанции и радиостанцию». В такой ситуации немудрено, что военный министр Херли держал у столицы армейские подразделения. Однако ожидаемое восстание началось не в федеральной столице (куда пришло немало обездоленных), а в столице кукурузного штата Айова, где с вилами и винтовками вышли фермеры.

Они решили выступить против системы, которая платила два цента за кварту молока. Восстание возглавил президент Айовской ассоциации фермеров — шестидесятичетырехлетний фермер Мило Рено. Телеграфные столбы легли поперек дорог. Фермеры перекрыли все десять дорог, которые вели в столицу штата. Повстанцы пропускали только молоко в больницы. В других случаях грузовики останавливали, молоко из

Анатолий Уткин

бидонов выливали на обочину. Симпатизирующие восставшим телефонисты предупреждали, в каких местах появятся патрули. Фермеры отняли у шерифов их револьверы. Местная дорога № 20 стала айовским «Банкер-Хиллом» (место, где началась американская война за независимость).

Мило Рено сказал своим приверженцам: «Тут некоторые утверждают, что захват дорог незаконен. Но и бостонское чаепитие (эпизод Войны за независимость. — А.У.) было незаконным». Восстание разгоралось, оно дошло до Демойна, Каунсил-Блаффса, до Омахи. Рено сказал своим последователям: «Эту революцию нельзя остановить, как и революцию 1776 года». Повстанцев поддержали фермеры-животноводы соседнего штата Висконсин, где молоко тоже выливали на землю. Один из висконсинских фермеров сказал: «Мы должны начать революцию, как в России».

Уже обсуждались планы вооруженного восстания в национальных масштабах. Один из фермеров предложил: «Мы должны иметь 400 пулеметов, несколько батарей артиллерии и винтовку у каждого. И мы должны отрезать Восточное побережье от Запада. Мы выстоим — у нас есть все, что необходимо для жизни и питания, а в восточных городах есть только закладные на наши фермы». В любимой песне повстанцев говорилось, что «мы будем есть мясо и яйца, а горожане пусть жуют свое золото». Один из отрядов восставших заявил, что если не получит немедленной помощи от федерального правительства, то разрушит здание законодательной ассамблеи штата — кирпич за кирпичом.

Как пережить экономический кризис

Революционное насилие ширилось — на лесной дороге был найден убитый адвокат. Особая ненависть проявлялась к судьям, лишавшим фермеров их наделов. А на аукционах давали всего *пять центов* за лошадь, за ту же сумму продавался бык. Три свиньи за десять центов, два бычка за четыре цента — все хозяйство разорившегося фермера шло за мизерную сумму в один доллар и восемнадцать центов. Эдвард О'Нил — президент Бюро администрации фермеров — заключил: «Если для фермеров ничего не будет сделано, то в течение двенадцати месяцев в Соединенных Штатах вспыхнет революция».

■ Глава вторая

Углубление депрессии и поиск лидера

Кризис власти явно ощущался в эти годы. Администрация Гувера топталась на месте, не сделав никаких улучшающих ситуацию шагов.

Ухудшающееся положение трудящихся несло с собой, помимо прочего, шанс демократической партии на овладение властью в стране, ведь республиканец Герберт Гувер, как показали годы кризиса, ничего не мог сделать для улучшения их положения. Требование перемен становилось едва ли не всеобщим. Страна начала искать альтернативу.

Поиск нового национального лидера не мог не привлечь внимание к трудоголику и оптимисту, всегда улыбающемуся губернатору крупнейшего штата Нью-Йорк, чей вздернутый кверху мундштук на газетных фотографиях стал узнаваемым для множества читателей в стране. Помогли и новые средства информации. Знаменательная дата — в четверг 7 апреля 1932 года американцы услышали по радио новый для многих голос губернатора штата Нью-Йорк Фран-

клина Делано Рузвельта — мягкий, вибрирующий, уверенный в себе.

Если бы Рузвельт был еще одним Гувером, то Соединенные Штаты могли бы пойти по пути семи латиноамериканских стран, чьи правительства были свергнуты жертвами депрессии. Рузвельт иначе, чем его предшественники в Белом доме, взглянул на вставшие перед страной проблемы: «Изменилась сама природа стоящих перед нами политических вопросов. Теперь эти вопросы престали быть чисто легальными и судебными; они стали социальными, затрагивающими саму жизнь общества, вопрос отношения человека к человеку в нашей стране. Ныне правительство имеет дело с поддержанием самой жизни в Америке. Механические, судебные процессы показали свою недостаточность. Искусство и деятельность правительства ныне заключается не в подходе к отдельному человеку, а в подходе к массам». И правительство должно стоять на стороне слабых и обездоленных.

Рузвельт — как и большинство американцев — считал поразившее страну экономическое несчастье временным. Его врожденный оптимизм позволял ему держаться, возможно, даже несколько дольше других. Ему понадобилось довольно много времени, чтобы осознать: экономико-социальный кризис — это всерьез и надолго. Источником многих бед Рузвельт считал «отсутствие у народа в целом лоббистских организаций»; народ молчит по самым существенным для него вопросам. Пока его программа «Новой свободы» стро-

Анатолий Уткин

илась на трех столпах: дешевые товары бедным; банки — под контроль государства; антитрестовское законодательство.

А депрессия от месяца к месяцу неукротимо становилась Великой. Для устремившегося к вершине власти Франклина Рузвельта насущной была задача заручиться поддержкой хотя бы части клана экономических хозяев страны: деньги — кровь политики. Деньги на предвыборную кампанию он надеялся добыть у старых манхэттенских богачей, помнивших еще его отца. Здесь все ценили уважительное отношение Рузвельта к *laissez-faire*, к свободной торговле. В старых коричневых домах немалое число думающих о стране зажиточных граждан выписывали чеки с большим количеством нулей. При этом, когда один из таких доброхотов попросил взамен пост посла в Бельгии, на него посмотрели с недоумением.

Рузвельт только лишь начал формировать свой стиль, свое видение и подход к проблеме борьбы с кризисом. Демократическая партия еще не консолидировала свои силы. Именно в это время «мобилизованный» губернатором профессор политических наук Колумбийского университета Реймонд Моли пишет о Рузвельте: «Когда он стремится к чему-либо, он проявляет очевидную жесткость, упрямство, настойчивость, энергию... Я был изумлен его интересом ко всему происходящему... Я не уверен, что он прочел много книг об экономических проблемах. Более всего сведений он получает из бесед, и когда он прекращает эти беседы, ты не знаешь, что он извлек для себя».

Республиканцы организуются

Едва ли нужно напоминать, что Уолл-стрит традиционно ориентировался на республиканскую партию, партию северо-восточного капитализма. И примирительные жесты имели определенный успех. Денежная элита, собственно, пока не видела альтернативы. Гувер считал причиной кризиса международный хаос, особенно состояние дел в Европе, когда немцы не платили reparations, французы и англичане не платили долги. Президент Гувер верил только в частную помощь и категорически отвергал государственную поддержку беднякам. Рузвельт верил в себя, и он верил в прямую и непосредственную помощь, в институциональные реформы, в важность морального подъема, в общественную собственность, в продуманные программы.

Более всего Гувер не любил, когда ему напоминали его предвыборное обещание, что в гараже каждого американца будут стоять *две* автомашины. Он сохранял верность принципу «грубого индивидуализма» и отказывался принимать меры по оказанию помощи бедствующим безработным американцам. Одновременно он инициировал выделение федеральных ассигнований на поддержку банков, железнодорожных и некоторых промышленных компаний.

Тем временем обстановка в стране все более принимала пропорции национального несчастья. Президент Гувер в очередной раз провозгласил, что возврат к процветанию «за углом», и в очередной раз ошибся. Страна стала отворачиваться от него в поисках преемника,

который мог бы решить проблему людей, потерявших работу и постепенно теряющих смысл жизни; судьбу фермеров, чьи продукты обесценились на 60 процентов; впавших в отчаяние владельцев акций, стоимость которых на Уолл-Стрите упала с 87 млрд долл. в 1929 году до 19 млрд в 1933-м. Как могли американцы возвратиться к своему исконному оптимизму, если национальный доход страны уменьшился вдвое? Сбережения трудящихся испарились в тысячах исчезнувших банков, трубы заводов не дымили, фермеры уничтожали свою продукцию.

14 июня 1932 года предвыборный республиканский конвент собрался в Чикаго. Политическая платформа республиканской партии защищала президента Гувера, обвиняя во всех невзгодах, выпавших на долю американского народа, экономическую политику европейских правительств. Кандидатом республиканской партии в президенты был снова назван Герберт Гувер, отрекомендованный конвенту как опытный политический деятель, «стоявший у штурвала государственного корабля в самые трудные для страны годы» и «проложивший безопасный курс сквозь туман и ураганы».

Гувер уверовал в то, что его демократического противника не поддержат деловые круги восточных штатов США и это будет практически равносильно поражению на выборах. За три месяца Гувер выступил с девятью программными речами, основной темой которых была защита республиканской администрации от обвинений оппозиции в том, что она содействовала началу экономического кризиса в США. Он сам

Как пережить экономический кризис

когда-то признавал торговлю с Советской Россией невозможной, поскольку ее экономическая система не в состоянии была обеспечить промышленное производство, экспорт и импорт, Гувер теперь называл товары из этой страны демпингом, ставшим одной из причин поразившего Америку экономического кризиса.

Возможно, более всего депрессия оказала влияние на национальный характер американцев. Нация энергичных трудоголиков, всегда готовых откликнуться на шутку, безусловно веряющих в свое будущее, стала серой, безликой толпой, потерявшей гордость и самоуважение. Тот, кто сумел бы возвратить эти исконные качества, мог бы рассчитывать на национальную благодарность и безусловное лидерство, подобно экономическому магу.

Новый политический лидер кризисного периода

Именно в этот момент национального кризиса, когда основная когорта политиков опустила руки, Рузвельт решает выйти на национальную арену. Он делает это осторожно, стараясь не оторваться от реальной почвы. Он создает альтернативу политике Гувера: администрация Гувера борется за три святыни — минимальная инфляция, твердый (привязанный к золотому стандарту) доллар и сбалансированный бюджет, а Рузвельт предлагает поставить в центр забот того «простого» американца, который даже не фигурирует в свод-

Анатолий Уткин

ках министерства финансов. В марте 1932 года страна начала повторять слова губернатора Нью-Йорка о том, что «никто в стране не может быть ненакормленным, неодетым и лишенным жилья». Рузвельт призвал оставить страхи перед дефицитом бюджета: «В такие необычные времена повышенные финансовые расходы оправданы... Там, где штаты не могут решить задачу, заботу о стране должно взять на себя федеральное правительство». В Белом доме президент Гувер боялся более перипетий кризиса того, что к власти в стране придут безответственные демагоги, ниспровержающие каноны тех экономических воззрений, в которые он свято верил. В стране начали образовываться две полярные точки зрения на способ выхода страны из экономических несчастий. Рузвельт бросил вызов гуверовской монетаристской ортодоксии.

К середине ноября замолкли все оптимисты — рынок смел 40 млрд долл. (по пересчету на доллар 2000 г. это было «отнятие» у каждого жителя не менее 25 тыс. долл.). Жизненный уровень населения страны стал резко понижаться — и это не было временным. Гувер постоянно совещался с лидерами промышленного и банковского мира. Генри Форд, Джон Рокфеллер и Чарльз Швоб объявили, что скупают подешевевшие акции. Никаких перемен. Гувер снизил налоги. Был принят тариф Смита — Хоули, закрывший американский рынок от иностранной конкуренции.

Помощница Рузвельта Френсис Перкинс критически выступила против Гувера, отрицавшего резкий рост безработицы. 29 марта 1930 года Рузвельт стал

первым губернатором, который указал на угрозу массовой безработицы. 26 апреля 1930 года Франклин Рузвельт сказал, что 80 процентов американской экономики контролируются 50—60 корпорациями, чьи щупальцы проникают на финансовый рынок. «Если бы Томас Джефферсон был жив, его обеспокоила бы такая концентрация богатства».

Символами Америки стали очереди за хлебом, продавцы яблок и дома, сколоченные из коробок и кусков железа. Такие дома, которые появились во всех местах Америки, стали называть «гувервилями» — символ непонимания Гувером несчастья, свалившегося на страну, и утверждавшим, что продажа яблок стала более прибыльной. При этом безработица к лету 1930 года достигла четырех миллионов — 9 процентов рабочей силы страны. Рузвельт буквально навязал конференции губернаторов дискуссию о борьбе с безработицей. Теперь Франклин Делано Рузвельт (ФДР) выступал за национальное решение проблемы.

В одном только Нью-Йорке было более миллиона безработных — 24 процента рабочей силы.

Осенью 1931 года размах депрессии расширился.

22 января 1932 года губернатор Нью-Йорка за неделю до своего пятидесятилетия выставил свою кандидатуру на предварительных выборах в Северной Дакоте. В те времена обесценившихся денег и обесценившихся слов далеко не все видели в нем героя.

Прежние претенденты на американский политический Олимп нередко создавали свои «военные советы», но заглавную роль в них всегда играли бизнесмены —

Анатолий Уткин

промышленники и финансисты. Такова всегда была природа американской социально-политической системы, ориентированной на гениев менеджеризма. Впервые после Джефферсона Рузвельт обратился к иной среде — он поставил на интеллектуалов. Такой подход пришел не сразу, даже выпускник Гарварда с трудом преодолевал малопривлекательный американский скептицизм в отношении «яйцеголовых» представителей профессорской среды. Вначале его отталкивало многословие университетских светил, их педантизм, бесконечное теоретизирование, оторванность от реальной жизни, нередко малообоснованный идеализм. Но со временем он пришел к выводу, что менеджеры компаний, достигшие успеха в цехах и на рынке, попросту игнорируют главное — социальное, человеческое измерение. Рузвельт пришел к выводу, что университетская элита, при всей своей оторванности от многих практических вопросов, несет с собой живительное критическое зерно, которое в союзе с честным политиком неизбежно даст плодотворные всходы. Он довольно рано понял, что только из академического сообщества он может получить стоящие независимые идеи.

Главным источником рекрутования ярких академических личностей стал Колумбийский университет, расположенный в самом центре Манхэттена. Яркие умы обозначили себя в самых разных сферах. Профессор Моли был специалистом по уголовному праву, Рекс Тагвел — экспертом по сельскому хозяйству. Адольф Берль изучал изменения в экономической системе страны. О существовании этого «мозгового треста»

Как пережить экономический кризис

(так назвала группу советников Рузельта газета «Нью-Йорк таймс») далеко не всем было известно, поскольку Рузельт опасался мнения, что он находится под влиянием безответственных радикалов. Не афишируя союз политики и науки, они наслаждались обществом друг друга — Рузельту нравилось слышать свежие идеи, а профессуре импонировало быть призванной и значимой, быть ответственной — давать советы в годину национального кризиса.

Обычно «мозговой трест» собирался у губернатора в Олбени, приезжая вечерним поездом к ужину. Разговор за столом шел вольный, пока Рузельт не уводил всю группу в соседнюю комнату к камину, здесь-то и начинался подлинный мозговой штурм проблем. Рузельт привыкал слушать, нередко сводя свою роль к острым вопросам, стимулирующим независимые мнения. Несмотря на сухой закон, каждый мог подойти к бару, важно было не утратить такт метронома вопросов неутомимого губернатора. В районе полуночи Рузельт, по привычке размахивая мундштуком, начал как бы резюмировать услышанное. На этом этапе присутствующим нередко удавалось убедиться в подлинном гении политика — умении услышать и оценить новое, отделить неортодоксальное от рутинного. Научных светил не могло не подкупать восхищение перед их смелыми мыслями, восторг перед очерченным новым ракурсом, признательность за умение сформировать оригинальный подход.

Видимым миру итогом этих «мозговых штурмов» стали радиообращения Рузельта. Профессора иногда

Анатолий Уткин

не в меру увлекались и выходили за рамки политических реалий, их суждения иногда были слишком отвлеченными или не в меру радикальными. Но нация судила и о другом — губернатор крупнейшего штата не погряз в рутине, не стал жертвой политианства, не утратил критического чутья. И главное, он упорно искал выход из ситуации, где даже признанные авторитеты свели свои рецепты к призыву «подождать и потерпеть».

Уже в первом десятиминутном радиообращении к нации — новой форме общения, — прозвучавшем 7 апреля 1932 года, была изложена общая прогрессистская программа действий, в которой говорилось о «забытом простом человеке на дне экономической пирамиды». Он будет сражаться за этого человека. Миллионы американцев едва ли не впервые услышали представителя первого плана национальной сцены, который проявлял о них заботу, который не ждал решения всего и вся от неведомых и непредсказуемо действующих сил рынка. Они слышали политика, который призывал взяться за дело немедленно.

Ничто не вызывало у Рузельта такой ярости, как принятый в националистическом ослеплении закон Смита—Хоули, поднявший внешний таможенный тариф Соединенных Штатов примерно до 60 процентов стоимости ввозимых товаров. В речи 2 февраля 1932 года он охарактеризовал его как удар и по мировой торговле, и по американскому экспорту, а следовательно, удар по главным рычагам американского влияния. Рузельт страстно призывал отказаться от возведения стен между торговыми блоками, что, по его мнению, неиз-

безно вело к отчуждению и конфликтам. Самая мощная индустриальная машина мира — США — страдала от этого в первую очередь. (Придет время, и таможенный тариф США будет понижен к концу тридцатых годов до 13 процентов.)

Но изоляционизм правил бал и в экономике, и в политике. Отражая страх американской буржуазии перед более дешевым импортом, надеясь «отсидеться» за тарифным забором, американский конгресс выступил в 30-е годы противником вовлечения Соединенных Штатов в экономические и политические процессы за пределами своего полушария. Несмотря на то что на Дальнем Востоке и в Европе очевидным образом возникали два очага мировой войны, конгресс всеми силами сдерживал любые попытки США выйти на широкую международную арену.

Американская дипломатия, на взгляд Рузельта, не была гибкой, она не предусмотрела англо-французского сближения после войны, она не сумела расколоть союзников, не смогла сыграть на противоречиях победителей и побежденных, не использовала фактор общности западных держав перед Октябрьской революцией в России. Возможность для Америки взойти на командные высоты была отодвинута изоляционистской буржуазией, боящейся в погоне за большим потерять гарантированно имеющееся — зону влияния в Западном полушарии. Нового шанса возглавить мировое развитие пока не было видно. Но этот шанс, полагал оптимист Рузельт, появится, и пока следовало исподволь готовиться к его приходу.

Анатолий Уткин

В апрельском радиообращении 1932 года Рузвельт отошел от прежнего дружелюбия. «Эти несчастливые времена взывают к созданию планов, которые исходят из нужд забытого человека, находящегося в самом низу экономической пирамиды». 23 мая 1932 года Рузвельт обратился к аудитории в Атланте со следующими словами, которые характеризуют его политический метод: «Страна нуждается, если я верно понимаю ее состояние, в смелом, постоянном экспериментировании. Здравый смысл диктует: избери дорогу и попытайся пройти по ней. Если она не верна, признай это честно и пострайся пройти по другой дороге. Но, прежде всего, не будь пассивным, пробуй сделать хотя бы что-нибудь. Не стоит ждать от миллионов нуждающихся вечного молчаливого терпения». Это правило должно быть названо золотым для реформаторов всех эпох.

Будущее еще было великим неизвестным, но в кармане у Рузвельта уже лежали написанные его помощником Моли предложения радикально изменить всю систему: создать прочную опору демократической партии на основе союза рабочих и фермеров; увеличить налоги на корпорации; постараться перераспределить доходы. Федеральное правительство укрепит свои позиции, если возьмет на себя заботу о помощи бедным, об общественных работах для безработных, особенно молодежи, на национальных стройках. Фермерам следует предоставить помощь и дать справедливую долю в контроле над перерабатывающей промышленностью. На внешнеполитической арене, где Германия и Япония стали активно искать лучшее место под солн-

Как пережить экономический кризис

цем, следует признать Советский Союз. Судьба всех этих планов и наметок зависела от степени массовой поддержки, а в конкретной плоскости — от решения конвента его собственной партии.

Кризис и рабочий класс

Экономический кризис уже отразился на внутриполитической обстановке в США. В 1929—1934 годах в стачках участвовали более 3,5 млн рабочих. В 1932—1933 годах при участии коммунистов состоялись национальные конференции фермеров, принявших решение о необходимости совместной с рабочими борьбы против гнета монополий. Протест фермеров против низких закупочных цен выразился в отказе продавать сельскохозяйственные продукты оптовым монополистическим объединениям. В 1930 году демократическая партия завоевала большинство мест в федеральном конгрессе. Республиканцы стали крайне непопулярными.

Но внутренняя и внешняя программы выхода из кризиса, предлагаемые Рузвельтом, хотя они были едва намеченными, сразу вызвали противодействие. Разумеется, консерваторы в обеих партиях увидели противника. Прежний союзник Аль Смит отбросил уже не куртуазность, а вежливость: «Я снимаю свое пальто и бросаюсь в драку против кандидата, который обращается к рабочему классу страны с демагогическим

Анатолий Уткин

призывом противопоставить один класс другому, богатых бедным».

Хладнокровная калькуляция летом 1932 года, подсчет вероятного соотношения сил решающей осенью заставили Рузвельта несколько смягчить свои позиции. Он видел, что обходит своего противника из республиканской партии — Гувера, и боялся обращением к жгучим вопросам предстать в качестве безответственного радикала, преждевременно вызвать нежелательную реакцию. В его выступлениях появились ноты, частично оправдывающие новый тариф как в определенной мере содействующий защите американской промышленности. Раздраженный Гувер именно по этому поводу назвал Рузвельта политическим хамелеоном. Но претендент-демократ считал, что «Париж стоит обедни». Прежний — вильсоновский — интернационализм, как говорил здравый смысл, не мог обеспечить большинства у избирательных urn, и Рузвельт предпочел более популярные воззрения. Впрочем, не внешнюю, а внутреннюю политику сделал ФДР основой своего национального мандата в 1932 году.

Демократический конвент

Решающее испытание наступило в июне 1932 года, когда демократы собрались на свой национальный съезд в Чикаго. Республиканцы в том же городе уже провели двумя неделями ранее свой национальный конвент, без особых споров выдвинув молчаливого пре-

зидента Гувера на новый срок. Единственный несогласный делегат республиканского съезда, пытавшийся выдвинуть на пост президента снова Кальвина Кулиджа, был просто выведен из зала полицейским. Что предлагал бизнес ради спасения страны в самую трудную зиму Великого кризиса, в 1933 году? Призванным в комитет сената по финансам лидерам американского предпринимательства был задан вопрос, как выйти из сложившегося положения. Рецепт «хозяев Америки» суммировал Бернард Барух: «Сбалансируйте бюджет, прекратите тратить деньги, которых у нас нет... Взыскивайте налоги, взыскивайте налоги со всего». И республиканская партия посчитала эту мудрость неоспоримой.

В отличие от республиканского съезда, который кто-то уже называл похоронами, съезд демократов двумя неделями позже в огромном зале чикагского стадиона обещал быть более шумным. «Нью-Йорк Таймс» заметила: «Если для республиканцев политика — это бизнес, то для демократов она — удовольствие».

Рузельт не поехал на съезд, он предпочел остаться в Олбани. Здесь, в тишине губернаторского особняка, решения принимались более спокойно. Его эмиссары — Луис Хоув, Джим Фарли и Эд Флинн открыли рузельтовскую штаб-квартиру в чикагском «Конгрессотеле», обеспеченную надежной связью с Олбани.

Задача стояла сложная, но шансов было немало. Рузельт после первичных выборов уже вел за собой тридцать четыре штата и шесть территорий. А в целом ему нужны были голоса 768 выборщиков. Настоящая бит-

Анатолий Уткин

ва наступила после трех дней цветистого красноречия и удушающей жары, которая нередко посещает летом берега Мичигана. Несколько подготовительных мер уже было предпринято. К примеру, делегацию каждого штата встречал голос Рузельта из репродуктора. Лидеры делегаций вели продолжительные телефонные переговоры с нью-йоркским губернатором. Собственный оператор, предотвращая утечку информации, переключал телефоны. Секретаршам в целях сохранения секретности было запрещено знакомиться с мужчинами. Была избрана вместо гимна песня «Вернулись счастливые дни». Это была находка. Песня стала своего рода заглавным мотивом, своего рода музыкальной заставкой правления Рузельта.

Под звуки этой мелодии 30 июня 1932 года старый друг — Джон Мэк из графства Датчес выдвинул кандидатуру Франклина Рузельта.

Этикет требовал согласия на номинацию после недельного размышления. Но непревзойденный мастер оценки психологической ситуации Рузельт спиной ощутил, что в данном случае стереотипы неуместны, что настал момент тех слов, в которых давно нуждалась обеспокоенная нация. Жесты и слова сейчас значили многое. Не ожидая обычной — недельной — паузы, в тот же день, 2 июля 1932 года, Рузельт, Элеонора, двое сыновей, три секретарши и два телохранителя вылетели из Олбани на взятом напрокат фордовском трехмоторном самолете. В ходе всего полета Рузельт и Розенман продолжали работу над речью о принятии номинации. После посадок в Буффало и Кливленде, за-

Как пережить экономический кризис

вершив девятичасовой полет, самолет приземлился в Чикаго.

Американцы любят это: полет на самолете и превосходная речь.

Шляпа слетела с головы претендента, очки соскользнули с переносицы, но фирменная улыбка Рузвельта оставалась все той же при виде толпы, чествовавшей избранника демократов. Его ноги в протезах зашагали прямо к трибуне. Держась за нее крепкими руками, Рузвельт медленно рассматривал многотысячную толпу. Перед страной стоял пятидесятилетний широкоплечий человек, с седеющими волосами, голубоглазый, большая морщина вокруг рта. *Перед страной стоял единственный политик, смотревший на экономику как на моральную проблему.* Десять миллионов американцев включили радиоприемники.

Радиоволны Америки разносили вибрирующий голос: «Я приступаю к выполнению стоящей передо мной задачи, отойдя от абсурдной традиции нарочитого незнания того, что происходит с моей кандидатурой. Вы выдвинули меня, и я знаю это, и благодарен за оказанную мне честь. Пусть будет символом то, что я ломаю традицию. Пусть задачей нашей партии будет слом ненужных традиций». Впереди стоит задача выработки действенной программы реконструкции. Чего американский народ желает более всего? «По моему мнению, двух вещей: работы, создающей моральные и духовные ценности, и безопасности — для себя и для своих семей. Работа и безопасность — не просто два

Анатолий Уткин

слова. Это духовные ценности, реализовать которые мы должны стремиться».

Рузвельт обозначил пункты своей программы так: федеральная помощь обездоленным, крупномасштабные общественные работы, отмена сухого закона, посадка лесов на потерявших плодородие землях, сокращение процентной ставки на закладные под дома и фермы, добровольный контроль фермеров (компенсируемых федеральным правительством) над урожаями, понижение внешних тарифов.

Рузвельт первоначально не придал особого значения словосочетанию «новый курс». В ажиотаже общего подъема смешалось и большое, и малое. Скажем, сыграла свою роль популярная карикатура: фермер изумленно смотрит на проносящийся над головой аэроплан, на крыльях которого значится новое кредо страны: «Новый курс». Эти слова отныне вошли в язык Америки.

Рузвельт закончил речь так: «Мы должны обеспечить более равномерное распределение национального богатства. Надежды не должны пропасть втуне. Я обещаю американскому народу новый курс... Речь идет о большем, чем избирательная компания; это призыв к оружию. Помогите мне не победить на выборах, а возвратить Америку ее народу».

Отныне губернатор Нью-Йорка становится во главе сборного пункта тех, кто считал, что национальный пожар нужно тушить немедленно, а не ожидать перемены ветра.

Чтобы не спугнуть судьбу, Рузвельт приложил все мыслимые усилия. 14 сентября 1932 года речью в Топеке (Канзас) он начал турне по стране. Речь в Топеке была плодом размышлений 25 авторов. Он любил эту умственно-речевую борьбу. Он был красноречивым и умелым оратором. Его поезд «Рузвельтовский особый» искалесил всю страну. Он проехал двадцать тысяч километров, произнес шестнадцать больших речей и шестьдесят семь коротких. И в ходе этого нового знакомства с Америкой Рузвельт испытал подлинный шок от масштабов обрушившейся на страну беды. «Я видел лица тысяч американцев. Они имеют испуганный вид потерявшихся детей». В 1932 году это не было преувеличением. В качестве одного из речевых приемов Рузвельт сформулировал стандартное обвинение против Герберта Гувера, состоящее из четырех пунктов. Во-первых, Гувер поощрял спекуляцию и избыточное производство, проводя ошибочную экономическую политику. Во-вторых, он пытался приуменьшить масштабы бедствия и не донес до людей всю сложность положения. В-третьих, он ошибочно обвинил в бедствии другие нации мира. И наконец, он отказался признать и исправить случившиеся в стране беды — он откладывал помощь, он забыл о реформах.

Гувер не верил в возможность своего поражения, четыре года назад он повел за собой сорок штатов. Как только ему сообщили, что у Рузвельта есть шансы, он пообещал секретарю «сражаться до конца». Он утешал себя сам: Рузвельт не выдержит многомесячного напряжения. Еще ранее он сказал, что Рузвельт потерял

Анатолий Уткин

доверие деловых людей, большого бизнеса, а это, по мнению Гувера, исключало возможность его победы в Америке. Он изумленно смотрел на «перебежчиков» в лагерь Рузвельта — сенаторов Бора из Айдахо и Хайрема Джонсона из Калифорнии. Он знал, что такие владельцы компаний, как Форд, приказали своим служащим «голосовать правильно». Но стоило президенту в целлулоидном воротничке отправиться «в народ», как стало немного понятнее, что шанс у Рузвельта есть. Гувер увидел ненависть. И ничего другого не мог увидеть политик, потерявший главное человеческое достоинство — сочувствие. Гувер бросился в бой несмотря ни на что. В Демойне он сказал, что в случае избрания Рузвельта «трава вырастет на улицах сотен городов, тысяч городов; сорняки будут расти в полях миллионов ферм».

В Индианаполисе Гувер сказал аудитории, что Рузвельт «играет на бессмыслице, чепухе, неправде, лжи, невежестве, выдумках». В Сент-Поле он поблагодарил Бога за то, что «мы еще имеем в Вашингтоне правительство, которое знает, как расправиться с толпой». Чувствуя, что почва начинает гореть под его ногами, Гувер не нашел ничего лучшего, как позвонить Кальвину Кулиджу. У того было отвратительное настроение — оно и понятно, лопнул банк, в который он вложил свой капитал. Кулидж сказал, что его беспокоит незддоровое горло и, что тоже важно, «я не знаю, что вам сказать». Он все же согласился выступить в Медисон-Сквер-Гардене, но половина зала пустовала. Партийные активисты все же устроили ему двухминутную овацию,

и Кулидж, посмотрев на часы, сосчитал: «На радио это стоило бы 340 долларов». Это была единственная фраза, встреченная залом добродушно. Все остальные сен-тенции Кулиджа падали в немую темноту недружелюбного зала.

После выборов

Победа пришла к демократам в самом начале избирательной ночи. За Рузвельта проголосовало 22 815 539 человек против 15 759 930, отдавших голоса Гуверу. 57 процентов Рузвельта против 40 процентов Гувера. Рузвельт победил в 42 штатах. Двадцатипятилетний сын Джеймс пришел пожелать отцу спокойной ночи. Глядя на склонившегося сына, Рузвельт сказал: «Ты знаешь, Джимми, всю свою жизнь я боялся только одного — пожара. Сегодня я думаю, что боюсь еще одного». «Боишься чего?» — «Боюсь, что мне не хватит сил проделать эту работу».

В 30-е годы произошла чрезвычайная концентрация президентской власти, резко расширился ее объем. Общенациональные программы «Нового курса» делали Белый дом центром принятия ощутимых повсюду мер, президент становился распорядителем многих судеб. Франклина Рузвельта восхищала эта растущая власть. Наверное, для того, чтобы как-то сократить дистанцию между собой и публикой, он приглашал к себе в утренние часы все большее число людей.

Анатолий Уткин

Вскоре после президентских выборов группа коммунистов посетила дом 49 на Шестьдесят пятой улице. Избранный президент принял их. Но, когда один из пришельцев попросил передать их мнение президенту Гуверу, Рузвельт сказал довольно резко: «Я простой гражданин и не могу ничего сказать президенту». Рузвельт начал действовать, только заняв Белый дом.

Президент Гувер (1928—1932) хотел вовлечь Рузвельта в собираемую им Международную валютную и экономическую конференцию. Рузвельт встретился с Гувером. Встреча не принесла сближения. Гувер бросил на лидера демократической партии несколько взглядов и в течение часа читал своего рода лекцию о международном аспекте проблемы долгов. Гувер предлагал создать комиссию по долгам.

Республиканцев трудно было остановить. Гуверовский министр сельского хозяйства назвал Рузвельта «заурядным лжецом». Министр военно-морского флота обратился к наземным проблемам: «В случае избрания Рузвельта дома и жизни сотни миллионов американцев будут поставлены под угрозу». Тон задавал президент Гувер: «Мои соотечественники! Фундаментальным вопросом является определение направления национального развития на сто лет вперед — либо мы проявили верность в отношении американских традиций, либо мы повернемся к нововведениям». По радио он призвал отвергнуть «фальшивых богов, раскрашенных в цвета радуги». Окружающим Гувер сказал, что видел в Рузвельте приятного политического легковеса,

но теперь совсем потерял веру в его ум. Генри Стимсону Гувер сказал, что Рузвельт — сумасшедший.

Рузвельт улыбался, кивал и даже однажды сказал Гуверу «да». Более детально ответить Гуверу он поручил Моли. Тот хорошо знал, что Рузвельт запретил обсуждать любые конкретные меры до своего вступления в должность. Гувер явно недооценивал своего гостя, мысль о том, что перед ним более глубокий человек и президент, не приходила ему в голову. Рузвельт отказался войти в гуверовскую комиссию. В день встречи Рузвельта с Гувером Британия осуществила очередной платеж Америке, а Франция этого не сделала. Гувер осудил выход из золотого стандарта, призывая к быстрейшему его восстановлению — ортодоксальная консервативная точка зрения, ставшая непрактичной.

В ноябре 1932 года Гувер телеграфировал избранному президенту о своем желании встретиться и обсудить насущные проблемы. Рузвельт заехал в Белый дом по пути на свой любимый курорт Колорадо-Спрингс в Джорджии. Хотя беседа заняла все послеобеденное время, она не дала конкретных результатов. Один из членов кабинета Гувера сказал: «Рузвельт забрался в яму, из которой не может выбраться». Час за часом Рузвельт отвергал приглашения присоединиться к тонущему кораблю Гувера. После визита к Гуверу Рузвельт утвердился в своем мнении не связываться с республиканской командой — об этом он говорил журналистам в Уорм-Спрингсе.

Рузвельт полагал, что обращение к международным проблемам в период кризиса нецелесообразно. Все эти

повороты обанкротившейся администрации он считал напрасными метаниями. И ждал своего часа, беседуя с многочисленными конгрессменами — сплошное очарование, любезность, предложение сотрудничества.

Углубление кризиса

В конце 1932 года мировой кризис стал обретать свою высшую форму. В начале февраля 1933 года закрылись все банки в штате Мичиган, а затем и в десяти других штатах. Паника охватила оплот финансового мира Америки. Кризис теперь затрагивал государственные институты, стабильность международных отношений. Поворота к лучшему не было, ощущалось лишь свободное падение. Помощь безработным была минимальной. Объем трансакций сократился на 60 процентов. Объем новых контрактов уменьшился на 75 процентов. Сокращение нового капитала — 90 процентов.

Индекс Доу-Джонса упал с сентября 1929-го до марта 1933 года на 90 процентов. Тяготы испытывали 5 тысяч банков — пострадали 9 млн вкладчиков. Выплавлялось только 20 процентов стали от объема 1929 года. Все несельскохозяйственное производство опустилось вдвое по сравнению с докризисным. Городское население сократилось на полмиллиона человек. Доходы сельскохозяйственного населения сократились более чем вдвое.

Но Америка теряла терпение, как теряла и свои деньги. 14 февраля 1933 года президент Гувер спел

свою лебединую песню перед Национальным комитетом республиканской партии. Именно тогда начался окончательный коллапс банковской системы страны. После обеда губернатор Мичигана Уильям Комсток получил телеграмму из Детройта — банки штата взмаялись перед последним вздохом. Банки потребовали от Комстока моратория на банковскую деятельность. К полуночи Комсток согласился и удалился в столицу штата Лансинг. 550 банков штата закрывались на восемь дней. Комсток назвал это «каникулами».

В разгар подготовительной работы демократов к власти на Франклина Рузвельта было совершено покушение. Мужество потребовалось Рузвельту уже на пути в Белый дом. В середине февраля невысокий темный человек выстрелил в Рузвельта, окруженного толпой в Майами. Избранный президент не пострадал, но смертельно ранен был мэр Чикаго Чермак. То, что Рузвельт спокойно воспринял опасность на людях, никого не удивило. Безработный Джузеппе Зангара выстрелил в него с расстояния примерно десять метров. Несколько человек получили ранения, но Рузвельт остался невредим.

В международном плане жертвами Великого кризиса стали, прежде всего, Америка и Германия. Если взять уровень 1929 года за сто процентов, то к 1932 году Америка и Германия упали до 53 процентов, Италия — 67 процентов, Франция — 72 процента, Англия — 84 процента. Япония уже начала массивные военные приготовления, и ее падение было наименьшим — 98 процентов. А Советский Союз выполнил

Анатолий Уткин

пятилетний план 1928—1932 годов и достиг 198 процентов от прежних показателей: бросок с восьмого места в мировой экономической иерархии на второе. Такие западные интеллектуалы, как Бернард Шоу, возвратившись из СССР, требовали применения советского опыта на Западе.

Тем временем штаты Иллинойс и Джорджия перестали платить своим учителям. 45 процентов домов оказались заложенными. Налоги росли. За первые шесть месяцев 1933 года были закрыты — из-за невыплаты квартплаты или банковского кредита — четверть миллиона домов — по дому в день; семьи выбрасывались на улицу. За последующие четыре года денежные запасы населения уменьшились на четверть. Налоги выросли, национальный доход уменьшился на 30 процентов. В шахтерских городках Западной Вирджинии и Кентукки более 90 процентов детей страдали от голода. Миллионы американцев оказались на грани голода.

В городе Бирмингеме (Алабама) власти потребовали землекопов (десять часов работы за два доллара в день), и немедленно обратилось 12 тысяч претендентов. Численность желающих работать в СССР достигла 100 000 человек. Аборигены Западной Африки прислали беднякам Соединенных Штатов экономическую помощь — 3 доллара 77 центов.

Наступила золотая пора критической, социально значимой американской художественной литературы — Джон Стейнбек, Эрскин Колдуэл, Джон Дос Пассос, Эдмунд Вильсон. Жестокая жизнь требовала

Как пережить экономический кризис

перемен, а их трудно было ждать от самоуправных владельцев экономической жизни. В Америке осуществление властных полномочий возможно только при условии нахождения общего языка со средствами массовой информации.

При Белом доме были аккредитованы примерно сто журналистов. Сначала дважды в неделю, а потом еженедельно президент Гувер встречался с журналистами и, «не для цитирования», обсуждал события национальной и международной жизни. Периодически он раздражался, но обычно вел себя легко и непринужденно. Чаще всего сохранял добре расположение духа и нередко очаровывал представителей ведущих газет. У него попросту не было времени « заводить дружбу» с влиятельными представителями прессы, которых он лично высоко ценил, он не был так дружествен с представителями «второй древнейшей профессии», как Теодор Рузвельт и даже Уильям Тафт.

Кризис и культура

Кризисом была охвачена одна треть населения страны. Остальные граждане, хотя и потерпели убытки, но сохранили относительно неплохие позиции, мигрируя между уровнями среднего класса — от верхнего к нижнему. Среди богатых были как жертвы кризиса, о которых мы писали выше, так и те, кто относительно сохранил свой статус, а также нажившиеся на кризисе. Всеобщим ощущением было то, что кризис не закончится

Анатолий Уткин

возвратом к старой ситуации, старому мировидению. Производство, культура отражали это ощущение.

К 1930 году в небе США господствовали четыре авиакомпании — «Юнайтед», «Истерн», «Америкен» и «ТВА». В этом году на самолетах впервые появились стюардессы. Между 1930 и 1940 годами воздушные перевозки увеличились в двенадцать раз. В 1934 году впервые в стране было продано более миллиона авиабилетов. В тридцатые годы внешний вид самолетов разительно изменился в сравнении с периодом Первой мировой войны. Теперь их делали целиком из металла, придавая им обтекаемую форму. В 1931 году иммигрант из России Игорь Сикорский создал проект и построил первые вертолеты для «Панамерикен». Они долгое время задавали тон в пассажирской авиации. В начале 30-х годов по воздуху путешествовали двести тысяч человек. Одна жертва приходилась на 8 миллионов пассажиро-миль. В конце 30-х годов одна жертва приходилась уже на 100 миллионов пассажиро-миль. Число воздушных путешественников дошло до нескольких миллионов в год. В 1939 году быстроходный самолет «Панамерикен» Боинг-314 начал межконтинентальные перелеты. В 1935 году Энрике Ферми бомбардировал тяжелые элементы нейтронами. Собственно, он произвел эффект цепной реакции.

Произошли и другие перемены.

Тридцатые годы были отданы радио. Девятьсот радиостанций покрывали эфир всей страны, люди льнули к радио — это был ежедневный ритуал. Впервые реклама приобрела общенациональные масштабы. Средства

Как пережить экономический кризис

массовой коммуникации сближали страну, создавали то, что сейчас назвали бы «общим менталитетом», давали новые возможности массовым политическим силам. Именно поэтому общенациональные президентские следующие выборы 1936 года должны были выразить отношение страны к деятельности президента Рузвельта в условиях новых возможностей для массовых организаций.

К концу 30-х годов радио в Америке регулярно слушали около тридцати миллионов человек. Это была солидная конкуренция кинематографу, но тот впервые приобрел огромные возможности. Кино стало говорящим. Маркони производил опыты с ультракороткими волнами, откуда открывалась перспектива общемирового вещания, радара и многого, многого другого. «Ассошиэйтед Пресс» начала передавать фотографии по кабелю, и вскоре такие журналы, как «Лайф» и «Лук», приобрели современный вид, наполнившись высококачественными фотографиями.

Пришло время театра. В Нью-Йорке в 1930-е годы блестали «Театр Гилд» и «Провинстаун плейхауз». В бродвейских театрах мрачный О'Нил возглавлял группу, которая включала в себя Максвела Андерсона, Шервуда, Бермана, Сидни Ховарда, Торнтона Уайлдера, Клер Бут, Лилиан Хелман. Все они работали «по Станиславскому» (спонтанность и естественность), отдавая должное русской сцене. Популярность приобрела постановка «Профессора Унрата» по Генриху Манну. Старшее поколение не могло расстаться с Шекспиром, но его пьесы часто сильно осовременивались.

Анатолий Уткин

Много говорили о Гамлете в одежде 1930-х годов, с телефоном на столе короля и его приказами связаться с друзьями. Но Шекспир давал возможность обсуждения вечных вопросов.

Однако театр явно отступал перед кино, чья аудитория становилась без преувеличения многомиллионной. Американцы приобрели твердую привычку ходить в кино минимум один раз в неделю. Разделялись комедия, драма и «пышные фильмы». Кино порождало звезд, которых знала вся страна. Эти герои масс становились предметом подражания и подлинных культов. Чарли Чаплин стал любимым актером кино. Мэри Пикфорд и Дуглас Фербенкс заслужили невиданное обожание как воплощение верных влюбленных, способных на героические подвиги. Вестерны выделились в отдельную категорию. Ничто не могло сравниться по популярности с кино — 85 миллионов американцев ходили в кино хотя бы раз в неделю. В стране было семнадцать тысяч кинотеатров — в три раза больше, чем магазинов. И в каждом в год показывалось от ста до четырехсот фильмов. Поколение депрессии жаждало ухода в мир грез или триллеров только что обосновавшегося в Америке Хичкока. До телевидения было еще далеко, и кино не имело конкурентов как национальный наркотик номер один. Невозможно переоценить влияние кино в эпоху кризиса и борьбы с ним. Почти в каждом городе, большом и маленьком, здание кинотеатра было едва ли не самым внушительным. Огромные студии работали над производством фильмов безостановочно, и посещение кино еще двадцать

лет занимало привилегированное место в области развлечений американцев.

Студия «Техниколор» создала современный цветной фильм, фотоэлемент получил широкое распространение.

Изменения происходили повсюду.

На улицах начали продавать странные алюминиевые банки, из которых сегодня пьет напитки весь мир. На шоссе появились грузовики-дома, первые же трейлеры резко увеличили мобильность населения, которое и так уже не представляло себе жизни без фордовских моделей.

Громкий успех журнала «Вэнити Фэйр» вдохновил издателей и возбудил у читателей неистощимый интерес. Множество талантов обратились к журналистскому творчеству. Немалое их число пришло в «Нью-Йоркер». Ум эссеистов этого и подобных журналов не вызывал сомнения. Хорош был возглавляемый Менкеном журнал «Американский Меркурий» с его иронией, остроумием и сарказмом. Это были журналы для верхнего и среднего классов. Из-за дороговизны книг многие издательства публиковали в тонких книжках популярные рассказы. В конце же года составлялся сборник лучших рассказов текущего года. Он стоял на полках большинства американских домов. Знамениты были короткие рассказы Катарины Менсфилд. Генри Джеймс, как и многие американцы, любил читать детективные истории.

Американцы всегда интересовались книгами биографического жанра. Существовало два типа. Так, Литтон Стрейчи (член кружка Блумберга) был автором от-

Анатолий Уткин

носительно кратких биографических скетчей. Классическими считались биографии «знаменитых деятелей викторианской эпохи». Но написаны они были в стиле 90-х годов XIX века. Резко отличались от них «психографии» Гамалиэля Бредфорда и Эдварда Бентли, пытавшихся дать психологический портрет героя, обращая много внимания на обстоятельства детской и юношеской жизни главного действующего лица. Эпоха любила нравоучительные жизнеописания.

Но еще более она любила детективные истории, новеллы о великих сыщиках и описания страшных преступлений. Вначале солидные американцы стеснялись своего пристрастия, но со временем детектив (триллер) завоевал Америку. Сюжетная канва примерно одинакова в этих повествованиях, но публику мрачные расследования только развлекали. Фактом является, что детективные истории покупали *образованые* американцы. (Нужно сказать, что тон задавали английские писательницы.) Неутомимыми «поглотителями» книг этого жанра были президенты Вудро Вильсон и Франклин Рузвельт. Право побеждало, и это удовлетворяло. Жанр вел свою историю от Эдгара Алана По. Рядом публиковались шпионские истории. Вкусы и моды времени запечатлены в этих историях навечно. Классиками детективной истории в эти годы стали Раймонд Чандлер, Дэшиэл Хаммет и Дороти Сэйерс.

Черная Америка прославилась не только в джазе. Афроамериканка Жозефина Бейкер привела в восторг Париж своими «дикими и примитивными» танцами. Сами американцы уже в своей массе освоили ван-степ,

ту-степ и фокстрот. Теперь американский джаз слушал весь мир. Джаз не был модой, он пришел навсегда. Знаменитые исполнители были суперзвездами. Правда, теорию и историю джаза еще предстояло создать.

В классе «современные танцы» после Айседоры Дункан жанр развивали многочисленные поклонники, такие, как Мэри Вигман. Многочисленные песни Берлина и Чарльза Ива вышли на улицу. Помимо популярной музыки, Ив был автором пяти симфоний.

Свинг становится музыкой десятилетия благодаря таким музыкантам, как кларнетист Бенни Гудмен. Фокстрот уступил место более вибрирующим ритмам, за ноты брался Глен Миллер и вся новая плеяда раскованных импровизаторов. Подешевевшие патефоны и пластинки внесли новую музыку во все городские дворы, в растущие зеленые пригороды.

1933

Стояла серая и холодная зима 1933 года. Великая депрессия набирала обороты. Америка не знала таких несчастий со времен Гражданской войны. Половина промышленности простоявала, оставшаяся часть работала, не имея перспектив в будущем. В штатах Среднего Запада — основной житнице страны — треть ферм стояли разоренными. Ожесточенные фермеры собирались в дружины, чтобы защитить свои дома от сборщиков недоимок. Число свадеб в стране уменьшилось вдвое. Все учились готовить дешевый суп, доставали по-

следние запасы. В больших и малых городах толпы осаждали банки, забирая наличность.

9 января 1933 года избранный президент Рузвельт в Гайд-Парке имел продолжительную беседу за ланчем с государственным секретарем Генри Стимсоном. Тема: отношения новой администрации к Международной конференции по валютным и экономическим вопросам. Гувер вначале запретил Стимсону встречаться с этим «опасным» человеком, но потом согласился. В своем дневнике Стимсон восхищается Рузвельтом. Стимсон пишет в дневнике, развивая идеи их встречи, что невозможно представить себе, как две такие разные цивилизации, как американская и японская, смогут избежать войны. В секретных переговорах Рузвельт заявлял, что, если война неизбежна, пусть она начнется раньше, а не позже. Это означало, что теплое отношение к Японии, выраженное в его статье в «Форин афферс» в 1922 году, претерпело изменения. Рузвельт и Стимсон как бы готовились к событиям, которые произойдут через десять лет.

Рузвельт обстоятельно обсудил международные отношения с послами Британии и Франции — сэром Рональдом Линдсеем и Полем Клоделем. Много говорилось о Японии. На международной арене творились вещи, способные прямо затронуть Америку. Японская армия отчаянно сражалась, чтобы оторвать от Китая Маньчжурию. А в день, когда Рузвельт отмечал свой пятьдесят первый день рождения, Адольф Гитлер стал канцлером Германии. История шла своим неровным шагом. В конце января 1933 года, когда Гинденбург

Как пережить экономический кризис

предложил пост канцлера Адольфу Гитлеру, а японские войска сквозь пургу шли к Чанчуню, чтобы создать под своим протекторатом государство Маньчжоу-Го, американские банки стали повсеместно закрывать свои двери. Томас Ламонт от лица Моргана прислал в Гайд-Парк письмо, в котором говорилось, что «экстренность ситуации невозможно преувеличить».

Иностранцы переводили свои деньги из американских банков.

Самой большой проблемой, считал президент Гувер, было «состояние общественного сознания, в котором дегенеративное видение будущего принимало угрожающие пропорции». В ту зиму численность самоубийств в три раза превысила обычную цифру. Росло глухое отчаяние. Тысячи людей, не видя просвета, захватывали общественные здания. «Интернационал» стал популярен, многие тысячи людей впервые узнали его слова. Мэр Чикаго Чермак сказал в легислатуре штата: «Присылайте войска до закрытия пунктов помощи бедным». Пацифист Генри Форд впервые в жизни начал носить с собой пистолет.

Мэр Нью-Йорка Джон О'Брайен пообещал: «Вы избрали мэра, у которого крутой подбородок и есть желание драться. Я защищу огромный город от Красной Армии». Представители профсоюзов на сенатских слушаниях пытались объяснить, как уже было отмечено, что «огромное большинство этих людей ничего не знает о коммунизме. Они хотят хлеба». Богатые люди во многих городах организовывались, чтобы в случае нужды за-

хватить железные дороги и телефонные линии. Создавались запасы продовольствия. Один из голливудских богачей закупил гардероб ветхой одежды, надеясь не быть узнанным и раствориться в толпе в случае общественного взрыва. В загородных домах устанавливали пулеметы.

Умудренные люди не склонны были называть это паранойей. Декан Гарвардской школы бизнеса сказал, что «капитализм вступил в стадию испытания и от результата может зависеть судьба всей западной цивилизации». Норман Дэвис признался, что никогда в своей жизни «не слышал такого открытого цинизма в отношении демократии и американской системы правления». Окажись Рузвельт еще одним Гувером, и система могла рухнуть.

1 марта 1933 года банки были закрыты в семнадцати штатах. Рузвельт приблизился к центру драмы. Он переехал в свою городскую резиденцию на 65-й улице Манхэттена и сразу же начал совещания со своим министром финансов Вудином. Министерство финансов выдало президенту последний чек на 500 долл., что обрадовало президента.

Избранный президент в Вашингтоне

Республиканцы до последнего боролись против заграничных тарифов.

«Многие годы общественной жизни делают человека мудрее. Теперь он уже знает, что, когда свет удачи

Как пережить экономический кризис

отбрасывает свой блик на него, это происходит по определенной необходимости, это означает, что он стал важным обстоятельством. Удача нисходит потому, что на краткий миг в огромной картине человеческих перемен и прогресса некие общие человеческие задачи находят в нем необходимое воплощение». Так Рузвельт воспринял свою роль в истории. Депрессию Рузвельт рассматривал как род испытания для Америки.

Гувер тем временем послал на Капитолийский холм свое прощальное послание: Европа должна выплатить свои долги. «Мы создали систему «индивидуализма» Основание нашей американской системы заключается в том, что мы должны признать законность свободной игры социальных и экономических сил». Страна должна «быть уверенной в своем будущем».

Норманн Томас позднее скажет, что в период между выборами и церемонией инаугурации Франклина Рузвельта «было слышно невиданное дотоле число циничных оценок американской демократии и американской политической системы».

На этом фоне дружелюбие Рузвельта было подчеркнуто как нельзя лучше: «Может быть, не все поголовно согласились со мной, но все были исключительно добры ко мне... Я вижу, что из этого единства мы можем построить величайшую опору и выйти из депрессии». Дополнительный шанс Рузвельту дал действующий президент. Когда Гувер разогнал лагерь безработных в пригороде Вашингтона Анакостии, на улицах появились плакаты «Долой Гувера — мучителя ветера-

Анатолий Уткин

нов». Рузвельт извинился перед окружающими за то, что рассматривал Гувера в качестве возможного кандидата в президенты от демократической партии в 1920 году. Вместо того чтобы посыпать против безоружных войска во главе с полковником Макартуром и майором Эйзенхауэром, следовало принять их в Белом доме с сэндвичами и кофе. Если у него и были сомнения в результате грядущих выборов, сказал Рузвельт, то после «битвы при Анакостии» они испарились.

В Вашингтоне Гувер написал записку Рузвельту: он так волновался, что неверно назвал фамилию избранного президента. Рузвельт прочел послание и с презрением отбросил его. Гувер без стеснения называл ФДР «приятным легковесом». Во имя «патриотизма» Гувер требовал от Рузвельта обещания «не изменять политику республиканской администрации». Никакого «Нью-дила». Он обращался с Рузвельтом как с дураком. Генри Стимсону Гувер сказал, что Рузвельт — «сумасшедший».

Тем временем в Мичигане (как, впрочем, и во всей стране) падала стоимость земельных участков и всех видов недвижимости. Золото исчезало со скоростью 20 млн долл. в день. Паника всегда самоубийственна. В этом случае ситуация осложнялась тремя годами дефляции. 18 569 банков Америки имели шесть миллиардов долларов наличностью и 41 млрд долл. в депозитах. После краха Мичигана бегство золота из страны усилилось до 37 млн долл. в день.

Банки переполнили задыхающиеся вкладчики — они жаждали возврата своих денег. Одна женщина

Как пережить экономический кризис

в Бронксе наладила прибыльный бизнес: ее дети стояли в очереди, вовремя продавая свое место вновь пришедшему. Губернатор Мэриленда Альберт Ричи объявил каникулы для двухсот банков своего штата — второй штат вслед за Мичиганом. Газеты философствовали: «Жизнь, как всегда, будет полна приятным и неприятным. И в ней появится дополнительное удовольствие — вспомнить об острых минутах жизни».

■ Глава третья

«Новый курс»

Команда Рузвельта

Рузвельту следовало образовать кабинет. Корделл Хэлл, яростный сторонник понижения внешних тарифов, был назначен на пост государственного секретаря. Сделавший большой финансовый вклад в предвыборную кампанию У. Вудин стал министром финансов. Председательствовавший на конвенте демократов Т. Уолли был назначен министром юстиции, но он скончался до вступления в должность, и этот пост занял Х. Каммингс. Д. Ропер, занимавший немалый пост еще в администрации В. Вильсона, стал министром торговли. Чикагский юрист, республиканский сторонник Теодора Рузвельта Г. Икес стал министром внутренних дел. Дж. Дэрн был назначен военным министром.

Вирджинский сенатор К. Свонсон стал министром военно-морского флота (имея в виду его преклонный возраст, Рузвельт рассчитывал на собственное непосредственное руководство военно-морским флотом). Г. Уоллес занял пост министра сельского хозяйства — это стало для него уже семейной традицией, его отец занимал тот же пост при Гардинге и Кулидже.

Дж. Фарли стал министром почт, Ф. Перкинс — министром труда (первая женщина, включенная в кабинет министров). В этом кабинете не было звезд первой величины, и, возможно, тактика Рузвельта заключалась в том, чтобы быть безусловно первым среди просто компетентных чиновников.

Не меньшее значение, чем кабинет министров, должен был играть «личный штаб» президента. Главным секретарем был назначен Луис Хоув. Стив Эрли и Марвин Макинтайр отвечали за отношения с прессой и назначения (официально они значились помощниками секретаря). Моли и Тагвел работали прямо на президента, хотя оба, как говорилось выше, имел и другие официальные посты. Три верных союзника — Берль, Франкфуртер и Флинн предпочли остаться за пределами администрации.

Тем временем в Пенсильвании безработица выросла на 28 процентов за период между июлем 1932 и мартом 1933 годов. В день инаугурации безработными здесь были полтора миллиона человек. Во всей огромной Америке безработных было неясно сколько — от 13 до 18 миллионов человек. (А Гувер летом 1932 года сказал, что «депрессия уже позади».) Голодные бунты стали повсеместными. Инвестиции уменьшились по сравнению с 1929 годом на 90 процентов. Производство автомобилей упало на 75 процентов. Половина фермеров жила на средства вдвое меньше, чем признанный прожиточный уровень. Банковский кризис усилился в феврале 1933 года. Будущий изда-

Анатолий Уткин

тель «Вашингтон пост» Кэтрин Грэхэм записала в дневнике: «Мир попросту уходит из-под наших ног».

К марту 1933 года более половины штатов закрыли свои банки. Фондовая биржа Нью-Йорка была закрыта. Снег и дождь падали с небес, когда Рузвельт с семьей отбыли 2 марта 1933 года в Вашингтон. Будущий президент вез с собой текст прокламации о временном закрытии банков и о созыве конгресса на чрезвычайную сессию. Поезд мчался через индустриальное сердце страны, но ни одна труба не дымилась.

Рузвельт прибыл в Вашингтон — его встречали десятки тысяч людей. К их удивлению, они видели выражение беспечности на лице избранного президента. Окружающим он говорил, что «вера людей является самым важным». Если он потерпит поражение, то его можно будет сравнить только с поражением Вашингтона и Линкольна.

Иллинойс и Нью-Йорк были на грани краха. Фондовая биржа была закрыта. Губернатор Лэндон назвал капиталистов «рэкетирами». К концу пятницы 3 марта 1933 года в этих городах закрылись все банки. В остальных штатах выдавали 5 процентов депозита. По сведениям Федеральной резервной системы, в казне не было драгоценного металла, чтобы обеспечить американскую валюту. Министерство финансов не могло финансировать работу даже федерального правительства, и США в техническом смысле были банкротом. Накануне инаугурации вся банковская система страны объявила выходные дни — финансовое сердце западного мира остановилось.

Рузельту необходимо было браться за инаугурационное обращение к стране. Вскоре после избрания Рузельт определил президентство как «преимущественно место, которое позволяет осуществлять моральное лидерство. Все наши великие президенты были лидерами мыслительного процесса своего времени, когда определенные исторические идеи, касающиеся жизни нации, должны были быть прояснены».

Хотя президент Гувер и получил последний президентский чек на пять тысяч долларов, свой последний день в Белом доме он провел незавидным образом. Гувер просто не в состоянии был организовать традиционный ужин с заступающим в должность президентом и решил организовать что-то «меньшее». В конечном счете он встретил прибывшую на традиционный четырехчасовой чай в Белом доме семью Рузельта в самом отвратительном настроении. Гувер предупредил, что страна находится «на грани финансовой паники и хаоса» — и все потому, что его коллега из Нью-Йорка не внушает финансовым кругам доверия. Гувер еще раз предложил Рузельту выступить совместно, и снова ФДР уклонился. Для Рузельта выступить в паре с Гувером было бы в данной ситуации политическим самоубийством. К тому же Рузельту ждать было недолго — завтра он станет президентом.

В десять часов утра 4 марта Рузельт отправился в епископальную церковь Святого Иоанна — напротив Белого дома. «Несколько минут он стоял на коленях, закрыв лицо руками». Эндиcot Пибоди, как в дет-

ские годы, вел службу. В «Мэйфлауэр» Моли и Вудин рекомендовали закрыть всю банковскую систему.

Обозреватель Артур Крок сравнил атмосферу в американской столице в день инаугурации с «настроением в городе, осажденном врагами». Перед Капитолием собралась толпа в сто тысяч человек. Генерал Макартур командовал инаугурационным парадом, и он ожидал беспорядков. На стратегических высотах были установлены пулеметы. Чёрная толпа в промозглую погоду ждала полудня. Наконец часы Капитолия пробили двенадцать.

Этим серым мартовским днем Рузвельт положил руку на семейную Библию и обратился к верховному судье Чарльзу Эвансу Хьюзу. Трехсотлетняя семейная Библия была открыта на первом послании апостола Павла коринфянам: «*Даже если я говорю на языках людей и ангелов, но не владею даром милосердия, то я всего лишь глухой колокол, или дребезжащий кимбал. И если даже я обладаю даром прорицания, и все майное мне ведомо; и если даже исполнен я глубокой веры, так что могу двигать горы, но не владею даром милосердия и любви, то я — ничто*».

Игнорируя аплодисменты, Рузвельт достал написанный от руки текст речи, над которой столько корпели в Гайд-парке. Ни одна фраза не была позаимствована, то был чистый Франклин Делано Рузвельт. Измученная страна услышала новые слова, а Гувер рассматривал свои ботинки. Инаугурационная речь Рузвельта запомнилась не меньше, чем второе инаугурационное послание Линкольна и речь при вступлении

Как пережить экономический кризис

в должность Кеннеди. Больше конкурентов нет. Трудности страны «слава Богу, носят только материальный характер». После страстных призывов не потерять этических основ Рузвельт признал в эти первые секунды своего президентства, что «наша нация рвется к действию, и действию именно сейчас. Нашей величайшей первостепенной задачей является дать этим людям возможность работать».

Он пообещал конкретные рабочие проекты, пообещал «в должной степени использовать наши большие естественные ресурсы». Он призвал к повышению цен на сельскохозяйственную продукцию, обещал помочь хозяевам заложенных домов. Он призывал американцев возобновить дух пионеров, дух взаимопомощи и неистребимого упорства. Он призвал соотечественников «двигаться вперед как обученная и лояльная армия, жаждущая претерпеть жертвы, готовая сражаться как на войне... Впереди тяжелые дни, которые может смягчить только светлое мужество». Рузвельт напомнил, что «цены упали до фантастического уровня; налоги возросли; наша платежеспособность уменьшилась; мы видим падение доходов; средства обмена замерли, мешая торговле; остановились заводы; фермеры потеряли рынки для своих товаров; многолетние сбережения многих семей исчезли. Но самое главное — это то, что огромная толпа безработных не видит просвета. Но наши несчастья исходят не из-за оскудения земли. На нас не обрушились ни чума, ни тучи насекомых. Сравнивая нынешние опасности с теми, что преодолели наши предки, мы видим, что они верили, и их ничто не запугало — и мы

Анатолий Уткин

должны быть благодарны им за это. Природа принесет свои плоды, а человеческие усилия умножат их. Изобилие лежит у нашего порога».

Рузвельт произнес слова, которых ждали все, кто замер в толпе или у радиоприемника: «Наступило время сказать правду, всю правду открыто и смело. Нет никакой необходимости избегать честной оценки условий нашей жизни сегодня... Менялы убежали со своих высоких мест в башне нашей цивилизации». Задача сейчас — поставить социальные ценности выше, чем денежные доходы. И речь идет не об этике только, не о словах. «Наша страна требует действий, действий сейчас, немедленных действий... Наша великая нация выстоит в этом испытании, как она выносила все прежние, она оживет и будет процветающей... Единственное, чего мы должны бояться, — это самого страха — безымянного, бессмысленного, безотчетного страха, который парализует усилия, необходимые для превращения отхода в наступление...». Возможно, Рузвельт заимствовал у Торо слова о том, что «ничего не нужно бояться кроме страха», но в любом случае эти слова воодушевили тысячи и миллионы людей.

Это было начало рузвельтовской постоянной и неукротимой политики направить гнев и отчаяние миллионов людей против реальных проблем. Слой капиталистов лишь потом смог понять, что президент отводит гнев 80 процентов американского народа от богачей, направляя их на темные силы судьбы. «Я испрошу у конгресса самые широкие полномочия, чтобы начать войну с несчастьем, я испрошу такие полномочия, как

если бы на нас напал внешний враг». Сравнение депрессии с войной вызвало у толп собравшихся очевидное одобрение. Многотысячная толпа у Капитолия всем своим видом показывала, что американцы готовы вручить едва ли не любые полномочия президенту, если он предпримет активные меры по спасению страны.

Потупившийся Гувер продолжал рассматривать свои ботинки, но миллионы американцев, словно онемев, смотрели в радиоприемники. Радиоволны немедленно разнесли слова нового президента по всей стране: «Народ Соединенных Штатов не может потерпеть поражение. В час своей нужды он своим голосованием показал, что желает прямых и энергичных действий. Они желают видеть дисциплину и направляемое движение. Они сделали меня инструментом своего желания. Этот высокий дар я принимаю». И еще: «За доверие, которое вы возложили на меня, я отвечаю мужеством и приверженностью делу, достойными нашего времени... Мы не сомневаемся в будущем подлинной демократии. Народ Соединенных Штатов не потерпел поражения. В час своей нужды наш народ показал свое доверие. Он требует дисциплины и лидерства».

Речь наэлектризовала Америку. Долгие мрачные годы Гувера ушли в прошлое. Когда Франклин Рузвельт завершил свое пятнадцатиминутное выступление, все осознали, что под руководством тридцать второго президента США наступает новая эра. Речь транслировали по всему миру. Ее слушал король Георг V, премьер-министр Рамсей Макдональд, Ллойд Джордж и советский посол. Ллойд Джордж был «потрясающе восхи-

щен». Френсис Перкинс пишет, что Рузвельт смотрел на эту речь как на «священное основание». Журналист Ф.Л. Ален суммировал впечатление от речи Рузвельта таким образом: «Теперь вы можете выключить радио. Вы услышали то, что хотели услышать. Речь этого человека не звучит больше осторожно и уклончиво. Ибо он видел измученных и потерявших ориентацию людей, желающих выбросить старые истины и увидеть новый день; они устали от ожиданий, они желают видеть того, кто будет сражаться с этой депрессией за них и с ними; они желают видеть лидерство и смелые решения. Не только в самих словах, но в интонации его голоса он обещал им то, чего они желали».

Новый президент получил полмиллиона писем, одобряющих сказанное в инаугурационном выступлении. В очередной раз в интервью «Нью-Йорк Таймс» Рузвельт выразил свое понимание предстоящей миссии: «Президентство — это не просто административная должность. Менее всего эта должность является административной. Прежде всего это возможность осуществлять *моральное лидерство*». Экс-президент Гувер пожал руку преемнику и удалился из Вашингтона. Они никогда больше не встречались.

Борьба с кризисом из Белого дома

Сразу же после инаугурации в марте 1933 года Рузвельту пришлось столкнуться с *третью* волной банковской паники.

Как пережить экономический кризис

Начальник охраны Белого дома полковник Е. Стирлинг проводил экс-президента Г. Гувера на Юнион-Стейшн и, вернувшись, не узнал места своей службы. Старый особняк «был трансформирован в довольно веселое место, полное народу, излучающего уверенность... Президент был самым уверенным в себе и самым счастливым среди них». Телохранитель Ричард Джервис, который охранял президента Гувера четыре года, сказал с удовлетворением: «Приятно снова слышать аплодисменты». Годом ранее это было невозможно.

Рузвельт приказал отвечать на все прибывающие в Белый дом письма, за исключением тех, которые касались его полиомиелита.

Элеонора Рузвельт приветствовала гостей на инаугурационном балу. Сам же президент закрылся с Вудином, Каммингсом и Моли, обсуждая банковский кризис в стране. Положение не могло быть хуже. Один из друзей сказал Рузвельту, что, если новому президенту удастся справиться с банковским кризисом, он войдет в американскую историю как величайший из американских государственных лидеров, а если не сумеет, то как наихудший. «И последний», — добавил медленно Рузвельт.

Первое утро новой жизни — понедельник, 6 марта 1933 г. — было незабываемым для Рузвельта. Завтракая в постели, он просмотрел свежие газеты. Затем он читал государственные документы. Затем он вернулся в Овальный кабинет и остался один в практически пустой комнате — президент Гувер вывез все, кроме флага.

Анатолий Уткин

Тагвел пишет: «Нация, затаив дыхание, ожидала от человека, произнесшего вчера смелые слова, действий. В стране продолжался финансовый кризис, деловая активность была резко понижена, и он должен был вернуть умирающую экономику страны к жизни». А он сидел в пустой комнате, где нечем было даже сделать пометку — если бы он захотел ее сделать. В течение нескольких ужасных минут в его голове не родилось ни одной мысли. Он знал, что стимулирующий контакт с людьми разобьет этот ступор, но вокруг никого не было.

Здесь должен был быть электрический звонок, но Рузвельт не мог его найти. Он открывал ящик за ящиком, и все они были пусты. Ни карандаша, ни блокнота. Наконец он откинулся в кресле и просто закричал. На этот крик явились Мисси Лихенд и Марвин Макинтайр. И работа началась». К вечеру его феноменальная работоспособность была восстановлена. Президент объявил четырехдневные каникулы для всех банков. 73-й конгресс созывался на специальную сессию. Приготовлены законы, подобных которым американцы еще не видели. Стране предстояло жить без банковских менят.

Следовало создать систему федерального контроля над финансовой системой. Специальная сессия конгресса была назначена на 9 марта 1933 года — в этот день без дебатов и обращения к счетной технике был принят Чрезвычайный банковский Акт: в центре общественного урагана стояли деньги. Банки всегда служили доминирующей в обществе силой.

Как пережить экономический кризис

Рузвельт открыто называл частных банкиров *воровским сословием*. Рузвельт говорил журналистам: «Я никогда не был банкиром. Я никогда не совершал больших трансакций в банках, техника действий здесь мне малознакома». О чём свидетельствовал прежний опыт? Национальный банк существовал в США в начале девятнадцатого века до 1826 года. Ликвидация этого банка президентом Эндрю Джексоном немедленно вызвала цепь финансовых кризисов, периодически повторяющихся. Финансы страны возглавил мир частных банков, Уолл-Стрит, или, как его называли в ту пору, «каньон воров».

Все банки в стране были закрыты, вывоз золота и серебра запрещен, нарушение новых распоряжений каралось штрафом в десять тысяч долларов и десятью годами свободы. Э. Линдли сравнивает эти меры с «вспышкой молнии на фоне черного неба». Население проснулось в понедельник, чтобы узнать, что все банки страны закрыты и единственное средства, на которые они могут рассчитывать, была их домашняя наличность.

Сто дней

Наступил беспрецедентный и неимитируемый в американской истории период «ста дней», в течение которых Рузвельт представил конгрессу обширную программу преобразований, а тот, вне себя от паники, порожденной общим положением в стране, вотировал

Анатолий Уткин

законопроекты без обсуждений. Решить проблему, по мнению Рузельта, могло лишь создание центрального надзирающего органа — государства.

Ураган законодательной активности начался 9 марта 1933 года, и был он результатом невероятной по масштабам импровизации. Любимые слова Рузельта: «Найди нужный метод и действуй согласно ему. Если что-то не получается — пойди другим путем. Но, прежде всего, действуй, делай что-нибудь». Газета «Ивнинг транскрипт» писала: это «беспрецедентное управление государством. Этот президент *видит во тьме*». Позже историк Джон Гюнтер скажет, что Рузельт в эти первые сто дней, когда конгресс буквально *штамповал* свои законы, без особого труда мог добиться для себя диктаторских полномочий. Но Рузельт предпочитал работать в рамках Конституции. Его же словами, он хотел быть «молящимся президентом», как его родственник Теодор Рузельт. За эти сто дней Рузельт десять раз выступал перед конгрессменами, доведеннымными его активностью почти до изнеможения. Он послал конгрессу пятнадцать посланий, провел тринадцать законов.

В течение недели 13 500 банков (75 процентов общего числа) были возвращены к финансовой жизни. Гонги прозвучали на всех основных финансовых биржах. Вместо показателя Доу-Джонса появилась бегущая строка иного содержания: «*Вернулись счастливые дни*». Страна увидела свет в конце туннеля. Бесконечно увеличилась почта Белого дома. Это были дешевые конверты — писали преимущественно простые люди.

Как пережить экономический кризис

Эффективность президента напрямую зависит от поддержки конгресса. Избранный осенью 1932 года конгресс понимал, что общество стоит на грани краха — это гарантировало поддержку деятельного президента. В конгрессе соответствующие законы проводил сенатор Картер Гласс из Вирджинии и другие. Консультативную помощь ему оказывал Луис Брендайс. Но и сам Рузвельт создавал тесную связь с законодателями.

1. *Закон о контроле правительства над банками.* В огромной спешке Рузвельт провел свой первый экстренный закон — Акт о деятельности банков в чрезвычайных условиях. Президент довольно неожиданно появился перед законодателями, твердо убеждая колеблющихся, что «контроль над банками должен быть делом общественным, не частным, он должен быть поручен правительству с тем, чтобы банки были инструментами деятельности бизнеса, а не хозяевами его». Это вмешательство президента оказалось решающим, хотя еще много дебатов последовало, прежде чем в обстановке обеспокоенности почти военного времени билль прошел через обе палаты. (В процессе прохождения билля Рузвельт вынужден был просить общество о помощи — некоторые конгрессмены подчинялись партийной дисциплине, только если он просил их об этом.) Кинокамеры (новшество) зафиксировали подпись Рузвельта, поставленную немедленно в Белом доме. Согласно этому Акту, вначале право открытия получили лишь самые крупные банки. В то же время министерство финансов поручило Федеральной ре-

зервной системе выпустить достаточное число денежных знаков, чтобы избежать ажиотажа.

Не дефляция, а расширенный выпуск денег — кредит нового президента (резко отличающееся от точки зрения Гувера). Расположившись среди связок книг, прибывших из Гайд-Парка, президент Рузвельт подписал закон о выпуске двух миллиардов новых долларов. В этот день американский «монетный двор нанял 375 новых рабочих. Пресс, работающий с серо-зеленой правительственной бумагой, заработал с новой силой. Времени было так мало, что печатали официально «серию 1929 года». Подписи были факсимильными и взятыми со старых купюр. С раннего утра субботы самолеты начали развозить ассигнации по стране. 8 марта Федеральная резервная система объявила, что имеет список тех банков, которые взяли золото и не вернули его. ФРС предлагала вернуть это золото. К пятнице были возвращены 300 млн долларов в золоте, что позволило напечатать дополнительные 750 млн ассигнаций.

В дальнейшем Рузвельт провел законодательство, увеличивавшее возможности кредита сельскохозяйственным фермам. Поддержка была жизненно необходима президенту, ощущающему давление враждебных сил. Стране стало виднее, что перед нею энергичный идеалист, настроенный на социальное и экономическое реформирование.

2. В апреле 1933 года, подписав Акт о кредитах владельцам домов, Рузвельт спас тысячи разоренных домовладельцев, предоставив им два миллиарда долларов для оплаты закладных под низкий процент. Четверть

Как пережить экономический кризис

заложенных домов оказались спасенными от немедленной распродажи.

3. 19 апреля 1933 г. президент Рузвельт отменил золотой стандарт, запретив при этом экспорт золота. Тем самым он предпочел практику контролируемой инфляции, облегчившей положение задолжавших. Позволяя доллару «самому» устанавливать свой эквивалент, Рузвельт тем самым упростил задачу американских экспортёров, встретивших трудные времена среди инфицирующих европейских валют. Правые в США встретили эту инициативу без всякого восторга — Америка была привязана к золотому стандарту как одному из столпов того порядка вещей, с которыми связана вся западная цивилизация. Бывший губернатор штата Нью-Йорк Аль Смит прямо сказал, что он «за настоящие золотые доллары против дутых необеспеченных долларов». Но более легкий доллар открыл дорогу американскому экспорту, укрепляя американские позиции в мире. И такие вожди американского бизнеса, как Дж. П. Морган, понимали это.

4. 4 мая 1933 года — Акт об экстренных мерах в сфере железных дорог. Создавалась система, координирующая главное (тогда) средство внутриамериканского перемещения и обмена. Железнодорожное сообщение стабилизировалось, страна стала более здоровой вследствие физического сближения ее отдельных частей.

5. 17 мая Рузвельт создал финансовую систему, страховую банки от краха, исключающую столь характерную для 20-х годов спекуляцию акциями и ценными

бумагами. Федеральная страховая корпорация стала той скалой, на которую опирались банки, уменьшилась вероятность паники вкладчиков. Косвенно было ослаблено влияние Верховного суда, бывшего до этого времени оплотом политического консерватизма.

Новые законы и организации

«Новый курс» складывался импровизированно. Но наиболее важными вводимыми президентом Рузвельтом законами стали те, которые знаменовали прямое вмешательство государства в дела общества. Рузвельт начал восстанавливать государство «сверху», посредством серии законов.

1. AAA — Agricultural Adjustment Administration — очень специфический закон, обеспечивающий выплату фермерам компенсации за незасев своей земли — реструктуризацию двенадцатимilliардного фермерского долга. Все действия, одобренные на Уолл-Стрит, 23, едва ли можно было назвать революционными или даже либеральными. Поворот Рузвельта в левую сторону политического спектра произошел в конце марта 1933 года, когда он обратился к конгрессу с просьбой о принятии AAA — Акта о сельскохозяйственном улучшении и Акта о чрезвычайной федеральной помощи, подписанных 12 мая 1933 года — на 65-й день его стодневного марафона. Программа AAA была выдвинута в пике его консервативным противникам — она поднимала цены, чтобы увеличить экономическую по-

требность. Правительство попыталось спасти дошедших до отчаяния фермеров. В течение четырех последующих лет аграрные банки выдали полумиллиону земельных владельцев ссуды на общую сумму 2,2 млрд долл. на очень льготных условиях.

Разумеется, здравый смысл восставал против уничтожения урожая или поголовья скота. Министр сельского хозяйства Г. Уоллес говорил от имени многих: «Я надеюсь, мы никогда более не прибегнем к этому снова. Уничтожать колосящуюся пшеницу — выступать против самих оснований, базовых инстинктов человеческой природы». Но уже через четыре месяца он сам рекомендовал уничтожить шесть миллионов свиней. Администрация регулирования сельского хозяйства предлагала фермерам сокращать посевные площади. К 1935 году из 6,8 млн фермеров 2,8 млн стали издольщиками (средний доход 312 долл. в год).

2. CCC — Civilian Conservation Corps. 31 марта 1933 года Рузвельт провел через конгресс законопроект, который ему был особенно дорог — о создании Корпуса гражданской консервации (CCC). Следовало посмотреть на дело иначе, чем его предшественники в Белом доме. Он считал, что «изменилась сама природа стоящих перед нами политических вопросов. Теперь эти вопросы престали быть чисто законодательными и судебными; они стали социальными, затрагивающими самою жизнь общества, вопрос отношения человека к человеку в нашей стране. Ныне правительство имеет дело с поддержанием самой жизни. Механические, судебные процессы более недостаточны. Искусство и деятель-

ность правительства ныне заключаются не в подходе к отдельному человеку, а в подходе к массам». И правительство обязано стоять на стороне слабых.

Этот закон дал работу *двумстам пятидесяти тысячам* безработных молодых людей в национальных парках и лесах, а всего через ССС прошли два с лишним миллиона молодых американцев, надевших зеленую форму. За их эффективность отвечали генерал Макартур и полковник Джордж Маршалл. Двести миллионов деревьев были посажены от Флориды до Канады. Разумеется, часть общества увидела в этом путь к насильственным европейским режимам. Главной задачей ССС было проведение лесонасаждений, сохранение культурного слоя почвы, строительство национальных заповедников и многое другое. Уже через неделю в Вирджинии был создан первый лагерь Корпуса; Америка стала опрятнее, а многие ее молодые граждане получили смысл в жизни. ФДР войдет в историю как создатель зеленых форм. 25 долл. в месяц платили за работу (плюс семьям еще 25 долл.), и армия вчерашних безработных создала треть современных дорог и значительную долю муниципальных зданий.

Отчаяние 1932 года понемногу исчезало. Возникало новое чувство — что *все* возможно. Сухая, приятная зима освежила Вашингтон. До того, как AAA и система консервации ССС изменили сельскохозяйственную обстановку в стране, плодородные земли среднезападных штатов постоянно размывались и сдувались постоянными ветрами. Только новые рузвельтовские программы позволили предотвратить экологическую

катастрофу. До работы AAA земли за Миссури называли «великой американской пустыней». Здесь прошли тысячи бизонов и индейцев. Теперь здесь работали электроплуги «Джон Дир».

Десятки графств в Колорадо, Канзасе, Нью-Мексико, Техасе и Оклахоме назывались районом песчаных бурь. Совет национальных ресурсов пришел к заключению, что 35 млн акров пахотной земли полностью уничтожены, а еще 125 млн акров приближаются к точке необратимой обреченности. Голод грозил окрестным местам. На девятом месяце пребывания у власти новой администрации лютый смерч, начиная с Южной Дакоты, объял ноябрьское небо. Когда солнце все же преодолело горькую тьму, глазам жителей предстала прежде немыслимая картина: поля были занесены снегом; дороги, деревья и кусты исчезли, занесенные землей. Чикаго почернел, и следы смерча были видны до Олбани в штате Нью-Йорк. И это было только начало. Сухая погода породила фантастические смерчи. Область потерявшей вегетативную возможность земель увеличилась еще на 125 млн акров. Целые графства превращались в подобие Сахары.

Для многих фермеров это было, разумеется, едва переносимым несчастьем. Благодаря AAA обеспеченные фермеры теперь нуждались в меньшей помощи. Но их родственники садились в старенькие грузовики и отправлялись туда, где зеленела трава. На занесенных песком буграх — прежних домах — стояли дощечки с надписью: продается. Песок уничтожал фермера как производителя и уничтожал его банк.

Так, в графстве Холл (Техас) население сократилось с 40 тысяч до 1 тысячи. Джон Стейнбек в «Гроздьях гнева» запечатлел картину страданий фермеров Оклахомы. Писатель работал в Калифорнии и видел бросивших свое хозяйство фермеров соседних штатов. Калифорния притягивала как магнит: она не знала холодов, фруктовые деревья повсюду, маленькие белые лошадки. Эти люди на маленьких лошадках были смертельно напуганы потоком бедных фермеров из глубинки. То, чего они опасались, описал историк Артур Шлесингер: «Угроза социальной революции со стороны потерпевших банкротство, со стороны нищих — взрыв снизу, засасывающий в себя общественное богатство и уважение к государству»¹.

Но засуха на всем огромном Западе — огромное несчастье — имела и свою оборотную сторону. Она невольно позволила сократить избыточное производство пшеницы и подняла на нее цену.

3. 27 марта создается Администрация сельскохозяйственного кредита для финансирования пострадавших фермеров, для сохранения за ними их ферм, для обновления сельскохозяйственного производства.

4. 29 марта — Акт о доверии к ценным бумагам, который в значительной мере сдержал спекуляцию ценными бумагами. Впервые рынок ценных бумаг перестал быть ареной обогащения удачливых спекулянтов, впервые государство взяло его под свой контроль. Во

¹ Schlesinger A. The Politics of Upheaval. Boston: Houghton Mifflin, 1960. P. 117.

главе Комиссии по федеральной торговле был поставлен Джозеф Кеннеди, патриарх знаменитого семейства, уже успевший сделать огромное состояние. Уж он-то знал, какие лазейки следует перекрыть спекулянтам. Критикам этого назначения Рузвельт сказал просто: «Ловить воров лучше всех может специалист в обхождении законов».

5. NIRA — National Industry Recovery Act и закон Вагнера — Коннери о регуляции трудовых конфликтов. 16 июня 1933 года появился закон NIRA — Акт о национальном индустриальном восстановлении — итог использования резервуаров воображения и планирования. Идея главной программы Рузвельта — NIRA возникла в ходе его второго выступлении «у камина» по радио — 7 мая 1933 года. Президент сказал, что хочет «партнерства в планировании между правительством и бизнесом, дающее правительству право предотвратить нечестную практику отдельных промышленников». Рузвельт ставил перед страной цель прекратить зубодробительную конкурентную борьбу, вывести из сферы неслыханной эксплуатации женщин и детей. В законе о NIRA была знаменита статья 7 (а), легитимизирующая коллективные договоры между профсоюзами и предпринимателями, что давало толчок рабочему движению 1930-х годов.

Закон о восстановлении промышленности (NIRA), был направлен на приобретение контроля над экономикой посредством принятия специальных кодексов. Закон предусматривал передачу значительной части

Анатолий Уткин

полномочий в стране высокоорганизованным, хорошо финансированным объединениям промышленников.

Рузвельтовская NIRA способствовала укреплению профсоюзов. В течение трех недель после того, как президент подписал Акт о национальном восстановлении экономики, 135 тысяч прежних членов Объединенного союза шахтеров заново вступили в профсоюз. Стали крепнуть и другие профсоюзы. Лидер горняков Джон Льюис объявил о создании Конгресса производственных профсоюзов (КПП), объединивших миллионы неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих. Постепенно (в основном через сенатора Вагнера) президент Рузвельт стал сближаться с силами, которые могли обеспечить ему массовую поддержку.

Необходимо было что-то делать с промышленностью. Мнения здесь были настолько полярными, что Рузвельт 10 мая собрал представителей борющихся групп, представляющих непримиримые стороны в Белом доме. И когда первые два часа не выявили компромиссного подхода, Рузвельт приказал своему помощнику — генералу Х. Джонсону запереть дискусшантов в отдельную комнату и не выпускать вплоть до достижения взаимоприемлемого решения. Именно из этой идейной битвы возник знаменитый Акт о восстановлении национальной промышленности (NIRA) — самое большое мероприятие «Нового курса». К середине лета 1933 года под флагами NIRA работало более девяти миллионов рабочих, а кодексы NIRA подписал миллион предпринимателей. Президент приказал государственным учреждениям иметь дело только с фирмами,

подпишими статут NIRA. Федеральная помощь не была абсурдной в дальней перспективе, но, как объяснил Гарри Гопкинс сенатской комиссии, «люди не едят «в дальней перспективе», они едят каждый день». Гопкинс предложил программу национальной помощи бедным, и министр Перкинс представила его президенту Рузвельту, который рекомендовал данную программу конгрессу. Это вызвало шок у правых парламентариев. Член палаты представителей Роберт Люс (Массачусетс) назвал эту программу «социализмом». А член палаты Каррол Биди (Мэн) воскликнул: «Боже, спаси народ Соединенных Штатов!»

Главой NIRA — главной программы «Нового курса» был назначен, пожалуй, самый колоритный из помощников Рузвельта — генерал Хью Джонсон. Он резко обличал всех противостоящих ему политиков и был остр на язык. Он говорил про противников, что в их жилах «текла кровь грызунов». Других он называл «надушенными ребятами из госдепартамента». Третьих «продавцами пустословия». Во время сенатских слушаний Национальная ассоциация производителей и Торговая палата США резко выступили против NIRA. Рузвельт пригласил чувствующих себя наиболее обиженными представителей промышленности на конференцию в Белый дом, которая продолжалась до тех пор, пока участники не пришли к соглашению.

Статья 7 (а) осталась нетронутой, но стало ясно, что ее реализация встретит жесткое сопротивление. Промышленники и их представители в конгрессе не пошли на противостояние только потому, что опасались

Анатолий Уткин

закрытия всех свободных предприятий. Как сказал Ральф Фландерс — тогдашний президент компании «Джонс энд Лэмсон мэшинз», промышленники верили, что экономическое восстановление возможно только в условиях «смягченной конкуренции». Генерал Джонсон был настолько выдающимся «шоумэном», что сумел избежать конфликта с бизнесом на протяжении всего 1933 года. Фирмы, которые принимали предложенные правила социальной игры, получали право размещать на своей продукции «синих орлов», ставших символов честной конкуренции. Журнал «Тайм» печатал эту птицу на своей обложке еженедельно. Девушки татуировали «синего орла» на своих плечах. 8 тысяч молодых людей изобразили своими телами эту птицу на стадионе в Сан-Франциско. Джонсон ездил по всей стране, заставляя всех причастных к индустрии подписывать кодекс «синей птицы», кодекс честной конкуренции. Сам президент Рузвельт приказал всем федеральным ведомствам иметь дело только с теми компаниями, которые носили знак синей птицы.

Его Акт о доверии к ценным бумагам подписал миллион предпринимателей — но в большинстве своем это были предприниматели средней руки. К середине лета 1933 года девять миллионов рабочих трудились в условиях этого соглашения. Но они не составляли большинства в масштабах всей Америки. Из десяти ведущих отраслей промышленности — текстильной, нефтяной, стальной, швейной, оптовой торговли, строи-

тельной индустрии — только в текстильной отрасли преобладали фабрики «под синим орлом».

Журналисты спросили генерала Джонсона, что в конечном счете будет с предпринимателями, не подписавшими соглашение? Тот сказал: «Я натяну им носок на нос». Когда Генри Форд отказался подписывать соглашение, Джонсон сошел со своего фордовского «Линкольна» и пересел на «Кадиллак» компаний «Дженерал моторз».

Джонсон развивал свою стратегию. Он развернул общенациональную кампанию за то, чтобы все предприниматели дали обязательство платить своим наемным рабочим двадцать четыре доллара за сорокачасовую неделю. Президент Рузвельт сделал этот вопрос темой своей *третьей* беседы у камина 24 июля 1933 года. «На войне, в ходе боевых действий в ночное время, солдаты носят яркие, заметные значки, чтобы избежать трагической ошибки, когда свои начинают по ошибке стрелять по своим товарищам. В этом смысле носящие синего орла должны знать своих единомышленников уже издалека».

После слов президента членство в «обществе синего орла» приобрело особое значение. Мэр города Бостона Джеймс Керли собрал сто тысяч детей, и те дали торжественную клятву: «Как хороший гражданин Америки, я обещаю внести свой вклад в NIRA. Я буду покупать товары и продукты только там, где реет знак синего орла. Я буду просить мою семью... покупать товары, произведенные в Америке. Я обещаю помочь президенту Рузвельту возвратить хорошие времена». Повсе-

местно проводились парады NIRA, а оркестры бодро играли всеобщий гимн борцов с кризисом: «Вернулись счастливые дни».

В знак солидарности с NIRA проходили парады его сторонников. Всех обогнал Нью-Йорк. В течение десяти часов два миллиона жителей города наблюдали за четвертьмиллионным парадом. Симфонический оркестр Вальтера Дамроша вел за собой работников радио. За Чарльзом Виннингером шли актеры, работники кино. Маршировали тысячи парикмахеров, десять тысяч банкиров и брокеров, клерков Фондовой биржи. Далее последовали двадцать тысяч работников швейной промышленности. С огромной трибуны выпустили пятьдесят почтовых голубей, понесших хорошие вести Франклину Делано Рузвельту. Наступила ночь, но зажглись огни Пятой авеню, и все новые делегации выходили на площадь — на Вашингтон-сквер — бакалейщики, ювелиры, мясники, пожарники, полисмены, библиотекари, аптекари, печатники, официанты.

В Талсе парад за собой вела семидесятисемилетняя мать генерала Джонсона, предупреждая всех, что «людям лучше бы подчиниться правилам NIRA, иначе мой сын поразит несогласных, как молния: вы даже не будете знать, с какой стороны ударит эта молния». Марширующие, пишет Хейвуд Браун, ощущали прилив энтузиазма, надежды и уверенности: «Когда формируется колонна и ты чувствуешь плечо товарища, рождается солидарность».

В конечном счете, все основные отрасли промышленности примкнули к NIRA, кроме автостроителей

и шахтеров. Потом не удержались и автостроители (исключая Генри Форда). А затем в общий строй влились и шахтеры. В порыве всеобщего энтузиазма даже Герберт Гувер (!) подписал согласие руководствоваться правилами NIRA.

6. CWA — Civil Work Association. 22 мая Рузвельт назначил главой Администрации гражданских работ (CWA) малоизвестного ему тогда ньюйоркца Гарри Гопкинса, который объявил своей задачей «сделать так, чтобы люди не умирали с голоду». (Под разными названиями эта организация просуществовала до 1942 года.) Гопкинс привлек внимание Рузвельта тем, что не хотел заниматься простой благотворительностью: люди без работы теряют достоинство. В Администрации гражданских работ были заняты более четырех миллионов человек. Было осуществлено более тридцати тысяч проектов. Люди Гопкинса строили мосты, стадионы, аэропорты. За десять лет Администрация гражданских работ CWA создала десятую часть всех новых дорог в Америке, 35 процентов всех новых больниц, 65 процентов зданий городского управления, 70 процентов новых школ. И сейчас всякий проезжающий под Гудзоном по туннелю Линкольна или по мосту, соединяющему Манхэттен с Нью-Джерси, кто смотрит на золотохранилище США в форте Нокс, помнит трудовой пыл CWA. Не перечислить всего того, что за короткий срок украсило Америку, сделало ее современной. И все это обошлось в двадцать миллиардов долларов — на треть меньше, чем помочь по ленд-лизу Англии. И именно Администрация гражданских работ

Анатолий Уткин

спасла тлеющие, ржавеющие военные установки, что сделало мобилизацию 1940-х годов столь успешной. Без государственных работ 30-х годов Америка не смогла бы создать и атомную бомбу в столь сжатые сроки.

7. TVA — Tennessee Valley Authority (каскад электростанций). В апреле была создана Администрация долины Теннеси (TVA) — самое амбициозное предприятие в области общественных работ: государственное планирование, федеральная организация, охватывающая сразу несколько штатов. Это была революционная мера, невиданная до сих пор. И, разумеется, она вызвала бурю эмоций, в которой немедленно объединились между собой и правые, и левые радикалы. Прогрессивный налог — всеобщий показатель цивилизованности и развития. Вопреки жесткому сопротивлению большого бизнеса, этот налог стал законом. Он был, по современным меркам развитых стран, весьма скромным. Но он был важнейшим в развитии американского общества шагом к прогрессу.

Разумеется, крики о «ползучем социализме» стали звучать громче, но Франклину Рузвельту этот проект был очень дорог. Проект лоббировал сенатор Джордж Норрис, сторонник национализации источников энергии и одновременного сохранения окружающей среды. TVA стала символом незашоренности мыслительного горизонта Рузвельта, отказавшегося видеть призрак коммунизма в государственном владении гидроэлектростанциями.

8. Закон 1938 г. о минимальной заработной плате (25 центов в час), введена 40-часовая рабочая неделя и запрещен детский труд.

9. Субсидирование жилья для рабочих.

10. Закон о социальном страховании — пенсионное обеспечение и пособия по безработице.

11. Средства на трудоустройство писателей, художников, актеров, музыкантов — Федеральный театральный проект. Были изданы сотни книг и брошюр, граффити на заборах и в помещениях.

«Новый курс» Рузвельта сократил безработицу с 13 до 9 млн человек (она полностью рассосалась в годы Второй мировой войны).

К 1933—1934 годам относятся законоположения, начавшие регулировать финансовые и биржевые рынки во избежание новых «черных вторников». Появляются кодексы честной конкуренции, по сути носящие нормативный характер. За короткий период было составлено 557 основных и 189 дополнительных кодексов в отраслях, которые охватили 95 процентов всех промышленных рабочих. На волне кодификации возникло около 500 новых предпринимательских ассоциаций. Эти кодексы ограничивали конкуренцию: предприятие, подпишавшее такой кодекс, уже могло не бояться антимонопольных законов. Стороны гарантировали минимум зарплаты, а также единую зарплату для всех рабочих одной категории — так называемый принцип солидарной оплаты, который затем взяли на вооружение профсоюзы Швеции.

Предварительные итоги

Заметим, что в первом инаугурационном послании Рузвельта не содержалось ни слова о событиях за рубежом. Рузвельт не поддержал идеи вступления США в Лигу Наций, где преобладали Франция и Англия. Более того, США в 1933 году нанесли решающий удар по идее созыва Международной валютной конференции. США откровенно поворачивались к внутренним делам, манкируя внешними. Коренной отказ от внешне-политической пассивности Рузвельт смог себе позволить лишь несколькими годами позже, уже тогда, когда Германия перевооружилась, Япония решительно встала на путь агрессии, Испания оказалась в огне гражданской войны, а Америка встала на ноги.

За четырехлетие объем социального страхования увеличился до трех миллиардов долларов. Национальный доход вырос на 30 процентов, индекс активности компаний (индекс Доу-Джонса) поднялся на 80 пунктов. Уолл-Стрит ощутил признаки инфляции — явный показатель начала роста.

Безработица уменьшилась за первый срок президентства Рузвельта на четыре миллиона человек. Зарплата в промышленности удвоилась, равно как удвоились и цены на акции на бирже. Доходы фермеров выросли с четырех миллиардов в 1932 году до семи миллиардов в 1935 году. Объем промышленной продукции удвоился. Рузвельт законно считал, что сыграли свою роль пять миллиардов долларов, израсходованные им на общественные нужды — дороги, общественные

Как пережить экономический кризис

здания, дамбы и прочее. Рузвельт спас не только фермеров, рабочих и мелких бизнесменов. Он оказал помощь американской интеллигенции — писателям, актерам, художникам — представителям тех профессий, где самоуважение было не менее важно, чем непосредственный доход. Лишь благодаря «Новому курсу» многие американцы смогли продолжить свое образование в университетах.

Главное значение «Нового курса» для американского народа не в вышеприведенных цифрах, а в начале изменения отношений между людьми. Биржа перестала быть единственным барометром жизни нации, люди начали ценить сочувствие, солидарность, осмысленные коллективные действия. Так, вода в Теннеси стала после постройки предложенных Рузвельтом гидроэлектростанций чище и бежала теперь быстрее. Платформа демократов — плод работы Рузвельта и команды — была необычайно откровенной и ясной по своему смыслу. Пародируя Декларацию независимости Джонса, она говорила: «Мы считаем самоочевидными следующие истины — что правительства в условиях современной цивилизации имеют определенные твердые обязательства перед своими гражданами, среди которых выделяются следующие: 1) защита семьи и семейного очага; 2) создание демократических возможностей для всего народа; 3) помочь тем, кто попал в беду». Задачей правительства является «избавить нашу землю от расхитителей, бандитов и злодеев большого богатства».

Анатолий Уткин

Индекс промышленного производства поднялся с 58 пунктов в 1932-м до 101 пункта в 1934-м и 121 пункта в 1935 году. Главным орудием — и главной надеждой — Рузельта в 1936 году было то, что люди не успеют забыть ситуацию четырехлетней давности, с которой они могут сравнить настоящее.

Самым известным посетителем президента Рузельта в мае 1934 был английский экономист Джон Мейнард Кейнс. Он прибыл к президенту с рекомендательным письмом от судьи Феликса Франкфуртера. Прославленный экономист рекомендовал *дефицит* в бюджетных расходах: «Ничто не сравнится в эффективности борьбы с кризисом с этим средством». Рузельт позже писал, что они имели «потрясающую беседу». И все же Рузельту было трудно свыкнуться с мыслью, что ради процветания надо отбросить страх и влезть в долги. Он дал распоряжение Тагвелу познакомить Кейнса с членами его кабинета.

Ситуация все еще была очень сложной: более восемнадцати миллионов американцев получали государственную помощь.

Писатель Синклер Льюис, выдвинув свою кандидатуру на пост губернатора Калифорнии, предложил создать цепь социально ориентированных коммун под лозунгом: «Я произвожу, и я защищаю». Его поддержали Теодор Драйзер, Арчибалд Макли, Дороти Кэн菲尔д Фишер, Стюарт Чейз, Моррис Эрнст, Кларенс Дарроу, — и даже отец Чарльз Кофлин из Роял-Оак

(Мичиган). Рузвельт ценил Льюиса. Республиканцы в Калифорнии выступали за пенсию в 200 долларов всем, кто старше 60 лет.

Левые в Америке получили политическое влияние в штате Вашингтон, в Висконсине (где Роберт Лафолет выиграл и сенаторскую, и губернаторскую гонки), в Миннесоте.

И все же нужно признать, что администрация Рузвельта могла не все. Она могла удесятерить жителям долины могучей Теннеси их жизненный уровень, но она не могла одним рывком вырвать огромную экономику Америки из лап мирового кризиса. Рузвельт пытался, и Администрация национального восстановления была самым большим его усилием в этом направлении.

Администрации национального восстановления (NRA) подняла моральный дух нации — и уже это сослужило службу американской нации. Выступая перед ассамблей штата Нью-Йорк, учитель рукоделия Роберт Маршалл объяснил, что учит безработных плести ремни из веревок. Редакционные статьи по всей стране высмеяли мастеров делания ремней — вот, мол, чем занимается Гопкинс за государственные деньги. На самом деле Гопкинс и его соратники ненавидели бессмысленную работу — она лишает человека гордости и самоуважения. Любимая фраза, которую всегда хотел услышать Гопкинс, была: «Мы перестали получать пособие, мы теперь работаем на правительство».

У руля

В 1930-е годы закладывались основы той политической практики, которая позднее приобрела в американской жизни черты «естественногого состояния». В те времена отсутствовали массовые опросы населения, не было крупных социологически ориентированных исследовательских организаций. Политики в определенном смысле блуждали во тьме — заголовки ведущих газет ведь тоже строились на пристрастиях ведущих комментаторов. Тогда еще не было больших социологических агентств, но уже ощутима была необходимость в том, чтобы и в политике просчитывать возможные результаты, видеть на несколько шагов вперед.

Новый — рузвельтовский — доллар (который к лету 1933 года был опущен до 83 центов в золотом измерении) позволил американской промышленности с большим успехом конкурировать на мировом рынке, тесня европейские компании, которые уже выступали за инфляцию своих валют. Президент Рузвельт издал 31 января 1934 года прокламацию, которая сокращала золотое содержание доллара с 25,8 до 15,5 грамма и устанавливала официальную цену золота на уровне 35 долларов за тройскую унцию.

Свободное падение валового национального продукта значительно замедлилось — на 2,1 процента в 1933 году. Но безработица выросла до 24,9 процента. Рузвельт отверг совет Дж. М. Кейнса прибегнуть к большому дефициту расходов.

Если основная масса американских промышленников еще не понимала этого, то Уолл-Стрит уже понимал. Известный экономист Чарльз Дэвис аплодировал Рузвельту, и также поступала часть республиканцев. Партнер Моргана Рассел Леффингвэлл писал Рузвельту: «Ваши действия по «уходу от золота» спасли страну от полного коллапса». И даже настроенный против Рузвельта миллиардер Дж. П. Морган приглушил свой критицизм, объявив с редким для него проявлением чувств, что он «приветствует объявленные действия президента... Кажется ясным, что выходом из депрессии является борьба с дефляционными силами».

Большой бизнес увидел в связи профессиональных союзов с правительством подлинную для себя угрозу. Бизнесмены, как мы уже отмечали, называли меры, предпринятые президентом Рузвельтом, «ползучим социализмом». Но американский народ смотрел на это дело иначе. Процитируем далекую от социальных сопереживаний газету «Нью-Йорк таймс»: «Американскому народу кажется, что Рузвельт оседдал смерч и поставил под свой контроль всеамериканский штурм. От президента Рузвельта он (народ) получил серию исполненных мужества речей и ряд достижений, которые заставили миллионы его сограждан считать президента человеком, ниспосланым небесами в самый трудный час».

Переход от мучительного ожидания своей судьбы к отчаянному овладению этой судьбой был таков, что в Америке появилось нечто прежде невиданное — культивичности. По поводу Рузвельта повсеместно

Анатолий Уткин

утверждалось, что «он может видеть во тьме». Американские историки не без основания утверждают, что в этот, редкий для Америки, период Рузвельт мог получить от конгресса практически любые полномочия — вплоть до диктаторских.

Историк Дж. Гюнтер утверждает: «Мы склонны забывать ныне о той огромной, беспрецедентной, возобладавшей над всем власти, данной впавшим в энтузиазм конгрессом Рузвельту во время первых ста дней его правления. Германский рейхstag не дал канцлеру Гитлеру большего». И Рузвельт посчитал обязательным отметить, что будет действовать строго в рамках Конституции.

■ Глава четвертая

Общение как инструмент преодоления моральной депрессии

Между тем Рузвельт интуитивно чувствовал опасность. Он боялся девальвации своих слов, он не согласен был выступать ежедневно (как ему многие предлагали). Он знал волшебную и страшную силу слова — и не злоупотреблял этой силой. Рузвельт сам определил свою роль как миссию «президента, убеждающего молитвами». В те времена не было «Голоса Америки», не было Информационного агентства Соединенных Штатов, и президент, выступая как бы от себя, был своего рода учителем, а «классом» была вся страна.

Выступление перед народом

Новое законодательство можно было провести лишь с полной поддержкой американского народа. Главной заслугой президента Рузвельта в этот самый суровый период американской государственности было не не-

кое отдельное мудрое решение, а то, что он сумел создать в стране атмосферу солидарности, готовности к инновациям, чувство, что препятствия преодолимы. Из мрака отчаяния он сумел извлечь луч надежды, его оптимизм был заразителен. Страна не стала жить много лучше, но стала более уверенной в том, что труд и поиски выхода из экономических и моральных злоключений в конечном счете обеспечат выход из кризиса. Такие общенациональные авторитеты, как Уильям Аллен Уайт, признали, что недооценивали Рузвельта: «Мне трудно понять — я ли не понимал его до выборов или он развернулся после победы? Он демонстрирует спокойствие, великодушие и, более всего, властность!.. Я видел в своей жизни многое, но ничего подобного».

Отвергая высокомерную гуверовскую практику («президент никогда никого не навещает»), Рузвельт посетил ушедшего в отставку судью Оливера Уэндела Холмса в связи с его девяносто второй годовщиной, несмотря на то что ступеньки дома у великого судьи были очень круты. Рузвельт, поправ всякое высокомерие, спросил у великого судьи дать совет: «Что делать?» Ветеран Гражданской войны ответил кратко: «Крепите свои ряды и сражайтесь!» После ухода президента судью спросили, каково его мнение о новом президенте. «Знаете ли, — сказал смущенно Холмс, — его дядя Тэд назначил меня Верховным судьей». — «И все же». Взглянув на дверь, через которую только что вышел президент, старый судья высказал суждение, которое является, возможно, самой верной, гениальной оцен-

кой Франклина Делано Рузвельта: «Второклассный интеллект, но первоклассный темперамент».

Огни ведомственных зданий горели в эти вечера в Вашингтоне буквально до утренней зари. Во многом именно для того, чтобы не раздражать доведенный до отчаяния народ, конгресс без детализированных слушаний утвердил весь состав кабинета — все его члены собрались в Овальном кабинете Белого дома, и Верховный судья Бенджамин Кордозо принял у них клятву. Это была первая такая церемония в Белом доме и первая, когда кабинет выступал единым коллективом. После церемонии Рузвельт отправился в Красную комнату Белого дома, чтобы поприветствовать тринадцать юношей-инвалидов, специально приглашенных на инаугурационную церемонию. В Белом доме не было подлинной смены караула, замены внутренних служб и уж точно не было больше обедов из семи блюд. На все это у Рузвельта попросту не было времени. И он был, по определению Артура Шлесингера, «естественнй президент», ему не нужен был дополнительный декор. Все и без того точно знали, за кем последнее слово, кто в этом доме творит историю. Артур Крок: «Он был боссом, динамо-машиной, рабочим цехом». Четырнадцатичасовой рабочий день. Четверть этого времени — разговор по телефону. Всех звал по имени и представлялся тоже по имени. Позвонил в министерство труда и представился: «Это Френк. Могу ли я поговорить с мисс Перкинс?» Вопрос передали секретарю, и тот ответил: «Я не знаю никакого Френка. Спросите, кто он такой». Из трубы прозвучало: «Из

Анатолий Уткин

Соединенных Штатов. Президент страны». Более ста человек ему звонили по прямому проводу и практически в любое время. Приказал не прерывать ни одного звонявшего в Белый дом американца. Специальный помощник говорил со всей страной. Вот едва ли не типичное письмо президенту: «Дорогой мистер президент! Я просто хочу сказать вам, что сейчас все наладилось. Человек, которого вы послали, нашел наш дом в порядке, и мы сходили вместе в банк, чтобы продлить закладную. Вы помните, я вам писал, что мы потеряли мебель тоже. Ваш человек вернул нам ее. Я никогда не слышал о таком президенте, как вы». И, как пишет Уильям Манчестер, *никто не слышал о таком президенте*.

Пресса

Главной формой этой «учебы» стали встречи с прессой по вторникам и пятницам, строгим правилом которых было «не делать записей и не цитировать президента». Мало кто знал (или догадывался), как волновался президент перед выходом к прессе. За двенадцать лет своего президентства он так и не смог преодолеть этого предстартового волнения. Но вот в его знаменитый Овальный кабинет начинали «просачиваться» представители прессы. Рузвельт неизменно шугнул со своими знакомыми, чаще всего с фаворитами из первого ряда. Наступало время вопросов и ответов, и волнение отступало. Во вступительном слове — за пятнадцать — тридцать минут — Рузвельт излагал свое понимание

Как пережить экономический кризис

текущих проблем избранному кругу журналистов, и те получали представление о главном направлении движения государственного корабля. Речь шла о текущем законодательстве, о главных назначениях, обо всем, что могло вызвать общественный интерес.

Журналисты говорили, что президент мог взять любую тему, даже такую сложную, как банковское дело, и сделать вопрос более понятным «даже для банкиров». Отнюдь не поклонник президента, американский историк Чарльз Бирд пишет, что ФДР обсуждал «больше фундаментальных проблем американской жизни и общества, чем все остальные президенты, вместе взятые». Теперь вся страна с нескрываемым интересом следила за особняком на Пенсильвания-авеню, 1600. Четверть новостей агентства «Ассошиэйтед пресс» шла теперь из Белого дома. Соперничающая с «Ассошиэйтед пресс» «Юнайтед пресс» утроила штат своего столичного представительства.

Своего рода камертоном послужила первая пресс-конференция, состоявшаяся в незавидное для Америки время — 8 марта 1933 года, на пятый день правления Рузвельта. 125 журналистов запросто пришли в Овальный кабинет и, стоя, с блокнотами в руках начали задавать вопросы президенту. В течение тридцати пяти минут (это время стало стандартом) молодой президент сумел превратить отчаяние и обреченность в нечто вроде спасительной улыбки над самим собой.

Бесстрашие, надежда, вера в себя — именно это хотел донести президент нации, и сделал это с большим

Анатолий Уткин

блеском. Вот что пишет американский историк У. Лейхтенберг: «Он был далеким от формальности, легким в общении, веселым. Когда он хотел избежать ответа на вопрос, то делал это откровенно. Он чувствовал себя непринужденно. И не скрывал удовольствия, которое испытывает в ситуации взаимообмена». Журналисты не скрывали впечатления от душевной теплоты и откровенности нового хозяина Белого дома, не требовавшего (в отличие от предшественников) предварительного списка вопросов. Совершенно неожиданно пресс-конференция, проведенная в худший час общенационального раздора, завершилась аплодисментами — в конце конференции журналисты устроили президенту овацию. В окончании первой пресс-конференции журналисты зааплодировали, а ведь это были прожженные циники, а не розовые энтузиасты.

Таких пресс-конференций было 998. Дважды в неделю, год за годом он встречал журналистов, репортеров, издателей. Рузельт, в отличие от многих политиков, любил прессу. Он знал опасности ее непостоянства, но он знал, что у него нет второго такого инструмента общения с нацией, такого рупора обращения к ста пятидесяти миллионам американцев.

Что было, может быть, важнее всего, Рузельт немедленно отошел от профессиональной напыщенности своего предшественника Гувера. Он звал журналистов по именам, шутил по всевозможным поводам, знал о событиях в жизни корреспондентов. Он излучал тепло. Однажды он задержал поезд, чтобы запоздав-

Как пережить экономический кризис

ший корреспондент смог впрыгнуть в него. Когда у одинокого журналиста скончалась мать, президент пригласил его на семейный воскресный ужин. Таких выражений симпатии было множество. Все это, может быть, частично объясняет тот факт, что, хотя 85 процентов издателей политически противостояли Рузвельту, журналистские репортажи обычно не кипели ядом. По мнению историка А. Шлесингера, «Рузвельт своим умом сумел смягчить откровенную враждебность издателей и превратить прессу в одно из наиболее эффективных средств общественного лидерства».

Радио

Газеты правили Америкой уже сотню лет, но довольно незаметно к рычагу общественного мнения подобрался их мощный конкурент — *радио*. И Рузвельт осознал это раньше многих политиков. Еще одним важнейшим каналом общения с нацией стали, как мы уже отметили, так называемые «беседы у камина». Рузвельт первым среди больших политиков Америки узрел огромную силу нового вида средств массовой коммуникации. Радиоприемники появились в миллионах семей. Уже в первый месяц своего пребывания в Белом доме состоялась премьера неотъемлемого атрибута «Нового курса»: президент выступил с радиообращением к стране.

В воскресенье 12 марта 1933 года Рузвельт начал нечто новое в президентской практике. Рузвельт дал аме-

Анатолий Уткин

риканскому народу второй урок государственного искусства. Микрофоны студий «Нэшнл», «Коламбия» и «Мьючуэл» были установлены на полу, на первом этаже Белого дома — перед залом дипломатических приемов. Шестьдесят миллионов американцев настроили свои приемники в десять часов вечера воскресного дня 12 марта на волну, на которой новый президент США обратился к гражданам с объяснением своих действий. В самых простых выражениях он дал оценку того, что начал делать, и объяснил зачем.

«Прежде всего, позвольте мне объяснить простой факт, что, когда вы вкладываете деньги в банк, этот банк не прячет ваши деньги в сейф. Он вкладывает ваши деньги в многие формы кредита — в акции, за-кладные. Другими словами, банк заставляет ваши деньги работать, чтобы колеса экономики продолжали крутиться...» В течение двадцати минут он изложил свои аргументы, заведомо сводя сложное к простому. Рузвельт призвал слушателей, по возможности, снова положить деньги в банки: «Лучше держать их в банке, чем под матрасом». Многие забыли тему разговора, но помнили вывод: «Вместе мы не можем потерпеть поражение».

Теперь его голос мог звучать в гостиных американцев от Атлантического до Тихоокеанского побережья. Важно было не девальвировать это могучее орудие идейного воздействия. За двенадцать лет президент Рузвельт выступил «у камина» примерно тридцать раз, но каждое из его выступлений было событием в нацио-

нальной жизни. Около недели требовалось для подготовки к такому выступлению — очень тщательная подготовка, при которой один вариант быстро сменял другой. Затем репетиция перед помощниками — эмоционально и интеллектуально слабые части изымаются. И само выступление: тембр, акценты, паузы, смысловая интонация. Главное — тон доверительной беседы, разделения сомнений и надежд со всей страной, прямые деловые предложения, никакого заигрывания и тем более никакого тона патронажа. Опросы показывали, что Рузельта слушало вдвое больше людей, чем самых популярных исполнителей, просветителей и проповедников его поколения.

Президент Рузельт сказал, что хотел бы, чтобы его речь звучала голосом соседа-друга. Это и были ставшие знаменитыми «беседы у камелька», или «беседы у камина». Вот как говорил президент: «Мои друзья, я хочу рассказать вам, что было сделано за последние дни, почему это все было сделано и какие следующие шаги мы предпримем». Первая «речь у камина» касалась критики банковского кризиса — здесь следовало всеми силами подорвать основания возможной практики оглашения своего решения закрыть банки и открыть их. Рузельт стряхивал пепел и говорил стране о моратории на работу банков: «Мои друзья, я хочу рассказать вам, что было сделано за последние несколько дней, почему это было сделано».

Любимым приемом Рузельта стала аналогия. В Америке помнят его иллюстрацию к закону о ленд-лизе как

Анатолий Уткин

о «взятии взаим пожарного шланга». Историки особенно ценят в «беседах у камина» историческое чутье президента, с готовностью обращающегося к национальной истории, к дням революции, создания государства, деятельности отцов-основателей, к таким общенациональным кризисам, как Гражданская война.

Американский историк А. Маклейш писал: «Чувство истории в политическом лидере — это чувство прошлого, используемое для формирования будущего; чувство истории и американской традиции было у Рузвельта подлинно глубоким». Выступая непосредственно перед слушателями, президент драматизировал ход событий, но, выступая по радио, он хотел добиться эффекта задушевной беседы. Говоря же по радио, он старался подбирать простые слова, любил приводить конкретные примеры и понятные всем аналогии. По мнению Розенмана, «он подыскивал слова, которые могли быть применены в беседе двух или трех друзей», слова, которые были понятны всем.

Как это ни странно, но слово подействовало. В следующий понедельник (вторая неделя пребывания Рузвельта у власти) взносы в банки, к изумлению банковских служащих, превысили изъятия, и к концу этой недели две трети банков страны возобновили свою деятельность. По мнению Моли, «капитализм был спасен за восемь дней». Не желая терять темп, вечером 9 марта Рузвельт призвал лидеров конгресса в Белый дом, где им объявили, что программу экономии федерального ведомства должны начинать с себя, с жалования членов конгресса. Федеральный Вашингтон отдавал

Как пережить экономический кризис

в общегосударственную копилку 100 млн долларов. Поддержаный даже «всегда скучными» республиканцами билль стал законом 18 марта 1933 года. Тем временем президент возвратил — после многолетнего опыта воздержания — американскому народу пиво. Это был мудрый жест, он несколько сместил центр внимания с жестких вопросов экономики.

Во второй радиоречи «у камина» он объяснил американцам, что не собирается завладеть контролем над промышленностью, банками и всей деловой активностью. Его задача — «быть партнером в планировании, партнером в реализации планов». Для президента существенно было указать на статью 7(а) Акта о восстановлении национальной промышленности (NIRA), гарантирующий право рабочих на коллективные договоры, на решение, входить или не входить в уже созданные профсоюзы.

Всюду и везде, где обстоятельства требуют решительных мер, лидер должен ощущать, что люди готовы претерпеть, если им будет объяснено, за что, как, в какой мере, с какой целью они должны принести жертвы. Трагедией русских вождей 80—90-х годов было их полное неумение придать смысл противоречивым законами, объяснить народу цели своей деятельности.

Условием успешного руководства президента Рузвельта было движение вместе (не за, не далеко впереди) с американским народом. Здесь мы подходим к главной черте тактического гения Рузвельта — он не только умел понимать, он умел успешно убеждать. Он

Анатолий Уткин

знал жизнь, знал общее настроение, знал аргументы, столь необходимые в любой демократии. Он переводил сложные проблемы в простые образы, в понятные метафоры. Рузвельт не формировал общественного мнения страны, но он делал так, что без него это мнение не было бы сформировано. Определить верный курс — это еще полдела; вторая половина — это убедить миллионы столь разных американцев следовать ему. В двадцатом веке Америка не имела лучшего оформителя морального, душевного и политического состояния нации, чем Франклин Рузвельт.

Роль Рузвельта воспринималась Америкой, прежде всего, как роль лидера, объясняющего, куда он ведет свой народ. За сто первых дней своего президентства Рузвельт отправил в конгресс пятнадцать посланий, провел пятнадцать законов, произнес десять заглавных речей.

Сотни талантливых молодых людей встали под знамена «Нового курса» — их имена Америка еще услышит. Заместителем министра финансов стал Дин Ачесон, адвокатом в департаменте юстиции — Уильям Фулбрайт, администратором одной из программ — Губерт Хемфри, помощником конгрессмена стал Линдон Джонсон, из Иллинойса прибыл Эдлай Стивенсон. Для них высшим авторитетом был не только президент Рузвельт, но и люди вокруг него — Розенман, Тагвел, Икес, Джонсон, Берль и, возможно, самый яркий из плеяды — Рэй Моли. Лишь позднее стало известно, что «яркие звезды» сельхозминистерства — Хисс, Пресс-

Как пережить экономический кризис

ман, Витт и Вейль были членами коммунистической партии США и секретно встречались в музыкальной студии на Коннектикут-авеню. Они анализировали работу новой администрации и часто приходили в недоумение: министр сельского хозяйства Генри Уоллес, несмотря на свою либеральную репутацию, категорически выступал против дипломатического признания Советского Союза. Но самой большой загадкой выступал сам президент.

► Глава пятая

Разногласия

Но даже среди руководства «Нового курса» проявились разногласия. Гарри Гопкинс, все больше набиравший силу, сказал генералу Джонсону: «Хью, твои кодексы честной борьбы дурно пахнут». Часть окружения Рузвельта вовсе не хотела убивать экономическое соперничество — залог повышения качества и повышения производительности труда.

Экс-президент Гувер игнорировал NIRA — оно для него оказалось «слишком тоталитарным». Его друзья-бизнесмены, как уже указывалось, заговорили о «ползучем социализме», а профсоюзные лидеры о «фашизме». Газетный магнат Уильям Рэндолф Херст стал расшифровывать NIRA как «никакого выхода из кризиса». Журнал «Харперс мэгэзин» обследовал четыре штата и обнаружил, что фирмы с синим орлом постоянно нарушают декларированные ими же правила. Журналист Уолтер Липпман справедливо осуждал излишнюю централизацию NIRA, «диктаторский тон ее руководства, который вызывает противодействие бюрократическому контролю над экономической жизнью Америки».

Мы видим определенный поворот. Совсем недавно, несколько месяцев назад промышленники и журнали-

сты уговаривали Рузвельта взять в свои руки диктаторские полномочия. Различие заключалось в том, что Рузвельт буквально перевернул страну, и теперь наступило время расплачиваться за успех. На протяжении первых четырех месяцев Белый дом и Совет федерального резерва довольно резко воздействовали на экономическое развитие страны — индекс промышленного производства вырос с 59 пунктов до ста. Брокеры теперь говорили о «рынке Рузвельта». Промышленники, которые были слишком слабы, чтобы противостоять Джонсону в марте 1933 года, теперь приобрели новую силу. Журнал «Кольерс» сообщал: «У нас произошла своя революция, и она нам нравится».

Журнал «Литературное обозрение» заявил: «Все выше стоимость наших акций, добавляются миллионы к их стоимости. Поднимаются цены на пшеницу, кукурузу и другие продукты, что добавляет миллионы в карманы обиженных депрессией фермеров». «Обозрение» не упомянуло AAA, которое было непосредственно ответственно за рост фермерских цен, но газета «Нью-Йорк таймс» объявила, что Рузвельт превратил беспрецедентный кризис в личный триумф: «Это случилось потому, что американский народ увидел, как он оседдал нёвиданный штурм и направил природные струи в нужном направлении. Страна показала готовность признать лидерство Рузвельта. Президент выступил с рядом блестящих и смелых речей — миллионы его соотечественников признали Рузвельта «Богом посланным деятелем, спасшим свой народ». Рэй Моли уточнил: «И еще — Рузвельт спас капитализм».

Институт президентства был трансформирован. Когда президент Рузвельт ехал в Капитолий, публика по обеим сторонам Пенсильвания-авеню аплодировала. Впервые после 1929 года люди начали стоять планы на будущее.

Против регулирования фондовой биржи

На втором этапе «Нового курса», начавшемся в 1935 году, в рузвельтовском окружении усилилось влияние сторонников дефицитного финансирования, а расходы федерального правительства в 1935—1940 годах выросли более чем вдвое. Рузвельт, однако, все еще опасался несбалансированного бюджета и сократил расходы на 1937 год, когда казалось, что экономика набрала уже достаточные обороты.

Но предложение Рузвельта ввести государственное регулирование фондовой биржи вызвало ропот. Джордж Хэмфри, Сьюэл Эвери и Том Гирдлер возглавили борьбу с Комиссией по ценностям и обмену. Конгрессмены-республиканцы заявили, что происходит «всеобщая советизация». Президент биржи Ричард Уитни заявил, что его нью-йоркская фондовая биржа является «превосходным инструментом общества». Противники Рузвельта проиграли борьбу, когда Рузвельт назначил Джозефа Кеннеди (известного своими успешными спекуляциями) главой вышеуказанной комиссии. Рузвельт следовал совету Моли: Кеннеди как

Как пережить экономический кризис

профессионал знает все слабые места, и только знаток может быть эффективен в таком деликатном деле.

Немалое число вчерашних коллег Кеннеди назвали его «предателем своего класса». Появление его в зале биржи было возможно только тогда, когда Кеннеди окружили со всех сторон телохранители. Рузвельта еще не называли «предателем», но движение уже шло в эту сторону. Рузвельт действовал жестко: он уволил Дина Ачесона за отказ исполнить приказ о девальвации. Ачесон направился в «Лигу свободы».

Отступающий класс оспаривал более тысячи мероприятий «Нового курса». Только 28 процентов федеральных судей поддерживали «Новый курс» — об этом предупредил президента министр юстиции Хомер Каммингс. Средний возраст федеральных судей был равен 78 годам, и все они были известными консерваторами. Надвигалась жестокая битва, наиболее серьезная со времен президентаЛинкольна.

Под главенством Маккордака из Массачусетса в палате представителей был создан Комитет по расследованию антиамериканской деятельности, но тогда его больше интересовали американские правые. Соединенные Штаты дипломатически признали Советский Союз. В палате представителей конгрессмен Лендин из Миннесоты внес билль о правах безработных. В Висконсине была создана Прогрессивная партия. А в Калифорнии знаменитый писатель — «разгребатель грязи» Эптон Синклер победил на выборах. Синклер получил больше голосов, чем все его восемь соперников из демократической партии.

Реакция на отказ от золотого стандарта

Отход президента Рузвельта от золотого стандарта, осуществленный 19 апреля 1933 года, вызвал негативную реакцию всех правых сил. В течение нескольких столетий европейцы и американцы были привязаны к золоту, воспринимая это как пик западной культуры. Во время долгой викторианской эпохи золото идентифицировалось с рангом великой державы, а серебро со статусом второстепенной державы. Некоторые республиканцы называли девальвацию «программой резинового доллара». Противник Рузвельта среди демократов Альфред Смит сказал, что он «за золотой доллар против надувного доллара». Даже координатор бюджета самого Рузвельта посчитал, что программа исполнительной власти означает «конец западной цивилизации».

В 30-е годы произошла чрезвычайная концентрация президентской власти, резко расширился ее объем. Общенациональные программы «Нового курса» делали Белый дом центром принятия ощутимых повсюду мер, президент становился распорядителем многих судеб.

Журналистка из «Нью-Йорк таймс» сравнила Рузвельта с политическими лидерами Европы. Сравнение выглядело не в пользу европейцев. Тридцатые годы были временем бурь. «На лицах Муссолини, Гитлера, Стэнли Болдуина и даже сменяющих друг друга политиков Франции напряжение и беспокойство остались неистребимые черты. Будучи наедине с собой, не работая на публику, они выглядели усталыми и потрясенными людьми, заплатившими за власть тяжелую дань...

Как пережить экономический кризис

Ни на ком из предшественников по должности власть не оставила так мало следов, как на Рузвельте. Он стал немного грузнее, прибавилось седины; в остальном он выглядит тверже и лучше, чем в день инаугурации. У него такое загорелое лицо, что глаза кажутся светлее — холодно-синий цвет; после четырех изматывающих лет они смотрят так же проницательно, заинтересованно, дружественно и непроницаемо, как всегда».

Рузвельту явно нравилась его должность, и он не сгибался под грузом долгих часов, когда диктовал, размышлял, читал, беседовал, принимал решения. Ему доставляли очевидную радость купание в бассейне Белого дома, встречи с министрами и посетителями, нескончаемые обсуждения, бесконечное проставление своего автографа на несчитаном числе документов и, уж конечно, проникновенные беседы с посетителями, лидерами конгресса, иностранными гостями.

Большую часть дня Рузвельт проводил в своем Овальном кабинете. Именно сюда в час подавали ланч. Президент обычно приглашал лишь одного сотрапезника. Отчасти из опыта и наблюдений, отчасти инстинктивно, Рузвельт пользовался преимуществами своего поста. Честь обедать тет-а-тет с президентом «разоружала» приглашённого. В то же время машина слухов и сплетен работала безостановочно, и президент постоянно давал ей пищу. Франклин Рузвельт являлся прирождённым мастером производить впечатление, он никогда не был одинаков и прилагал усилия безотносительно к тому, находился ли рядом с ним посол крупной страны или почти случайный посетитель. Это

искусство всегда было его мощным оружием, и он довел его до возможного совершенства.

Некоторые советники Рузвельта отмечали в качестве главной слабости президента его неумение решительно и жестко поступать с подчиненными, увольнять несогласных с его линией немедленно и хладнокровно. Элеонора Рузвельт объясняет это «его большой симпатией к людям, пониманием их проблем, ему не хотелось выступать в неприятной жесткой роли по отношению к тем, кого он любил... Он попросту не мог заставить себя делать эти неприятные вещи до тех пор, пока им не овладевал гнев». Все это создавало разностилье, нередко порождало смятение, способствовало затемнению ясности (для подчиненных), какой линии следовать. Это ослабляло администрацию — говорили лучшие ее представители. Так, министр внутренних дел Гарольд Икес указывал на несовместимость позиции военного министра Вудринга с основной линией кабинета. «Если бы я был на вашем месте, я бы послал за Гарри Вудрингом и сказал ему: «Гарри, у тебя выбор, либо быть послом в Дублине, Ирландия, либо отправиться в город Топека, Канзас». Президент посмотрел на меня несколько смущенно. Читая его мысли, я спросил: «Вы не можете делать подобные вещи, мистер Президент?» — «Нет, Гарри, не могу», — последовал ответ.

Он был человеком со многими лицами. На долгих заседаниях, с суровым лицом, в качестве председателя показывал окружающим, как нужно быстро обсуждать дела. На яхте в час коктейля не было более ожив-

Как пережить экономический кризис

ленного лица. На партийных съездах его лицо выражало страсть, а позднее, обсуждая военные операции, каждый мог прочитать на его лице самоутверждение. Перед студентами на церемониях он был невыразимо торжественным. У себя в Гайд-Парке он был просто смешливым соседом. На пресс-конференциях его ум обгонял самых смекалистых журналистов, и лицо менялось в выражениях симпатии, решимости, игравости, желания нравиться, достоинства.

Одним из главных энтузиастов исправить «многоликость» президентского подхода выступил генерал Маршалл, с чьей точки зрения разделение власти, перекрещивающиеся функции создавали сумятицу в умах, порождали ненужную конкуренцию, создавали зыбкое чувство неясности у тех, кто решал грандиозные задачи. Здесь мы должны прямо сказать, что эти помощники *не понимали* Рузвельта. Франклин Рузвельт сознательно стремился к этому состоянию частичной неясности, переплетению функций и конкурентному внутреннему давлению. Во-первых, в этом случае он был уверен, что не произойдет сплочения его министров против него самого. Во-вторых (и это главное), в обстановке битвы нескольких концепций он получал бесценную свободу действия, мог выбирать, пробовать, менять курс. Это давало гибкость маневра, большее право на ошибку, дополнительные экспериментальные возможности — и, не следует забывать, всегда право последнего голоса.

Среди подчиненных наиболее важными для Рузвельта были те, которые были непосредственно подле

него — его «кухонный кабинет», а вовсе не полномочные министры. Ведь он решал самые разнообразные задачи — политические, партийные, предвыборные, социальные, пропагандистские, персональные. Как же мог он институционализировать свой «диван»? Рузвельт сознательно ускользал от такой менеджеристской жесткости. Это позволяло ему использовать специалиста в конкретный нужный момент, он гениально быстро очерчивал в своем сознании необходимую процедуру, он уже знал, кому следует позвонить, на чьи знания следует опереться, кому поручить наиболее важную задачу.

Это накладывало особый отпечаток на отношения с подчиненными. Он звал их по именам. Даже Уинстона Черчилля. Такая релаксация (также неодобряемая прямолинейными людьми вроде генерала Маршалла) позволяла смягчить жесткую оппозицию: за обеденным столом труднее было вставать в непримиримую позу. (Вот почему генерал Маршалл впервые посетил Гайд-Парк только на похоронах Рузвельта.) Но сам президент любил именно это совмещение личного и государственного. Оно его освобождало — этого-то и не понимали даже некоторые близкие помощники президента.

На кого же мог опереться Рузвельт в борьбе, с одной стороны, с непреклонными жрецами капитализма, а с другой стороны, с популярными демагогами? В крупнейшем профсоюзном объединении — Американской Федерации труда состояло менее шести процентов всей рабочей силы страны. Некогда могущественный

Объединенный профсоюз угольщиков сократил число своих членов до ста тысяч. Штрайкбрехерские организации, оплачиваемые крупными промышленниками, содержали целые армии хорошо оплачиваемых бойцов антипрофсоюзного движения. Историк Уильям Манчестер говорит о том, что «тысячи людей работали буквально под дулами винтовок». Питсбургская угольная компания, например, содержала пулеметные расчеты, направленные на работающих в шахтах; комитет конгресса спросил — зачем? Президент компании Ричард Меллон ответил: «Мы не можем без этого добывать уголь».

Столкновение с верхним классом

Процветание периода Кулиджа — Гувера плотно связало республиканскую партию с крупным капиталом. В «Новом курсе» этот капитал видел, как уже говорилось, «советизацию Америки». Когда ФДР выдвинул программу расширения системы прогрессивного налога и введение налога на наследство, медиамагнат Херст назвал эту программу «чистокровным коммунизмом», а Рузвельта стал называть Сталин Делано Рузвельт.

В эти «вторые сто дней» сторонники «Нового курса» добились немалых успехов. Они создали «Совет национальных ресурсов», провели закон о защите национальной почвы, Закон об электрификации сельскохозяйственных районов, приняли Закон Вагнера

Анатолий Уткин

(заменивший знаменитую статью 7(а) закона о трудовых отношениях, создавший Национальный совет по рабочим отношениям). Приметным было создание Национальной администрации молодежи, которая отвечала за обеспечение работой молодежи из отдаленных районов, полставочной работой студентов. «Ребята, это наш час, — сказал с улыбкой Гарри Гопкинс: — Мы добились почти всего, чего хотели, — программы общественных работ, законодательство по социальным гарантиям, почасовая оплата»¹. Линдон Джонсон руководил этой программой в штате Техас, а Ричард Никсон получал за полевую работу 35 центов в час.

Противники приписывали Гопкинсу слова: «Мы будем все больше облагать налогами, все больше расходовать деньги и все больше избирать наших людей». Но те, кто был спасен от нищеты, вряд ли думали в таком ракурсе. Хотя их естественную благодарность тоже нельзя отрицать.

Рузвельт все яснее видел в большом бизнесе эгоистический остров благополучия, равнодушный к бедам общества, к его величайшему кризису. Как пишет У. Манчестер, «президент хотел помочь угнетенным. С точки зрения же бизнесменов, постоянное обращение к «забытому простому человеку» лишь стимулировало общественные потрясения». Так закрепилось противостояние. И благополучные неизменно видели в Рузвельте сокрушителя основ. В процветающей части

¹ Burns J. The Soldier of Freedom. N.Y.: Harcourt Brace Iovanovich, 1970. P. 362.

Америки возник целый фольклорный пласт о правящем президенте. «Психиатр, отправившийся на небеса, немедленно следует к Богу, потому что у того мания величия. Он думает, что он — ФДР». Рузвельт отнюдь не радовался такому остроумию.

Именно в конце «вторых ста дней» была сформирована жесткая антирузвельтовская коалиция. Точка невозврата в отношениях с Уолл-стритом была пройдена Рузвельтом в октябре 1934 года, когда четыре тысячи членов Американской ассоциации банкиров заполнили большой зал Конститьюшн-холла, чтобы выслушать президента. Президент Первого национального банка Нью-Йорка Джексон Рейнольдс произнес вступительную речь, которую можно назвать только раболепной. Он сказал, что банковское сообщество «понимает президента» и выражает благодарность за все, что «Новый курс» сделал для американских банков — спас уже разбившуюся банковскую систему. В ответ Рузвельт призвал к союзу всех экономических сил нации, включая сюда бизнес, банковскую систему, рабочий класс, капитал и правительство. «Сколь превосходной будет тогда американская команда!»

Бизнесмены вежливо поаплодировали, хотя банковские тузы были явственно недовольны вступительной речью Рейнольдса. Рузвельт же хотел изъять из речи Рейнольдса то место, где тот вспоминал своего студента в Колумбийском университете Франклина Рузвельта. С этого времени удары противостоящего ультракапиталистического блока стали для администрации, борющейся с кризисом, все болезненнее. Именно в это

время президент Рузвельт мастерски выступил по радио с «беседой у камина»: «Я не выступаю за возрождение того определения свободы, которое не мешало незначительному меньшинству содержать под своей пятой огромное большинство свободных людей». В то же время Рузвельт восславил «движущую силу индивидуальной инициативы и стимулов честного личного дохода»¹.

Возникает союз между «Лигой свободы», «серебряными рубашками», прессой Херста, сторонниками Хью Лонга, преподобным Джеральдом Смитом, отцом Кофлином. Деньги шли в основном от «Лиги свободы». Их победой был Акт о нейтралитете 1935 года. Пожалуй, впервые республиканцы начали открыто издеваться над политиком, который без костылей не может стоять на земле. Чтобы не быть загнанным в тупик, Рузвельт сам начал критику NIRA. Генерал Джонсон вынужден был подать в отставку. Синий орел поник. На место Джонсона был назначен Аверелл Гарриман.

Теперь, борясь с кризисом, президент Рузвельт был вынужден делать ударение на более эффективном использовании национальных ресурсов, на расчистке трущоб и на строительстве домов для бедных. Главными получателями государственной помощи становились рабочие и мелкие фермеры.

В критический период конца марта — начала апреля Рузвельт стал осознавать, что его революционные предложения пали на неподготовленную почву. Фер-

¹ New York Times. 1934, October 25.

Как пережить экономический кризис

меры никак не были связаны с городскими рабочими, профсоюзы с трудом нащупывали своих союзников в обществе. Американская федерация труда отчаянно сражалась с Конгрессом производственных профсоюзов, разделяя трудящихся надвое. Фермерские организации с трудом воспринимали значимость объявления неконституционными таких рузельтовских «детищ», как AAA. Главное: Америка среднего класса устрашилась мер, способных столь резко пошатнуть статус-кво. Это и привело Рузельта, действовавшего с позиций фантастической электоральной победы, к весьма прискорбному для себя результату, когда страна фактически отказалась ему в поддержке при проведении радикального социального законодательства.

Лидером консервативных сил в борьбе за свой вариант выхода из кризиса стал «Американский легион». Обсуждение Акта о холдинговой компании демонстрирует, как далеко были готовы идти воротилы бизнеса в борьбе с президентом. Последний настаивал на пятилетнем испытательном сроке: если на протяжении пяти лет холдинговая компания не доказывает свою полезность обществу, то она распускается. Оппозиция смотрела на дело иначе. Уэнделл Уилки выступил с планом отказа от государственного вмешательства. Противники Рузельта организовали отправку в Белый дом миллионов телеграмм, требующих отмены «смертельного приговора» холдингам. Палата представителей отвергла этот билль и отменила свое решение только после того, как было доказано жульничество отправителей массового потока писем.

Самым острым вопросом борьбы с кризисом в 1935 году стал вопрос о социальных гарантиях трудящимся — эту битву сторонники «Нового курса» выиграли с великим трудом. Республиканцы утверждали, что с прохождением инициированного правительством билля (согласно которому запрещался детский труд) «дети перестанут помогать своим родителям». Рузвельт всю свою жизнь чрезвычайно гордился этим своим законом.

Ярость богатой Америки

Дефицит федерального бюджета достиг семи миллиардов долларов в год. Главное: семь миллионов американцев все еще не могли найти работу. Верховный суд США квалифицировал несколько ключевых программ как неконституционных. Противники ощутили силу Рузвельта и начали заранее группироваться для решительного политического боя.

Ярость богатой Америки была очевидна. Напомним, что республиканцы правили на протяжении большей части предшествующих восьмидесяти лет и приход Рузвельта в Белый дом был для них во многом aberrацией. Растущая уверенность республиканцев быстро перешла в самоуверенность. И здесь богатые, хорошо образованные, солидарные и уверенные в себе республиканцы допустили несколько существенных ошибок.

Президента ненавидели сильнее, чем кого-либо из «защитников униженных и угнетенных» со времен

Как пережить экономический кризис

Уильяма Дженнингса Брайана. На Уолл-Стрит начинали собирать специальный фонд, который хотели предложить Рузвельту, если он откажется от должности президента. Здесь внимательно смотрели за родственниками Рузвельта, за его привычками и, конечно же, в первую очередь за его ошибками. Не счесть анекдотов или просто грязных историй о филателист-инвалиде, крадущем марки, и т. п.

Альфред Смит — постоянный конкурент Рузвельта в демократической партии, занятый в данный момент борьбой против рузвельтовского закона о запрете детского труда, прибыл в Вашингтон в безупречной шелковой шляпе и произнес истерическую речь о том, что «Новый курс пахнет коммунистической Россией». Ветеран американской политической сцены Альф Смит объяснил сидящим перед ним владельцам Америки, что Рузвельт и его «мозговой трест» застали социалистов купающимиися в пруду и похитили их одежды. «Новый курс» рвется к классовой борьбе, он включает в свою программу все новые и новые идеи социалистов. Седовласый, по-новому импозантный Смит завершил свою диатрибу словами: «Следует сделать выбор. Может существовать лишь одна столица, Вашингтон или Москва». Речь была признана фантастически успешной (она таковой и была: трудовая Америка увидела своих противников воочию). Богачи, такие, как Пьер Дюпон, назвали эту речь «превосходной». Но, как оказалось, эта речь была превосходна, прежде всего, для президента Рузвельта. Не затратив ни цента, он без малей-

ших усилий указал американскому народу, кто его главный противник.

Богатая Америка легко нашла и более проницательные и умудренные таланты. В главных нью-йоркских изданиях негативную в отношении «Нового курса» позицию занимали Уолтер Липпман, Дороти Томпсон; Марк Салливэн. Активен был крупный историк Чарльз Бирд, утверждавший, что «обаяние рузвельтовского руководства определенно погасло».

Многие советники подталкивали Рузвельта вступить в борьбу, которую он так любил, но неимитируемое «чувство времени» говорило ему, что главные эмоции следует приберечь до осени. Страна не может жить почти год в обстановке словесной гражданской войны. ФДР лишь попросил сенатора Робинсона (коллегу Смита по выборам 1928 года) отреагировать на смену Альфом Смитом «коричневой мягкой шляпы на жесткий, обтянутый шелком котелок». А Икес не удержался и процитировал собственный ответ Смита на обвинения в социалистических пристрастиях в кампании 1928 года.

Лучше других защищал Рузвельта от обвинений в социалистических пристрастиях лидер американских социалистов Норман Дэвис, человек с патрицианской внешностью и характерным выбирирующим голосом. Вместо лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Рузвельт придерживается своего боевого клича: «Рабочие и мелкие держатели акций, очистите Уолл-стрит». А этому лозунгу в Америке уже более сотни лет, его провозглашал еще президент Эндрю Джексон. Сам Рузвельт считал обвинения в «левом уклоне»

Как пережить экономический кризис

смехотворными. Он в принципе не выносил доктрины. Он верил в здравый смысл и ненавидел догмы. Он был «практичным» человеком.

Обращение консерваторов к Верховному суду

Хотя, как мы отметили выше, еще семь миллионов американцев не могли найти работы, Верховный суд уже начал бороться с рузвельтовским законодательством. Постепенно Верховный суд становился главным оплотом и сборным пунктом антирузвельтовской оппозиции. Противники Рузвельта утверждали, что его главное достижение — социальное страхование — представляет собой грабеж американских рабочих, содержащих бездельников. «Если вы хотите получить свои деньги назад, голосуйте третьего ноября правильно». Большая пресса традиционно принадлежала богатым республиканцам. «Чикаго Трибьюн», скажем, ежедневно на лицевой полосе обозначала число дней, оставшихся до выборов — освобождения страны от ига Рузвельта.

Мэр Нью-Йорка Фиорелло Лагардия сказал: «Я могу сходить на рынок и купить попугая за два доллара, и через некоторое время я смогу научить его говорить «Пособие по бедности, пособие по бедности, пособие по бедности». Но это не означает, что попугай поймет суть экономических проблем». Оппоненты государственной помощи бедным и пострадавшим от кризиса вели борьбу с Рузвельтом и его курсом с жестокой решимостью. Владельцы потогонных фабрик Севера

и южные плантаторы пришли в ярость, потому что Рузвельт лишил их самой дешевой рабочей силы. Получателя государственной помощи они изображали в виде землекопа.

Консервативный истеблишмент начал борьбу с президентом при помощи Верховного суда страны, чьи девять судей были неснимаемы, пожизненно избранными по Конституции США, и потому независимы от исполнительной власти. Конфликт назревал постепенно. За сто сорок лет своей истории Верховный суд Соединенных Штатов признал неконституционными лишь шестьдесят законов, но за один год правления Рузвельта он признал несоответствующими Конституции одиннадцать его законодательных инициатив. Четверо из судей были большими сторонниками *laissez faire*, чем, возможно, сам Адам Смит, и все распоряжения Рузвельта, означавшие вмешательство государства в экономическую жизнь страны, рассматривались ими как грубейшее нарушение конституции. Остальные судьи периодически меняли свою позицию.

Верховный суд при этом обнаружил спасительную для себя гибкость. В разгар битвы против расширения своего состава он признал конституционным Закон Вагнера — сердцевину рабочего законодательства Рузвельта. Наиболее одиозный обскурант из Верховного суда вышел в отставку. В конечном счете Рузвельт отступил в ожидании лучших времен, а защитники социальных привилегий сделали важные шаги навстречу, чтобы не доводить пар в социальном кotle до критической отметки.

Как пережить экономический кризис

В черный для ФДР понедельник Верховный суд признал неконституционной Администрацию национального возрождения (NRA — National Recovery Administration). Черным этот понедельник сделало не запрещение NRA, а исключительная агрессивность принятого решения. Президент практически именовался нарушителем законов. Суд беспрецедентно предупредил законодательную и исполнительную власть не пытаться обуславливать свои распоряжения ссылками на конституционное право.

Рузвельт посчитал, что покорное смирение в данном случае будет равнозначно полной сдаче позиций. Через день он созвал пресс-конференцию, на которой назвал решение Верховного суда «самым важным судебским решением со времен дела Дреда Скотта». Рузвельт дал свое трактование судебной системы страны. Сорок восемь штатов вовсе не были неким слабо связанным между собой сообществом. Верховный судья не осознает масштаба кризиса, охватившего всю страну. Министр юстиции, настроенный пессимистически, предупреждал президента: «Они собираются уничтожить нас». Верховный суд признал неконституционной деятельность AAA как неконтролируемое вмешательство федерального правительства в дела штатов. В Айове фермеры той же ночью сожгли чучела членов Верховного суда. Все законодательство «Нового курса» было под угрозой отмены. В этой ситуации Рузвельт посчитал необходимым дождаться результатов национальных президентских выборов, чтобы заручиться массовой поддержкой.

Оппозиция слева

Вторая волна старалась сокрушить политическую силу Рузельта *слева*. Столпами этого движения были радиопроповедник преподобный отец Чарльз Кофлин и сенатор от Луизианы Хью Лонг.

«Театр одного актера» — святой отец Кофлин впервые увидел микрофон после того, как была сожжена его церковь в пригороде Чикаго. Детройт впервые услышал его, канадского гражданина, в 1926 году, когда Ку-клукс-клан сжег его церковь в Ройял-Оаке (штат Мичиган). Шокированный этим происшествием директор местной студии WJR предоставил ему микрофон своей радиостанции, чтобы по радио собрать пожертвования на новую церковь, радетели предоставили ему время на местной радиостанции.

Он оказался гениальным радиопроповедником, и к середине 30-х годов его грандиозная империя, его радиоаудитория составила 45 миллионов слушателей. Ему тогда было сорок пять лет, это был высокий, крупный человек с голосом, который сравнить можно было только с органом. К концу 1930 года отец Кофлин организовал «Золотой час Маленького Цветка» — передачи по семнадцати станциям CBS плюс местные небольшие станции с 6 до 7 часов вечера ежедневно. Миллионы слушавших своего пастора прихожан могли послать денежную помощь радиостанции и в ответ получить маленький хромированный крест вместе с запиской: «Мой дорогой друг! С этим письмом ты по-

лучаешь сувенир, который коснулся подлинного распятия. Преданно Ваш во Христе Чарльз Кофлин».

Через три месяца после присоединения к сети CBS Кофлин стал получать в среднем 80 000 писем в неделю с 20 тысячами долларов. Число писем после особенно удачных передач доходило до миллиона, и отвечали прихожанам 150 клерков. В 1934 году его почта пре-восходила почту президента США. Семиэтажная, восстановленная в граните и мраморе церковь (которую противники называли «Силосной башней») царила над всей округой. Ночью огромные прожекторы освещали церковь. Кофлин издавал журнал «Социальная справедливость», который продавали в двух тысячах американских церквей. На семиэтажном храме в Роял-Оуксе под барельефом Христа было написано лишь одно слово: «Сострадание». По Соединенным Штатам были разбросаны шестьдесят его радиостанций. Возможно, во всей истории христианства не существовало столь организованного, богатого и влиятельного движения. Как и папа римский, он устраивал аудиенции.

Первоначально Кофлин поддерживал Рузвельта — он заявил на огромном нью-йоркском ипподроме, что «“Новый курс” — это курс Иисуса Христа». Но постепенно главная ударная организация Кофлина — Национальный совет за социальную справедливость, численностью в 7,5 млн членов, стал поворачиваться к Рузвельту спиной. Журнал Кофлина «Социальная справедливость» стал убеждать исполнительную власть последовать примеру Италии и Германии в движении к корпоративному государству, в разрешении социаль-

Анатолий Уткин

ных проблем путем государственного вмешательства — «для реализации фашистского решения проблем рабочих». Кофлин, поддержаный епископом Детройта, убеждал паству, что пользуется также поддержкой папы римского Пия XI. Самостоятельное организованное рабочее движение отец Кофлин называл коммунистическим.

В конечном счете, он столкнулся с государственной администрацией и назвал «Новый курс» «еврейским курсом». Президент Рузвельт отныне в проповедях Кофлина именовался не иначе как лжецом, а выступая в Цинциннати, Кофлин призвал уничтожить Рузвельта «при помощи пуль». Колонны Кофлина вышагивали (по 25 человек в ширину колонны) по американским городам и «высматривали евреев». Кофлин стремился разрушить все связи Рузвельта с организованным рабочим движением. Он рьяно обличал Американскую конфедерацию труда (АФТ—КПП).

Хью Лонг

Но еще более грозная фигура поднималась в этом сне разума на американском Юге, где подлинно общенациональным лидером социального экстремизма становится хозяин Луизианы Хью Лонг, единственный американский политик, которого, видимо, все же боялся Франклин Рузвельт (есть мнения, что вторым американцем, которого так или иначе опасался Рузвельт, был генерал Макартур).

Родившийся в жалкой хижине, Лонг с ранних лет отличался умом. Он за восемь месяцев закончил Тюленский университет и в возрасте двадцати одного года стал адвокатом. Своим талантом он вызвал восхищение Председателя Верховного суда США Тафта. В тридцатипятилетнем возрасте Хью Лонг выдвинул свою кандидатуру на пост губернатора штата. Толпы слушали его в немом благоговении: «Где школы для ваших детей, на которые вы рассчитывали? Где дороги, на строительство которых у вас забирали в виде налогов деньги? Где больницы для больных и немощных? В течение нескольких десятилетий вы ждете всего этого. Дайте мне шанс утереть ваши слезы». Его избрали под лозунгом: «Каждый человек — король, но пусть ни у кого не будет короны», и он завладел Луизианой — судами, полицией, системой управления. В конечном счете сенатор от Луизианы Хью Лонг стал по значимости, известности и влиянию вторым после Рузельта человеком в США.

Рузельт вовсе не шутил, когда писал своему послу в Италии, что «американцы больны гриппом под названием Хью Лонг и отец Кофлин». Лонг, как и Кофлин, поддерживал Рузельта на пути того в Белый дом, но затем разочаровался в «Новом курсе». Теперь он называл Рузельта лжецом и «создателем фальшивых ценностей».

Хью Лонг так обрисовал свое видение будущего Америки («Поделим наше богатство»): личные состояния будут ограничены пятью миллионами долларов; ежегодный доход не может быть выше 1,8 млн долла-

Анатолий Уткин

ров и ниже двух тысяч; специальные законы защитят пожилых пенсионеров; государство накормит голодных. Обучение будет бесплатным от детского сада до колледжа. Каждая семья получит пособие в шесть тысяч долларов, получит радио, автомобиль и стиральную машину. Лонг скромно признал, что для реализации этой программы ему понадобятся четыре срока «в качестве диктатора страны». Популярность Хью Лонга выросла до немыслимых размеров. Он еще не бросил вызов, но уже утверждал, что Рузвельт — заложник богачей. «Он копирует мои речи о разделе богатства, которые я писал в четырнадцать лет». Все закончилось неожиданно. 8 сентября 1935 года Лонг был смертельно ранен сыном судьи в Луизиане, которого он лишил должности.

Рузвельт завтракал с отцом Кофлином и Джозефом Кеннеди, когда пришла весть о кончине Хью Лонга. Рузвельт выразил соболезнования, но в глубине души он знал, что Лонг мог использовать массовое недовольство и, возможно, намеревался сокрушить систему. Опасения были обоснованными, ибо и без Лонга экстремисты смогли создать Союзную партию, требовавшую радикальных перемен. На съезде в Кливленде Кофлин посвятил заглавную речь исключительно критике Рузвельта. И волны одобрения шли по всей Америке. Это было тяжелое время для Рузвельта. Наблюдая за колебаниями своего престижа, он невесело размышлял: «Людям надоело видеть одну и ту же фамилию день за днем во всех газетных заголовках, тот же голос по радио... Индивидуальная психология не может,

Как пережить экономический кризис

вследствие человеческой слабости, долго быть настроенной на постоянное повторение самой высокой ноты».

А на экстремистском фронте отец Кофлин избрал в качестве претендента от Союзной партии конгрессмена Уильяма Лемке из Северной Дакоты — довольно странную личность с отмеченным оспой лицом, стеклянным глазом и очень особенным голосом. Отец Кофлин постоянно называл Лемке «Колоколом свободы», пока кто-то не объяснил ему, что филадельфийский «Колокол свободы» непригоден для набата, потому что треснул.

Мнение Рузельта о человеческой психике относилось и к экзальтации Кофлина. Он, по мнению президента, прошел пик своего влияния. Главное, жизнь постепенно налаживалась, а технология подошла к рубikonу важнейших открытий.

Наступательная тактика Рузельта вызвала пароксизм ненависти у его противников. Отец Кофлин провозгласил, что выбирает фашизм. Джеральд Смит и прочие говорили, что нужно научить американский народ ненавидеть: «Кровавая память об убитом Хью Лонге еще жжет мне глаза». Рузельт же запретил любые личные словесные нападки, и когда Фэрли, на секунду забывшись, назвал кандидата республиканцев Лэндона губернатором «типичного штата прерий», Рузельт немедленно поправил его: «Губернатор одного из штатов прекрасных прерий».

В этот, возможно, решающий момент Альфред Лэндон не показал бойцовских качеств. Его невыразитель-

ный голос произносил удивительные тривиальности. Некоторые его перлы вызывали всеобщие улыбки: «Куда бы я ни поехал в нашей стране, я всюду встречаю американцев». Но, может быть, более всего ему мешала неуязвимость Рузвельта как оппонента, его умение выскользнуть из-под прямого удара. Это выводило Лэндона из себя (не первый среди противников Рузвельта, жалующийся именно на это) и заставляло делать грубые ошибки. Чувствуя ускользающую судьбу, он решил брать все более круто: если Рузвельт останется на второй срок, он начнет террор против своих противников. Мол, когда Рузвельт будет переизбран, он поставит в Вашингтоне гильотину. Что он кандидат евреев. Что в душе он коммунист.

Республиканская партия постаралась использовать недавнее изобретение — израсходовала более миллиона долларов на радио. Нанятые республиканцами актеры страшили радиопублику тем, что Рузвельт в продолжение своей социальной политики присвоит каждому работающему отдельный номер, а затем и заставит всех зафиксировать для государства свои отпечатки пальцев. (Строго говоря, так и случилось. А как иначе выплачивать пособия?) Америка станет большой тюрьмой. У людей будут ошейники с номерами. Избежать этой тюрьмы можно будет, лишь правильно проголосовав 3 ноября.

Рузвельт полагал, что ему не следует активно ввязываться в борьбу до того момента, когда до выборов останется пять недель. Пусть противники атакуют его

и делают неизбежные ошибки. И был прав. Союзная партия раскололась в начале осени.

Что существенно, Рузвельт запретил своим соратникам критиковать республиканцев как таковых. «Существуют тысячи людей, — говорил Рузвельт Розенману, — которые думают, как вы и я, о правительстве. Они считают себя принадлежащими к республиканской партии по единственной причине — потому, что их семьи голосовали за республиканцев в течение десятилетий; некоторые из них предпочли бы быть демократами, но в их поселке демократы не являются социально привлекательными людьми. Поэтому не следует обвинять республиканцев или республиканскую партию — только республиканских лидеров. Тогда каждый голосовавший прежде за республиканцев избиратель не примет нашу критику на свой счет, он скажет себе: «Ну, это не обо мне».

Выборы 1936 года

Выборы 1936 года были по-своему очень просты. Америка богачей, владеющая страной и прессой, вздыбилась против социального экспериментатора. Ярость богатой Америки была очевидна. Напомним, что республиканцы правили на протяжении большей части предшествующих восьмидесяти лет, и приход Рузвельта в Белый дом был для них во многом искажением привычной им реальности. Растущая уверенность республиканцев быстро перешла в самоуверенность,

Анатолий Уткин

в озлобление, в ожесточение социальной и политической борьбы.

На что рассчитывал ФДР? На позитивные изменения психологической атмосферы в стране, на факты улучшения экономики и социальной жизни.

31 октября 1936 года Франклин Рузвельт выступил перед переполненным Медисон-Сквер-гарденом с одной из самых замечательных своих энергичных речей. Он сразу же определил своих противников: «Бизнес и финансовые монополии, спекулятивный капитал, безудержные банковские дельцы... организованный отряд капитала». Ситуация была оценена Рузвельтом так: «В течение двенадцати лет наша нация управлялась ничего не видящим, ничего не слышащим, ничего не делающим правительством. Нация смотрела на это правительство, а это правительство смотрело в сторону. Девять возмутительных лет с золотым тельцом, и три долгих года высокомерного безделья. Девять сумасшедших лет в раже, и три долгих года в очередях за хлебом! Девять безумных лет миража, и три долгих года отчаяния! И, мои друзья, могущественные силы пытаются сегодня вернуть к власти то правительство, которое считает, что наилучшее правительство — это то, которое наиболее индифферентно к заботам человечества».

На грани срыва голоса он сказал залу: «Никогда прежде в нашей истории эти силы не были так объединены против одного кандидата, который в данном случае стоит перед вами. Они единодушны в своей ненависти ко мне — и я приветствую их ненависть». Согласно га-

Как пережить экономический кризис

зетным отчетам, рев толпы проходил по залу волнами. «В ходе моей первой администрации эти корыстные и тянувшиеся к власти силы встретили равный по мощи барьер. Во время моей второй администрации эти силы будут подчинены». Рузвельт пообещал огромной аудитории: «Мы будем улучшать условия труда рабочих Америки. Мы будем снабжать дешевым электричеством дома и фермы Америки, мы будем работать ради молодых людей и женщин, ради калек, слепых, матерей, мы дадим гарантии безработным и обеспечим старость пожилым... Мы только начинаем борьбу».

3 ноября Рузвельт одержал самую убедительную победу в истории американской электоральной системы, величайшую победу в американской политической практике. За него проголосовали сорок шесть штатов из сорока восьми, против голосовали лишь крошечные Мэн и Нью-Хэмпшир. За Рузвельта проголосовали 27 452 309 человек, за Лэндона — 16 682 524 избирателя. Рузвельт заручился голосами 523 выборщиков против восьми — огромный перевес одной партии над другой с 1820 года. Более пяти миллионов республиканцев проголосовали за него. Отец Кофлин заявил, что бросает радио. Отец Хью Лонга проголосовал за Рузвельта. Обе палаты пошли за демократами. Республиканцев в палате представителей осталось всего 103, а сенаторов — 17. Встал вопрос, переживет ли республиканская партия такое поражение. Из Чартвела Уинстон Черчилль, не зная еще, как много им предстоит перенести вместе, поздравил своего единственного достойного партнера по политическому искусству и красноречию.

Вторая инаугурационная речь

Многим казалось, что знаменитое рузвельтовское везение изменило ему, когда ненастным январским днем (президентский срок впервые стал заканчиваться не в марте, а в январе) он вышел на площадку перед Капитолием, чтобы произнести вторую президентскую присягу. Холодный дождь вымочил всех, а старинная голландская Библия была завернута в целлофан. Президент с трудом переворачивал сморщеные дождем страницы своей второй инаугурационной речи. Четыре года назад новое правительство предприняло пожарные меры по спасению страны. «Инстинктивно мы поняли, что существует более глубокая необходимость — необходимость найти посредством правительства инструмент решения постоянно возникающих проблем нашей сложной цивилизации. Постоянные попытки найти решение без помощи правительства привели лишь к замешательству. Ибо без этой помощи мы не способны осуществить моральный контроль над наукой, не сможем сделать из науки полезного помощника, а не безжалостного хозяина человечества. И мы должны найти практический контроль над слепыми экономическими силами и слепо эгоистичными людьми». Далее президент перешел к словам, главные из которых можно прочесть на стенах его мемориала, открытого в Вашингтоне совсем недавно: «В нашей стране я вижу десятки миллионов граждан — значительную часть общего населения, — которые в данный момент

Как пережить экономический кризис

лишены большей части того, что мы считаем абсолютно необходимым для жизни.

Я вижу миллионы семей, пытающихся жить на доходы столь жалкие, что призрак семейной беды стоит перед ними ежедневно.

Я вижу миллионы тех, чья ежедневная жизнь в городе или на ферме протекает в условиях, недостойных просвещенного общества еще полстолетия тому назад.

Я вижу миллионы людей, лишенных возможностей получить образование, лишенных возможностей отдохнуть и шанса на лучшую долю их детей.

Я вижу миллионы людей, лишенных возможности купить продукты ферм и заводов, лишенных плодов производительной эффективности других миллионов людей.

Я вижу, что одна треть нации имеет плохое жилье, плохо одета и голодна.

Только осознавая это, мы можем исправить данное зло».

Оплотом той Америки, которую устраивала нарисованная картина, по-прежнему оставался Верховный суд страны — одна из трех ветвей государственной системы власти. 4 февраля 1937 года Рузвельт созвал чрезвычайное заседание кабинета министров, на котором в мертвящей тишине зачитал выдержки из своего плана, как противостоять несменяемому составу суда. Этот план он собирается представить конгрессу через час: наряду с каждым судьей Верховного суда, достигшим семидесятилетнего возраста, президент имеет право назначить нового судью, увеличивая, таким об-

Анатолий Уткин

разом, состав Верховного суда на шесть членов в дополнение к прежним девяти. Так Рузвельт хотел обойти с фланга главную опору экономической олигархии. Министр внутренних дел Икес был рад, что президент наконец решился. Вице-президент Гарнер молчал. Главное — молчали приглашенные избранные члены конгресса.

Не требуя ни от кого скороспелого решения. Рузвельт подкатился на своей коляске к представителям прессы. Здесь, как обычно, слышался хохот. Президент, характерно отбросив голову назад, смеялся громче всех. Он попросил придержать новость. Но она уже зачитывалась конгрессменам и была послана в Верховный суд. Читавшему на следующий день газеты Рузвельту было ясно, что страна раскололась надвое.

Стремясь капитализировать грандиозную ноябрьскую победу и расчистить дорогу для социальных реформ, президент пошел на очень рискованный шаг, нарушая соотношение конституционных ветвей власти. При этом он выдвинул свою инициативу как ход исполнительной власти, то есть принял огонь на себя. 4 марта 1937 года он собрал противников Верховного суда, блокирующего «Новый курс», в отеле «Мэйфлаэр». Президент шутил, но близко знавшим его было ощутимо напряжение в его голосе. Он самым серьезным образом предупредил свою партию, что победы будут возможны в будущем лишь при одном условии — действовать в интересах большинства народа. Близится новый кризис, очень отличный от того, который сковал страну четыре года назад. Социальное на-

пряжение усиливается, и отступать защитникам народных интересов некуда. Зал молчал, когда Рузвельт дошел до кульминации: «Необходимо мужество, чтобы служить интересам нации. Для нашей партии совет, который дает мужество, — это совет мудрости. Если мы не поведем за собой американский народ, это сделают за нас. Ненакормленная, плохо одетая и живущая в непотребных жилищах третья нации нуждается в помощи СЕЙЧАС. Нужно помочь фермерам, не знающим, какая конъюнктура их ждет на рынке в будущем году, СЕЙЧАС. Тысячам мужчин и женщин, работающих за недостаточную зарплату, нужно помочь СЕЙЧАС. Детям, которым следует сидеть в школах и которые работают на шахтах, нужно помочь СЕЙЧАС... Если мы желаем сохранить доверие тех, кто голосовал за нас, чтобы демократия восторжествовала, мы должны действовать СЕЙЧАС».

Президент выступил и с «беседой у камина» по радио. Он изложил аргументы, говорящие о его приверженности демократическим институтам. И повторил аргументацию в пользу решительного преодоления обструкции Верховного суда, лишившего конституционной силы главные мероприятия «Нового курса». Президент размышлял о причинах бед страны, и размышлял вслух. В апрельской «беседе у камина» он снова обвинил большой бизнес, который «контролирует деньги других людей, контролирует рабочую силу, жизни других людей». Разумеется, верхнему классу это не нравилось. Дж. М. Кейнс пытался из Манчестера ослабить эту атаку, подать ее более мягко. Он писал президенту Рузвельту, что

Анатолий Уткин

«лидеры большого бизнеса — это не ухмыляющиеся своей жертве звери». С ними нужно обращаться «как с домашними животными, даже если они плохо воспитаны и не натренированы так, как вам бы хотелось».

Стремясь увеличить расходы на внутренние программы, Рузвельт вынужден был еще более уменьшить военный бюджет и перенаправить деньги в экономику. На этом пути он столкнулся с начальником штаба армии генералом Макартуром. Это был трудный оппонент. В Белом доме Макартур без обиняков сказал: «Когда мы потерпим поражение в следующей войне и американский парень будет лежать в грязи с вражеским штыком в животе и вражеским сапогом на горле, я хочу, чтобы в своем проклятии он назвал имя не Макартура, а Рузвельта». Президент побледнел. «Вы не должны так разговаривать с президентом!» Макартур был вынужден извиниться и предложить свою отставку. Рузвельт быстро пришел в себя. «Не валяйте дурака, Дуглас».

В целом Рузвельт уже отбросил примирительный тон. Опасность для «Нового курса» обозначилась справа, где ожесточившиеся капиталисты стали организовываться. Во время «ста дней» большинство из них поддержало призыв Джозефа Медилла Паттерсона на критику «Нового курса» администрации. В «Нью-Йорк Дейли Ньюс» Паттерсон писал: «Что бы сделал или не сделал президент Рузвельт, мы собираемся стоять на его стороне. Мы намерены воздержаться от суровой критики, по меньшей мере, на один год». Но не прошло и года, как противники Рузвельта обрушились на него за слова, навеянные Евангелием от Матфея: «Менялы покинули свои

Как пережить экономический кризис

высокие места в храме нашей цивилизации». Первым, кто выступил, был Альф Смит: «Почему мы не выступаем против программы общественных работ (CWA). Ответ прост. Не следует убивать Санта Клауса во время такого тяжелого Рождества»¹. После этого Рузвельт написал одному из своих послов: «Неизбежная атака уже началась, ведомая группой Меллона и Миллса, в банковском деле и в контролируемых ими отраслях промышленности». Президенту пришлось отложить мероприятия в сфере социальной безопасности и изменения в налоговом кодексе.

¹ Allen F. The Big Change: America Transforms Itself 1900—1950. N. Y.: Harper and Row, 1952. P. 251.

■ Глава шестая

Ослабление кризиса

На этом этапе с политической сцены уходят старые бойцы «Нового курса» — Моли, Тагвел, Ачесон, Ричберг, Берль, Дуглас, Джонсон. Восходит новая плеяда — Феликс Франкфуртер, Джеймс Лэндис, Маринер Экклз, Том Коркоран, Бен Коэн.

Характерен в конечном итоге принятый Акт о холдинговой компании: если в течение пяти лет она не докажет свою общественную полезность, то закон такую компанию закрывает.

Медленные изменения

Так или иначе, но страна постепенно оправлялась от кризиса. Журнал «Тайм» писал именно в это время: «Депрессия уходит в глубины памяти, а признаки бума множатся по стране». Министр финансов Моргентау докладывал о растущих накоплениях министерства финансов. Но путь не был прямым, и собственно все тридцатые годы являются собой хотя и устремившуюся вверх, но синусоиду со взлетами и падениями. Один из спадов пришелся на весну 1938 года, когда пять мил-

Как пережить экономический кризис

лионов человек заново потеряли работу. Четырнадцать процентов населения выживали за счет государственной и общественной помощи.

Классическая экономическая теория требовала, чтобы в трудные времена правительство поддерживало низкие цены, низкую зарплату и строго сбалансированный бюджет. «Очищенная» от этого сурового обращения, экономика должна была выйти на путь роста к пику промышленного цикла. Рузвельт нашел еще одного революционера, не согласного с классической теорией. Дж. М. Кейнс рекомендовал из Манчестера увеличить государственные расходы, не заботясь о балансе государственного бюджета. 1 февраля 1938 года Кейнс писал Рузвельту: выздоровление экономики возможно только в случае широкомасштабного обращения к общественным работам и массовым правительственным расходам. Жилищное строительство является лучшим видом общественных расходов. Государству следует также обратиться к управлению железными дорогами и системой коммуникаций в целом.

Любопытно, как Кейнс делится с Рузвельтом своим мнением о бизнесменах. Они очень отличаются от политиков, их страшит попадание в сферу публичной открытости, их достаточно легко убедить стать «патриотами», их легко сбить с толку, они легко пугаются и чрезвычайно расположены изобразить оптимизм, они неуверены в себе, патетически откликаются на добroе слово.

Анатолий Уткин

Совет Кейнса думать об экономике, а не о деньгах полностью совпадал с решимостью Рузвельта помочь «обездоленной трети населения». Он предложил «огромному большинству нашего населения вооружиться духом Джонсона, Джексона и Линкольна, с тем чтобы отнять власть и привилегии у незначительного меньшинства... Мы знаем, что существует горстка бизнесменов, банкиров и предпринимателей, которые будут сражаться до последнего, чтобы сохранить свой контроль над индустрией и финансами страны. В этой борьбе мы не пойдем на компромисс со злом». В середине апреля 1938 года он предложил конгрессу выделить дополнительные три миллиарда долларов на программу общественных работ.

«Беседуя у камина» с нацией на эту тему, президент Рузвельт сказал, что просит конгресс о дополнительных средствах на строительство домов, на создание дамб от наводнений, на полезные всему обществу дела. Этими средствами должен был распоряжаться Временный национальный экономический комитет. Сработал ли фактор активности государства? Как бы там ни было, но фактом является, что кривая роста снова пошла вверх и индекс Доу-Джонса, отражающий деловую активность, вырос за восемь месяцев с 99 пунктов до 158.

Дело не всегда заканчивалось мирным путем. Противники Рузвельта далеко не всегда с уважением относились к избирательному вердикту нации. Можно было встретить армейских офицеров, отказывающих-

Как пережить экономический кризис

ся поднять тост за своего главнокомандующего. «Еще один Сталин — только значительно хуже». «Мы словно живем в Советской России». Бостонский хозяин книжного магазина заявил, что будет продавать сборники речей президента, «только если они будут завернуты в его кожу». В высших экономических сферах о нем говорили как о человеке, разрушающем американский образ жизни. Был пущен слух, что его улыбка — результат пластической операции, что он не заработал честным трудом в этой жизни ни единого цента. И вообще, он просто нью-йоркский еврей и живет на деньги матери. В журнале «Нью Рипаблик» М. Чайлдс писал, что «историки будущего с недоумением возятся на эту фанатическую ненависть к президенту, которой сегодня (сентябрь 1938 года. — А.У.) охвачены мужчины и женщины правящего класса Америки. Никакое слово, кроме «ненависть», в данном случае не подходит. Эта страсть, это бешенство, доводящее до лишения разума, проникающее в верхнюю сферу американского общества. Эта ненависть стала для них *idee fixe*».

Несколько непонятно было то, что ненависть исходила от лиц, чьи доходы были восстановлены и чьи банки снова заработали после марта 1934 года. Дивиденды корпораций увеличились за этот период на 40 процентов, стоимость акций многократно возросла. Налоги не были драконовскими (получавший 16 тысяч в год платил в виде налогов одну тысячу долларов). И тем не менее это богатое меньшинство (Чайлдс на-

зывает цифру в два процента) рассматривало правительство Рузвельта едва ли не как оккупационное, а президента неизменно именовало Розенфельдом и периодически публично возвещало, что Гитлер был бы лучше.

На одной из пресс-конференций Рузвельт спокойно раздал присутствующим журналистам «конфиденциальное сообщение» Национальной службы печати о том, что президент болен сифилисом. (Один из ненавистников Рузвельта покончил с собой, не вынеся его избрания на четвертый срок. Приятель самоубийцы после апреля 1945 года выкопал гроб, поскольку «теперь людям с достатком и достоинством снова можно дышать свободно».) По мнению Ф.Л. Алена, эта ненависть «поднималась все выше и выше на протяжении 1934 и 1935 годов и держалась на постоянно высокой температуре до 1938 года, затем она несколько ослабла, вероятно из-за утомления ненавидящих».

Историк Чайлдс пишет, что Рузвельт не реагировал. С этим трудно согласиться. Скажем, Норману Дэвису он сказал, что, после того как спас капитализм, не намерен спокойно выслушивать оскорблений его вождей. Р. Моли вспоминает, как напрягались мускулы лица президента, когда он слышал злобные инсюниации. И периодически отвечал ударом на удар.

В 1937 году был подписан Акт о справедливых рабочих стандартах: минимум оплаты за час работы — со-

Как пережить экономический кризис

рок центов; максимальная рабочая неделя — сорок часов; запрет на труд детей моложе шестнадцати лет. Предпринимателям был дан срок в восемь лет для достижения этих стандартов. Рузвельт пригласил в Белый дом главу профсоюзного объединения Конгресс производственных профсоюзов (КПП) Льюиса и согласных с его мировидением парламентариев. Он не жалел сил для поддержки прогрессивных законодателей. Рузвельт рассматривал демократическую партию в качестве инструмента либерализма, и для него был приемлем любой партнер, если тому претили консервативные взгляды.

В 1938 году Рузвельт решил избавиться от консервативного крыла своей партии. Жарким июньским вечером он выступил с очередной «беседой у камина», посвященной на этот раз тем, кто словесно социально радикален, а в реальной жизни дружит с толстосумами. «Никогда у нас не было так много змеиных голов-медянок». Среди политиков,名义上 принадлежащих к одной партии, есть либералы, видящие, что новые условия требуют новых социальных приемов, включая активные действия правительства, и те консерваторы, которые верят только в индивидуальную инициативу и филантропию. «Как президент Соединенных Штатов я не прошу избирателей голосовать за демократов или республиканцев или членов другой партии. Равным образом я не принимаю участия в предстоящих первичных выборах. Но как глава демократической партии, облеченный ответствен-

Анатолий Уткин

ностью за определенно либеральную декларацию принципов, выдвинутую в демократической платформе 1936 года, я полагаю, что имею право высказываться по поводу того, что есть демократические кандидаты, исповедующие эти принципы, и те, кто просто использует мое имя». Битва в пределах своей партии была тяжелым испытанием для Рузельта. Он снова искалечил страну, на этот раз открыто помогая своим сторонникам и борясь с теми, кого считал предателем дела социального реформирования. Рузельт призвал партию под знамена Джейфферсона и Джексона, призвал сохранить ее реформаторский характер.

Рузельт произвел пересмотр своего кабинета. Вместо относительно консервативного Ропера на пост министра торговли был назначен Гарри Гопкинс, вместо Каммингса министром юстиции стал Мэрфи. В Верховный суд был назначен многолетний сподвижник Феликс Франкфуртер. Теперь и в кабинете, и в Верховном суде сторонники «Нового курса» укрепили свои позиции. Рузельт консолидировал либеральные силы. Верные помощники Рузельта во внутренних преобразованиях — сенаторы У. Бора из Айдахо, Б. Каттинг из Нью-Мексико, Л. Фрейзиер и Дж. Най из Северной Дакоты, Х. Джонсон из Калифорний и Р. Лафолет из Висконсина — были категорическими противниками энергичной мировой дипломатии. Они боялись вторжения на международную арену, их страшило противодействие мощных

европейских держав, они опасались резких внутренних потрясений в США вследствие милитаризации страны.

Мечты о будущем

Зимой 1939 года в Америке состоялись две Всемирные выставки. Выставка в Нью-Йорке постаралась представить будущее. Пристегнув ремни, американцы могли пропутешествовать в мир 1960 года. В этом мире посетителей встречали высокие, стройные и загорелые люди, проводящие большую часть времени в развлечениях. (В ландшафте будущего не были видны темнокожие американцы.) Пригородные зоны были буквально иссечены превосходными автодорогами. Автомобили будущего были оснащены кондиционерами и стоили смехотворную сумму — 200 долларов. Искусственно посаженные леса делали все голубым и зеленым. Стандартный поселок строился вокруг одной фабрики и обеспечивал себя продовольствием сам. Главным источником энергии стал жидкий воздух. Мощные телескопы позволяли каждому видеть Луну как соседнюю улицу.

Основные болезни (такие, как рак) здесь были побеждены, и средний возраст составлял семьдесят пять лет. Люди жили в легких «одноразовых» домах, и, когда им этот дом надоедал, они его просто выбрасывали. Большинство населения имело высшее образование.

Анатолий Уткин

Каждый поселок имел свой аэропорт, но самолетов не было видно — они спускались в огромные подземные ангары. Города соединялись (и разъединялись) автомагистралями, пригороды были трех видов: жилые, коммерческие центры и индустриальные зоны. Автомобили заполонили жизнь. Тогда это казалось земным благословением.

Одними из наиболее известных посетителей выставки стала королевская чета из Англии. Четверть миллиона жителей столицы вышли на улицы. Королева очаровала всех, король Георг Шестой выглядел молодым, сильным и искренним. Посещение Арлингтонского кладбища, всемирной выставки в Нью-Йорке. Вскоре король, впервые посетивший прежнюю колонию, был уже в Гайд-Парке. На устроенном пикнике были сосиски, бобы и (просьба короля) пиво «Рупперт». Затем — клубничный пирог. Президент и король отправились спать лишь в половине второго ночи. Президент Рузвельт в синем «Форде» с ручными тормозами провез суверенов по округе. Все это был бы заурядный протокольный визит, если бы не грозовые события в Европе.

Администрация Рузвельта, в свете общей ситуации разгула агрессоров в Европе и Азии, начала увеличивать военный потенциал. В январе 1939 года последовало дополнительное ассигнование полмиллиарда долларов военному ведомству. Весной 1939 года в Соединенных Штатах наконец назревает пересмотр Закона о нейтралитете. Рузвельт снова призвал кон-

Как пережить экономический кризис

грессменов в Белый дом. У стран «оси» шансы победить — пятьдесят на пятьдесят. «Я сделал свой последний выстрел. Дайте мне еще патронов в патронташ». Сенаторы сидели вокруг, удобно устроившись, сняв пиджаки, со стаканами в руках. Рузвельт и Хэлл говорили о грядущей грозе. Госсекретарь Хэлл сообщил: «Я хотел бы, чтобы сенаторы прочитали прибывающие ко мне телеграммы». Бора сказал: «Мои источники информации более надежны, чем источники госдепартамента».

В мае госсекретарь Хэлл выразил намерение правительства позволить державам, ведущим боевые действия, покупать оружие в США. Это означало, в частности, что Китай, жертва японской агрессии, мог рассчитывать на закупки американского оружия. Палата представителей ассигновала 500 миллионов долларов на военные нужды. Было решено увеличить число боевых самолетов с 5,5 тысячи до 6 тысяч. 9 августа 1939 года исполнительным приказом президента было создано Управление военных ресурсов под руководством Эдварда Стеттиниуса. Борьба с кризисом теперь принимала новые формы — американская экономика стала выполнять военные заказы.

Теперь Рузвельт шел по тонкому льду между изоляционистским законодательством и желанием помочь англо-французам. Он считал необходимым в случае начала боевых действий не спешить с объявлением нейтралитета, с тем чтобы демократии смогли вывести из США максимум заказанного военного снаряжения че-

рез Канаду и за пределами трехмильной полосы вдоль побережья.

Борцами с кризисом был создан совещательный Комитет по урану, состоявший из представителей армии и флота, под председательством Лаймена Бригса, директора Национального бюро стандартов. Заслугой Рузельта в данном случае было то, что он не отдал новые и невероятные идеи на суд одного ведомства. Межведомственная борьба имела и положительные стороны. Перед Комитетом выступили Ферми и Сцилард. Но потребовался еще почти год, прежде чем шок европейского конфликта дал ускорение американским исследованиям.

Еще будучи губернатором Нью-Йорка, Рузельт сделал особым пять часов пополудни. В этот час подавались коктейли — это было время неформального обсуждения важнейших проблем. Президент лично смешивал напитки. И здесь его привлекало необычное, гостям приходилось удивляться различным сочетаниям джина, рома, вермута и сока. Элеонора Рузельт прибыла из Нью-Йорка, но она не любила легковесность этого часа. Рузельт попросил Гопкинса: «Останься, я чувствую себя одиноко». После смерти в 1936 году Луиса Хоува Рузельт испытывал нужду в откровенной беседе и сблизился с Гарри Гопкинсом. Их объединяло многое, в том числе чувство юмора, несомненное мужество, доверие друг к другу. «Они подходили друг другу по темпераменту», — пишет Ф. Перкинс. Гопкинс интуитивно знал, когда беседа должна быть се-

рьезной, а когда следует расслабиться. Именно в этот полуденный час Рузвельт и Гопкинс определили стратегию страны, укрепленной битвой с кризисом, на ближайшее время.

В 1939 году безработица все еще оставалась на уровне 17 процентов. Индекс промышленного производства в 1939 году составлял 90 процентов от уровня 1932 года.

Великая депрессия и война

Шестого января 1942 года Рузвельт предстал перед объединенной сессией конгресса с традиционным посланием «О положении в стране».

Президент призвал к войне до победного конца. «Этот конфликт не может завершиться компромиссом. Никогда не было — и не может быть успешного компромисса между добром и злом. Только полная победа удовлетворит сторонников терпимости, достоинства, свободы и веры».

Война несла глубокие изменения в американское общество. Начиная с 1940 года более семи миллионов американцев переехали из глубинки в индустриальные центры, где к концу войны их число выросло до пятнадцати миллионов. Промышленность почти удвоилась. Это была уже другая Америка. Смещение населения происходило с Востока на Запад. Бурно росла Калифорния, увеличилось более чем на треть население

Анатолий Уткин

Орегона и Вашингтона — в этих трех штатах произо-
дилась половина военных судов и половина самолетов.
Одновременно шел процесс переезда фермеров в горо-
да, шесть миллионов белых и черных двинулись с Юга
на Север. Все это вместе взятое означало окончание Ве-
ликой депрессии и колоссальное переустройство аме-
риканского общества. Ничто не могло быть большей
манной небесной (после десятилетия половинчатых
улучшений), излечившей базовое нездоровье амери-
канской экономики.

Военные программы президента на 1942 год стои-
ли 56 миллиардов долларов — беспрецедентная для
Америки сумма за всю ее историю. Рузвельт довел эти
цифры до указанных выше пределов одним росчер-
ком карандаша прямо перед произнесением речи. На
укоризненный взгляд Гопкинса он ответил почти бес-
печно: «О, люди на производстве сделают все, если по-
стараются». Капитаны промышленности выразили
скепсис: только люди, никогда не сводящие концы
с концами, могут замахиваться на подобное. Заволно-
вавшемуся конгрессу Рузвельт сказал следующее: «Эти
цифры дадут японцам и нацистам некоторое пред-
ставление о том, какую ошибку они совершили
в Пирл-Харбore». Теперь Америке следует работать
двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. За-
ключая речь на высокой ноте, Рузвельт сказал: «Мили-
таристы Берлина и Токио начали эту войну, но закон-
чат ее возмущенные массы объединившегося челове-
чества».

Чтобы внести спокойствие в дома американцев, Рузвельт решил выступить с необычной радиоречью у камина. Президент сознательно решил показать всей нации, с какого низкого старта они начинают борьбу в глобальном масштабе. По словам Роберта Шервуда, «никто не был так хорош в поддержке морали и уверенности в себе и в то же время исполнен здорового оптимизма, как президент». Рузвельт призвал американцев запастись картами большого масштаба. «Я собираюсь говорить о незнакомых местах, о которых большинство никогда не слышало, о местах, которые ныне являются полем битвы цивилизации... Если они поймут суть проблемы и то, куда мы движемся, тогда можно будет положиться на то, что любые плохие новости будут восприняты ими спокойно».

Речь началась в десять часов вечера 23 февраля. Более восьмидесяти процентов взрослого населения слушали ее. Многие сидели, вооруженные картами. Ясным и уверенным тоном Рузвельт сравнил текущую ситуацию с первыми годами войны за независимость, когда революционная армия терпела постоянные поражения, страдала от недостатка в снабжении, почти теряла надежду. «Эгоистичные люди, запуганные люди объявили ситуацию безнадежной. Но Джордж Вашингтон держался своего курса, и новая страна появилась на карте мира». Нынешнему поколению тоже уготована нелегкая судьба, и американцы должны быть готовы к потерям. Время впереди принесет

Анатолий Уткин

беды, но «ваше правительство несокрушимо уверено в вашей способности воспринимать самые плохие новости, не теряя твердости духа. Эта война — война особого характера, она ведется на всех континентах, на каждом острове, в каждом море, на всех воздушных просторах мира. Вот почему я попросил вас положить перед собой карту всего мира и следовать за мной, когда я обозначу основные битвы этой войны».

Рузвельт очертил ситуацию во всех основных регионах, сказал, что впереди лежащая дорога будет трудной, но он верит в творческий гений Америки, «способной обеспечить преобладание в военных материалах, необходимых для конечного триумфа». И заключил речь так: «В Берлине, Риме и Токио нас изображаютнацией слабых людей и плейбоев. Пусть они скажут это генералу Макарттуру и его людям... Пусть они скажут это летчикам на «летающих крепостях». Пусть они скажут это морской пехоте».

По общему мнению, эта речь была наиболее успешным выступлением президента со времени его первого радиообращения к стране. «Нью-Йорк Таймс» назвала ее «одной из величайших в карьере Рузвельта». Друзья поспешили посоветовать ему как можно чаще появляться на радиоволнах, но Рузвельт этот совет твердо отверг: «Я боюсь того, что мои выступления, став более частыми, потеряют эффективность... С другой стороны, каждое выступление требует четырех или пяти дней подготовки, чего я не могу себе позволить. Я думаю, что

Как пережить экономический кризис

мы должны избежать превращения власти в личное руководство — мой хороший друг Уинстон Черчилль уже страдает от этого».

В указанной речи Рузвельт еще раз доказал, что никто лучше него не мог организовать, объединить и сфокусировать американскую мощь — в этом главная заслуга Рузвельта перед своим народом.

Обрисованная Рузвельтом перспектива создания невиданной доселе военной машины была поистине захватывающей. Согласно планам президента США уже в 1942 году должны были выпустить 60 тысяч самолетов (среди них 45 тысяч боевых), а в 1943 году довести общее число собираемых на конвейерах самолетов до 125 тысяч. Число танков для 1942 года — 25 тысяч, для 1943 года — 75 тысяч. Тоннаж спускаемого со стапелей флота должен был равняться в 1942 году 6 миллионам тонн, а в 1943 году — 10 миллионам тонн. Военного строительства в таких масштабах мировая история не знала ни до, ни после. В середине января 1942 года Рузвельт создал Совет военного производства, что означало невероятную для Америки централизацию руководства экономикой.

Согласно цензу 1940 года половина американских детей проживала в семьях, чей ежегодный доход не достигал полутора тысяч долларов. Более четверти населения тогда еще жили на фермах, обычный доход фермера равнялся тысяче долларов в год. На трех четвертях ферм не было электричества, жгли керосиновые

Анатолий Уткин

лампы, в стране один телефон приходился на семерых жителей, один автомобиль — на пятерых. В четверти домов не было водопровода. Средний американец бросал образование после восьмого класса. Не ослабит ли материальное неравенство крепость страны в час ее испытаний?

5 ноября 1940 года вся семья Рузвельтов по старому обычаю отправилась в небольшое городское управление Гайд-парка, чтобы присоединиться к народному волеизъявлению. По пути Франклин Рузвельт останавливался, чтобы переговорить с соседями. Журналистам он казался легким, как всегда, более того, «исключительно благодушным». По их просьбе он помахал деревьям вдали. Американский народ в *третий раз* избрал президентом того, кто *не уставал* выводить свой народ из кризиса.

Через два дня после переизбрания — 7 ноября 1940 года Рузвельт открыто заявил, что Англия получит половину всего вновь производимого в США военного оборудования. Англичане к этому времени заказали оружия в Соединенных Штатах более чем на 5 млрд долл., а по оценкам помощника президента, наличными из них было уже менее 2 млрд долл. Большего Лондон уже дать не мог. Президент запросил средства для создания полумиллионной армии, для закупки оружия, для создания современных видов ведения войны. Совершенно неожиданно для присутствующих он поставил целью производство *пятидесяти* тысяч самолетов в год, что многократно

превосходило показатели Германии. Это означало десятикратное увеличение тогдашнего американского уровня.

Помощь союзникам как препосылка выхода из кризиса

Американское военное производство в 1939—1940-х годах увеличилось в значительной мере благодаря инвестициям Франции и Англии, а также англо-французской закупочной комиссии. Американцы сумели на протяжении первой половины года с начала войны увеличить выпуск самолетов в четыре раза. В марте 1940 года Париж и Лондон заказали у американцев 5000 фюзеляжей новых самолетов и 10 000 авиационных моторов (если американская сторона согласна — заказ удваивался). Ближайшему окружению Рузвельт говорил: «Давайте будем честны перед собой. Эти иностранные заказы означают процветание нашей страны».

Глава французского правительства лично просил американского президента о каждом авиационном подразделении. Впервые Рузвельт ясно определил военную конъюнктуру как способ наконец покончить с Великой депрессией. 31 мая, когда Рузвельт сообщил, что «почти невероятные события последних двух недель делают необходимым дальнейшее наращивание нашей военной программы», американский кон-

Анатолий Уткин

гресс проголосовал за дополнительные 1 миллиард 700 миллионов долларов. 3 июня 1940 года генеральный прокурор США принял решение, согласно которому санкционировалась продажа части устаревшей и избыточной военной техники частным фирмам, немедленно перепродающим ее англичанам и французам.

Крах Франции в июне 1940 года оказал шоковое воздействие на Вашингтон. Конгресс немедленно вотировал четыре миллиарда долларов на укрепление американского флота двух океанов, на строительство 18 авианосцев, 7 линкоров, 27 крейсеров, 115 эсминцев, 43 подводных лодок. Теперь военные и военно-морские штабы спешно пересматривали свои планы: прежде создание полномасштабного флота намечалось лишь на 1946 год.

Маховик американской индустрии сделал громадный бросок вперед — кризис 1930-х годов окончательно канул в бездну. В мае 1940 года под впечатлением грозных событий в Европе в США был создан влиятельный «Комитет защиты Америки путем помощи союзникам» под председательством Уильяма Аллена Уайта. Он обнаружил в США запасы военного снаряжения устраивающего союзников типа. Проблема заключалась в том, как передать его западным союзникам. Военный министр Вудринг считал, что это можно сделать путем продажи нейтральному государству и последующей перепродажи французам и англичанам, но только в том случае, если американский на-

Как пережить экономический кризис

чальник штаба определит данное оружие как безусловно избыточное.

Тринадцатого августа 1940 года, преодолев сомнения и различные соображения политического характера, президент Рузвельт послал премьеру Черчиллю телеграмму, в которой соглашался на передачу Англии 50 старых эсминцев, 20 торпедных катеров и 10 самолетов. В обмен просил (1) уверения (президент обещал их не афишировать) в том, что британский флот не будет ни при каких обстоятельствах сдан Германии, и (2) обязательство передать Соединенным Штатам в аренду на 99 лет военно-морские и военно-воздушные базы Англии в Западном полушарии. Сделку по поводу обмена старых эсминцев на английские базы Рузвельт назвал «самым важным шагом по укреплению нашей национальной обороны со времен покупки Луизианы».

К концу октября 1940 года, когда появилась надежда на то, что англичане выстоят в своем противоборстве с враждебным континентом, в более конкретную плоскость перешел и вопрос об американских поставках английским вооруженным силам. Англичане просили Рузвельта в 1941 году поставить вооружение для 10 дивизий и уже не 14 тысяч, а 26 тысяч самолетов. Хотя эти цифры звучат фантастическими и сейчас, примечательно, что Рузвельт не отверг их, а нашел необходимым принять английские заказы. Объясняя свои действия, он прямо указал на то, что столь грандиозные военные заказы укрепят американскую экономику во всех ее секторах и по-

Анатолий Уткин

всей территории страны, и, главное, они, в конце концов, помогут создать такую мощную военную экономику, которая «будет служить нуждам Соединенных Штатов в любых обстоятельствах».

Ленд-лиз

Окончательно завершил борьбу с кризисом ленд-лиз. Практическое банкротство Англии объяснил впервые столь открыто британский посол Лотиан 23 ноября 1940 года, когда он обратился к группе американских журналистов: «Ну, ребята, Англия подошла к черте; ваши деньги — вот чего бы мы хотели». Выйдя из Вашингтона под парусами вниз по Потомаку к океану 2 декабря 1940 года, Рузвельт посвятил две недели осмыслению вопроса о дальнейшем курсе Америки в мировом конфликте и прежде всего о форме помощи англичанам. В свете возникающей перспективы Рузвельт пошел на необычайный шаг.

Военный министр Стимсон однажды сказал, что следовать за интуитивным мыслительным процессом Рузвельта — «это все равно что охотиться за мелькающим лучом солнца на стене пустой комнаты». Но такой независимый полет мысли давал и убедительные результаты. Один из них — рожденная после отчаянного письма Черчилля («мы ободраны до костей») идея ленд-лиза, плод нескольких вечеров размышлений президента во время круиза по южным морям.

Соединенные Штаты получили огромный исторический шанс. Прежде всего, Америке нужно было поддержать англичан, затем закрепиться на предоставляемых ими позициях, распространить свое влияние и начать решающую борьбу с державами «оси». После размышлений под Карибским солнцем, плавая на крейсере «Тускалуза», президент Рузвельт окончательно выработал свой план помощи англичанам и вытащить из кризиса американскую экономику. Он разъяснил этот план всему миру на пресс-конференции 16 декабря 1940 года. Приближались десять часов вечера — лучшее радиовремя. Перед президентом громоздились микрофоны, рядом стоял графин с водой, мягко светила лампа. И к Рузвельту стало возвращаться его особое гениальное состояние, когда он поднимался над событиями и в то же время не терял их из виду. Он вынул сигарету, расправил четко отпечатанный текст и вошел своим голосом в миллионы домов. Как пишет Ф. Перкинс, своим умственным взором он, казалось, видел собравшиеся на кухне семьи. «Он видел выражение их лиц, их руки, их одежду, их дома... По мере того, как он говорил, он кивал головой, его руки делали естественные жесты. На его лице периодически появлялась улыбка, словно он действительно сидел перед своими слушателями. Люди чувствовали это, и это привязывало их к нему».

«В этот субботний вечер, находясь в своих домах, в кругу своих друзей, давайте спокойно поразмышляем, что мы сделали и что мы можем сделать еще. Мы не

Анатолий Уткин

отставим серьезных социальных завоеваний, но мы должны укрепить свою оборону... Мои друзья, в этот момент, когда большинство человечества испытывает печаль, я хочу поговорить с вами на несколько тем, которые прямо касаются будущего Соединенных Штатов. Представьте себе, что загорелся дом моего соседа, а у меня есть шланг. Если бы сосед мог взять этот шланг и присоединить к своему гидранту, пожар был бы потушен. Я мог бы сказать: мой шланг стоит пятнадцать долларов, и я мог бы попросить у соседа пятнадцать долларов. Но пожар разгорается. Я не хочу пятнадцать долларов. Я хочу возврата моего шланга после тушения пожара. Если шланг сохранился, сосед отдаст мне его, а если нет — то заплатит за него». Поставленная отметка — 50 тысяч военных самолетов в год — была фантастической для того времени. Как и всякая невозможная цель, эта цифра воспламенила воображение американцев. Рузвельт придавал значимость пафосу, понимал роль политического руководства как обязанного возбуждать эмоции, обязанныго называть те цели, которые поражают воображение.

Девятого февраля 1941 года палата представителей одобрила законодательство по ленд-лизу. Одиннадцатого марта сенат проголосовал за ленд-лиз, и он обрел силу закона. Улыбающийся Рузвельт подписал закон о ленд-лизе. Словами Памелы Черчилль Гарриман, это было «одно из крупнейших предприятий американской истории». Главным администратором ленд-лиза стал Гарри Гопкинс, и Рузвельт провел много дней, об-

Как пережить экономический кризис

суждая ход военной и экономической помощи тем, кто становился союзником.

Согласно программе ленд-лиза американская экономическая машина стала разгоняться еще больше на 33 млрд долл., предоставленных Британии, и 11 млрд долл., данных Советскому Союзу. Уже в 1940 году Соединенные Штаты выплавили 67 млн тонн стали (значительно больше, чем Германия, — 28 млн). Первая запрошенная Рузвельтом порция составила 9 млрд долл. В 1941 г. военные расходы Соединенных Штатов составили 29 млрд долл. — что *uneslo последние признаки Великого кризиса*.

Раздел II

**Новый подъем
и новый кризис**

■ Глава седьмая

Двадцать лет империи (1985–2005)

Американский век

Воспользовавшись ошибкой европейцев, взаимоистощивших свою мощь в двух мировых войнах, а затем не воспринявшими распаду СССР, Соединенные Штаты стали мировым единственным лидером нашего времени. В 1991 году, с крушением СССР, Соединенные Штаты достигли уникального могущества, и на горизонте, казалось, не было соперников на века. Феноменально успешное окончание XX века для США: за 1980-е годы США добавили к своему ВНП валовой продукт Германии; за 1990-е годы Америка прибавила к своему ВНП Германии и Японии. А прибывший из Вены Юджин Кляйнер создал *полупроводниковую индустрию и венчурный капитал*.

Французский министр иностранных дел Юбер Ведрин отчеканил подходящее определение — *гипердержава*. Ее три главных основания: несравненная военная мощь — половина мировых военных расходов, 60 военных баз на всех материках; преобладающая эконо-

мическая система — на 300 млн жителей США приходится треть мировой экономики, доллар — ведущая мировая валюта; привлекательный образ жизни, английский — наиболее важный язык, американская культура — наиболее имитируемая.

Английский историк Нэйл Фергюсон со всей страстью стал доказывать, что только наличие *гипердержавы* способно остановить периодически возникающий на земных континентах геноцид, поставить в рамки гуманных приличий *rogue states* («агрессивные государства»), следить за сетями террористических организаций, установить на планете либеральный порядок. Американская демократия довела до совершенства идею прогресса; отныне речь может идти о пространственном распространении идеальной системы. Фрэнсис Фукуяма возвестил о конце истории.

Поразительно то, что «век Америки» длился всего двадцать лет: от триумфа первой войны против Ирака, когда президент Буш на Пенсильвания-авеню принимал парад победителей, до 2006 года, когда стало ясно, что второй войны в Ираке американцам выиграть не удастся. Начало этого века удивило тех, кто рассчитывал после победы в холодной войне увидеть возвращение Америки к ее традиционной внешней политике — отходу к изоляции, характерной для США до Второй мировой войны. Все ждали, что Буш-старший поднимет якорь и отправится в свои гавани. Но нет: президент Джордж Буш-старший отправился в ООН и объявил, что Америка берется за решение следующей задачи — создание Нового Мирового Порядка. Что бы

Анатолий Уткин

это значило? Американский президент разъяснил: наказание агрессоров, сохранение мира, полицейские функции на всей планете, служба всему человечеству. При этом Белый дом не спросил американский народ, которому предстояло платить налогами и кровью за крепость Нового Мирового Порядка, не спросили и огромный внешний мир.

Двадцать лет мир живет под крышей американской гипердержавы. США отчаянно стремятся сохранить эту позицию на максимально долгое время. Гипердержавы существовали и прежде. Понять причины внезапного подъема государства — дело сложное, но не менее трудно определить слабые места гипердержав, теряющих положение гегемона.

Откуда можно ожидать удара, где прячется слабое место гипердержавы? Фукидид назвал демократию причиной гибели Афин¹. Эдуард Гибbon считал главной причиной падения Римской империи христианство². Американский историк Пол Кеннеди считает главной причиной упадка «имперское перенапряжение»³. Джериid Дайамонд видит главную угрозу в *крушении здоровой окружающей среды*⁴. В современном ожесточенном споре в США и других странах аргументы враща-

¹ Фукидид. История Пелопоннесской войны. М., 1983.

² Гибbon Э. История упадка и падения Римской империи. М.: Терра, 1997. Т. 3. С. 982—983.

³ Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N. Y.: Vintage Books, 1989.

⁴ Diamond J. Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed. N. Y.: Penguin, 2005.

ются вокруг вопроса: крепить твердое основание сложившейся нации (нативисты) или открыть ворота (антинативисты) рвущемуся в гипердержаву потоку из обездоленных стран?

Империя

Британская империя в работе английского историка Нэйлл Фергюсона разглядывает способности своего наследника и в целом удовлетворена гиперимперией: «...утверждается не только то, что Соединенные Штаты являются империей, но и то, что они *всегда* были империей. У меня нет принципиальных возражений в отношении Американской империи... для многих частей мира американское имперское владычество будет благотворным. Пусть только это будет *либеральная империя*». Главная проблема — может ли имперская Америка быть *либеральной*. «Не являются ли Соединенные Штаты гигантом Самсоном, безглазым в секторе Газа, привязанным нерушимыми обязательствами к Ближнему Востоку и в конечном счете способным только на слепое разрушение?» Весь мир задается этим же вопросом.

При этом империи всегда норовили внести свою культуру в жизнь народов, на чьи богатства они посягают. «Англия, откуда римляне вывозили серебро и свинец, была романизирована, равно как Южная Африка, откуда вывозили алмазы, была англизирована. Вывозя с Ближнего Востока нефть, Соединенные Штаты стре-

мятся трансформировать политическую культуру этого региона»¹.

Римская империя существовала полторы тысячи лет, Британская империя — полтора столетия; американской империи отведено несколько десятилетий. Почему?

Во-первых и прежде всего, потому, что в отличие от классических империй американцы не заселяют завоеванные или зависимые страны. «Несмотря на огромные богатства страны и на грандиозную военную мощь, американцы не склонны к тому, без чего подлинная империя не бывает долговременной. Они не хотят «идти туда» — и если они все же обязаны идти, то считают дни до возвращения домой»². Они игнорируют зависимые страны, они привязаны к метрополии. Но это, увы, не способствует созданию имперской сплоченности.

Во-вторых, хронический дефицит «человеческого материала» явственно ослабляет империю. В Британской империи не было недостатка в энтузиастах освоения завоеванной и заселенной четверти мира. Выпускники Оксбриджа с готовностью брали на себя «имперское бремя» и отправлялись в неведомые углы мира. Не то с выпускниками Гарварда; проконсульская миссия не привлекает их. Да и с солдатами дело было еще сложнее — 12-месячное ограничение на пребывание

¹ Ferguson N. Colossus. The Price of American Empire. N. Y: The Penguin Press, 2004. P. 106.

² Ibid. P. 202.

Как пережить экономический кризис

за границей. При этом недостаточность военного персонала в Ираке признана практически всеми. «Кризис принял такие пропорции, что [американская] администрация была вынуждена проглотить свою гордость и просить союзников о подкреплении»¹.

В-третьих, как считает Фергюсон, ЦРУ далеко до британской Интеллидженс сервис. У американской разведки нет ни одного подлинно квалифициированного, говорящего по-арабски агента на Ближнем Востоке, где в свое время блистали Лоуренс Аравийский и Филби-старший. Американцы этой службы «предпочитали жить в окрестностях Вашингтона, исключая для себя операции, грозившие диареей». Никакого киплинговского героизма у этих «тихих американцев», давно описанных Грэмом Грином.

В-четвертых, электоральный цикл в четыре года подогревает чувствительность американского общества к людским потерям. Но долго иметь империю без империалистов невозможно.

В-пятых, низвергая тиранов на Ближнем Востоке, Америка является *самым большим должником мира*. «Зарубежные долги Соединенных Штатов в 2003 г. превысили 8 трлн долл.». США сами вешают себя на крючок зарубежного капитала.

А между тем конкуренты не дремлют: растет азиатский конкурент — уже в 2018 г. Китай обойдет США по объему валового национального продукта; «война в Ираке увеличила вероятность новой роли для Евро-

¹ Ibidem.

пы — потенциального имперского соперника Соединенных Штатов. Европейские политические лидеры предпочли бы играть именно эту роль». Европейский союз в полтора раза больше по населению, чем США, а его экономика составляет 82 процента американской.

Да, сегодня американские солдаты патрулируют Косово, Кабул и Киркук. И каждое американское вторжение вело к смене политического режима, военной оккупации и попытке институциональной трансформации, эвфемистски определяемой как «строительство нации». «Но откуда взять деньги для успеха всех этих предприятий? Как много американцев готовы стеречь дальние пределы? И как долго американское общество готово поддерживать политику, которая стоит немалых денег и жизней?»¹

Светлая и темная сторона

Снимки из космоса раздвигают все рамки, и кажется, что будущее просматривается более отчетливо. Эти поразительные снимки фиксируют россыпь золотых огней — подлинный триумф земной урбанизации — и затаившуюся темень неосвещенной жизни большинства земного населения. Глядя на них, лучше понимаешь происходящее на нашей планете. Поразительно ярким

¹ Ibid. P. 290.

Как пережить экономический кризис

огнем на этих снимках из космоса горит благополучная часть — Северная Америка, Западная Европа, Япония. Темна Африка, две трети Латинской Америки, большие пространства Азии.

Полоски огней нагляднее словесных оценок говорят о разобщении. Североафриканские города отделяются и от остальной Африки, и от ближневосточного региона. Города Восточной Европы как бы движутся на Запад, но многомиллионная безработица во многом лишает и в этой, относительно благополучной части мира это движение. Самый крупный бриллиант в созвездии — Мехико-Сити знаменует собой многомиллионную стартовую площадку побега на Север, в мегаполисы Северной Америки. Индийские города еще залиты светом, а пакистанские погружены во тьму. Огни Китая расположены вдоль Тихоокеанского побережья, а восточная часть самой растущей страны как бы замерла в темном безмолвии, указывая этим на самую острую проблему будущего, как все это совместить. Из темных провалов выходит ожесточение, отсюда в сторону света идет нескончаемый поток, и этот поток фиксирует собой острое неблагополучие разоренной мировой деревни.

Именно здесь, в темной части планеты, бурно растет население, тогда как в светлой рост повсеместно прекратился. Согласно прогнозу национального разведывательного Совета США, население Земли в 2015 г. составит 7,2 млрд человек; 95 процентов прироста придется на «неосвещенные» страны. К середине текущего века темная сторона породит *еще четыре миллиарда*

Анатолий Уткин

да людей планеты, а живущее в светлых секторах Земли лишь сократится. Именно здесь неостановим СПИД и прочие проклятия нашего времени, именно здесь страшные эпидемии встречаются с поразительным равнодушием. Именно здесь исчезает питьевая вода, именно здесь образование — немыслимая роскошь. Эрозия почвы совмещается с эрозией человечности, осмысленного решения проблем.

Из темной части в светлую неукротимо стремится постоянный человеческий миграционный поток. Очень наглядно видно, как из обездоленного Юга Индии в более обеспеченный Мумбай неостановимо течет этот поток. Темные люди медленно движутся непрерывающейся цепочкой. А в других местах раз за разом форсируют Рио-Гранде и Амур другие потоки, смысл движения которых тот же. «Гастарбайтеры» в ближайшие десятилетия *десятками и сотнями миллионов* устремятся в североатлантический и восточноазиатский регионы. Преимущественно в города. Миллионный в 1950 г. Лагос в 2015 г. будет насчитывать 24,4 млн жителей; Карачи за то же время вырастет с 1 млн до 20,6 млн; Джакарта — с 2,8 млн до 21,1 млн жителей. Население Дакки достигнет 19 млн жителей. В 1950 г. число городов с миллионным населением равнялось 86, а к 2015 г. их будет 600. Присылаемые в темные регионы отсюда мелкие денежные переводы посланцев мировой деревни давно превзошли в своей массе так называемую экономическую помощь сытого мира.

Окончание «холодной войны» вызвало в 1990-х годах некий всплеск надежд на то, что богатые и могуще-

Как пережить экономический кризис

ственные теперь повернутся к бедному Югу. Но получилось нечто обратное: вызрела нечеловеческая идеология *laissez faire* для обездоленных. Это, мол, дело рук самих утопающих. Итог устрашающ. В хаосе якобы «освобожденный» Афганистан, в жестоком хаосе европейская Босния, некоторые анклавы которой вовсе не напоминают традиционную Европу. Ничто не может превзойти по жестокой бедности в условиях насилия и разрухи Восточную Колумбию, «треугольник беззакония» между Бразилией, Парагваем и Аргентиной, внутренние районы Демократической Республики Конго, пригороды Кабула и Кандагара в Афганистане. Страшна участь беженцев в Судане, в районе Великих озер Африки, на Западном берегу Иордана.

О каком мировом порядке можно говорить, если едва ли не самая энергичная и уж точно самая молодая и устремленная к самореализации часть мирового населения неотвратимо осознает крах своих надежд, тупик прогрессивного развития?

Но никто в этом мире, включая ООН и все номинально занимающиеся развитием межгосударственные органы, — *не собирается «осветить»* темную часть Земли. Позолоченный светом кубик Объединенных наций слился со световым половодьем Манхэттена. Планов мировой электрификации просто нет. А в последнее десятилетие трудное встретилось с циничным, обрел наглую самоуверенность лозунг «выживайте сами». Гимны свободному рынку имеют характер защиты прогресса, тупое безразличие надело одежду самоуверенности. Даже лучшие готовы умыть руки. На-

Анатолий Уткин

сильственная смена режимов, стратегия «предваряющих ударов» пока лишь усугубляет положение.

И все это на фоне окончательного истощения главных из жизненно важных мировых ресурсов. В ближайшие годы человечество вынуждено будет осознать, что ископаемое органическое и неорганическое сырье — дар миллиардов лет солнечной щедрости — подходит к своему концу. Через одиннадцать лет в мире уже не будет добывать цинк, через четырнадцать лет иссякнет ископаемая медь, через сорок лет, при росте современного потребления, опустеют нефтяные скважины; через 60 лет из шахт выйдет последний шахтер. Через двадцать лет комбинация бурного роста населения и резкого сокращения водных запасов просто взорвет Ближний Восток. Будет ли освещенная часть мира при этом столь же благополучна? Не придется ли ей силой гарантировать себе бесценные остатки земных ископаемых, которые прячутся как раз в темных просторах неосвещенной суши?

Но не везде россыпь золотых огней — знак человеческого благополучия. Золотая арка феноменально растущих городов — Лагос — Каир — Карачи — Джакарта, население которых почти удвоилось за последние двадцать лет (и еще раз удвоится в грядущие двадцать лет), безмолвно фиксирует едва ли не главную драму нашего времени: наряду с прогрессом разгорается пожар несостоявшихся судеб многих сотен миллионов людей. Здесь нестабильность, террор и болезни будут главными факторами жизни. Глобализация подгоняет строительство огромных аэропортов, но не на бетон-

Как пережить экономический кризис

ных полях, а в бетонных пещерах мегаполисов тлеет и зреет несокрушимая сила, способная остановить и уничтожить любую цивилизацию. Это знаки беды, это убежища практически несостоявшихся государств, это полигон отчаянной реакции униженных и оскорбленных.

Темная сторона планеты отнюдь не безобидна. В то время, когда в свете зrimого благополучия создаются еще более впечатляющие планы процветания одной шестой части мирового населения, мрак мировой деревни порождает нечто, от чего залитый светом миллиард может однажды содрогнуться. Здесь, во мраке и нищете, зреет, может быть, безрассудный и жестокий, но свой ответ на безразличие освещенных. В гербах шести стран узнаем автомат Калашникова. Но еще страшнее то, что почти все гербы нищих стран вообще не имеют смысла, крах государственных систем сотни больших и малых государств порождает тот хаос, который не раз в мировой истории порождал восстания, потоки гнева, смерч разрушения.

Фактически несостоявшиеся государства, не сумевшие перейти на «солнечную сторону» мировой улицы, определенно способны на одно — на вооружение и на создание средств массового насилия. Мировая руанда уже вышла на тропу, которая может стать тропой войны. Радио очень популярно в темных странах, и руандийские дикторы уже призывают к насилию. Страшно не это, а то, что призовов ждут и им подчиняются. Анархия, крах государственных структур ведет к возрождению этнического разобщения, следующим эта-

Анатолий Уткин

пом которого явится межэтническая ненависть, религиозный фанатизм, крушение здоровой окружающей среды.

Руководство крупнейшей в мире экономикой

Сложилось весьма устойчивое убеждение в том, что современным Вашингтоном правят «новые консерваторы» — или, как их привычно называют на Западе, «неоконы». Те в обиде: ах, если бы так. На самом деле самой влиятельной столицей мира владеет весьма сложная амальгама политических сил, и «настоящие неоконы» — лишь часть этих сил. И, как жалуются «неоконы», главенствующая лишь периодически.

«Настоящих буйных мало», — говорил поэт. Назовем сразу признанных в период Буша-младшего: глава мирового банка Пол Вулфович; замминистра обороны по выработке политики Дуглас Фейт; начальник штаба вице-президента Льюис «Скутер» Либби; ведущий в Совете национальной безопасности Ближний Восток, Юго-Западную Азию и Северную Африку Элиот Эбрамс; член Совета по выработке оборонной политики Ричард Перл. Остальные «неоконы» судят и о политике, но не формируют ее, они ее «философы» — Макс Бут в «Уолл-Стрит джорнэл», Уильям Кристол в «Уикли стандарт», Чарльз Краутхаммер в «Паблик интерес» и «Комментари». Философ Сидни Хук, Ирвинг Кристол и Роберт Каган пишут книги. Джин Киркпатрик преподает. Экс-директор ЦРУ Джеймс Вулси по-

думывает о мемуарах, Майкл Новак ударился в теологию. «Неоконы» были сильны в таких аналитических центрах, как Американский предпринимательский институт, Проект Нового Американского Века, в таких фондах, как Бредли, Джон Олин, Смит Ричардсон.

А политику делали президент Джордж Буш-мл., вице-президент Ричард Чейни, прежний министр обороны Дональд Рамсфельд, госсекретарь Кондолиза Райс. Не все они (и не всегда) благоволят к «неоконам». Прежнего госсекретаря Пауэлла можно просто определить как либерального интернационалиста. Многие из «грандов» осуждали яростную активность «неоконов» на Балканах, опускали международные разделы в речах Буша-мл., когда тот лишь претендовал на Белый дом. (И либеральные фонды — Форд, Рокфеллер и Макартур будут помощнее: 833 млн долл. в 2004 году против 68 млн долл. неоконсервативных фондов.) Неоконсервативные журналы имеют меньший тираж, чем откровенно либеральные «Нэшнл ревью», «Нэйшн», «Нью Рипаблик», «Ньюйоркер» (не говоря уже о «Тайм» и «Ньюсвик»).

Итак, кредо неоконсерватизма: открытое провозглашение первенства США в международных делах в 2001—2006 годах, снижение роли международных организаций, предваряющие удары по потенциальным противникам, любые действия, предотвращающие распространение оружия массового поражения, подозрение в отношении даже старых союзников (не говоря уже о таких новых, как РФ), сокрушение «оси зла» (Иран, Сирия, Северная Корея), активное использова-

Анатолий Уткин

ние уникального факта американского всемогущества («история не простит бездействия»). Мантра «неоконов»: величайшей опасностью для Америки сегодня является возможность создания одним из «rogue states» владеющих ядерным оружием, которым оно может снабдить диверсионные группы, стремящиеся проникнуть в Соединенные Штаты.

«Звездный час» политического всемогущества настал для неоконов в трагический для Америки час. Когда потрясенная страна в сентябре 2001 года озиралась в поисках утраченного равновесия, «неоконы» молниеносно вышли на национальную арену и предложили президенту и администрации в целом серию активных действий, отвечавших тогдашнему паническому сознанию страны, полтораста лет не знающей войны на своей территории. Войны в Афганистане и Ираке вывели «неоконов» из идеологических пещер в самые главные кабинеты. Как пишет едва ли не самый активный «неокон» Макс Бут, «после самой крупной в истории США террористической атаки президент Буш-мл. пришел к выводу, что администрация не может более позволить себе «скромной» внешней политики». Особое ликование «неоконов» вызвала принятая администрацией Буша в 2002 г. амбициозная «Стратегия национальной безопасности», главной мыслью которой было продекларированное право федерального правительства США наносить «предваряющие удары» в случае, если государственные органы страны посчитают политику государства X грозящей антиамериканскими дей-

Как пережить экономический кризис

ствиями». Это наиболее лелеемый американскими неоконсерваторами документ.

Обречена ли была Америка жить в тени наиболее параноидальных мнений, грозящих в конечном счете распылением мощи американского гиганта, потерей им наиболее важных союзов. Невозможна попытка осуществить полицейские функции «по всем азимутам»? Даже на пике влияния консерваторов внутри Белого дома, Капитолия, Пентагона шла жесткая внутриведомственная схватка. Если бы «неоконы» были в ней побеждающей стороной, то мы бы видели силовые действия против Ирака и Афганистана гораздо раньше, а затем удары по Северной Корее и Ирану. Напротив, мы видели первые попытки контактов новой администрации — демократов с обеими этими странами.

В Америке достаточно трезвых людей, не опьяненных положением единственной гипердержавы. Быстро выигранная война обратилась в Ираке (да и в Афганистане) теряемым миром. Уже сегодня ведущий американский социолог Иммануэль Виллерстайн спрашивает, почему «нашим главным военным ответом на акты террора было вторжение в страну, которая не имела ничего общего с атакой 11 сентября?.. «Полный вперед» — это девиз администрации Буша, поскольку если они ослабили бы темп, то выглядели бы очень глупо, а поражение *позже* кажется менее болезненным, чем *крах сегодня*».

Неоконсерваторы на всякий случай утверждали, что стояли и стоят за более активное, энергичное и бы-

. Анатолий Уткин

строе вмешательство в «национальное строительство» в Ираке и Афганистане. Они обвиняли деятелей типа и класса Рамсфельда в неповоротливости, в скепсисе по отношению к участию американцев в создании новых государств на Ближнем и Среднем Востоке. Они выступали за расширение американского военного присутствия здесь. Следует сказать, что современный американский неоконсерватизм — мощная и сплоченная сила, искусная в идеологическом споре и в трактовании оптимального американского курса в огромном внешнем мире.

«Неоконы» отмечали всякие аналогии с Вьетнамом, они напоминали, что во время покорения иракского восстания в 1920 г. англичане потеряли более 500 солдат — увы, гораздо меньше, чем (пока) сегодня в Ираке (более 3 тыс. человек). Но если потери в Ираке не прекратятся, а 87 млрд долл., выделенных Ираку, не стабилизируют там обстановку; если ценой борьбы с горцами будет кризис НАТО, если вместо демократии в новом Ираке воцарится режим шиитских аятолл, когда престижу Соединенных Штатов в мире будет нанесен жестокий урон, тогда Америка будет искать «козла отпущения». И она уже знает, как его зовут.

Но неоконсервативное бряцание оружием было возможно в период экономического бума. Ситуация для неоконсерваторов немедленно поменялась с входением Америки в период второго после 1929 года финансово-экономического кризиса. Новое время потребовало новых подходов, и американцы обратились к сенатору от Иллинойса.

Предпосылки экономического спада

Важные изменения произошли с Соединенными Штатами, когда они при президентах Клинтоне и Буше поверили в глобализацию, окончательно решили понизить тариф и открылись огромному миру. Между 1990 и 2008 годами экспорт *готовой* продукции (*manufacturing*) из США уменьшился с 50 процентов (от общего объема американского экспорта) до 10 процентов. Зато граница Мексики с США стала сплошным сборочным заводом. И Китай с Индией получили прежде невообразимый рынок.

Экономика — это постоянные поиски баланса, но как найти баланс между мировым валовым продуктом в 55 трлн долл. и его финансовой стоимостью в 10 раз большей — 550 трлн долл.? Восторги глобалистов, предлагающих увести всю «дымную» индустрию за пределы «золотого миллиарда», стали падать на жесткую почву реальности, а она фиксирует разбалансирование первой в мире — американской экономики. Первые признаки беды стали ощутимы в начале XXI века. Так, в январе 2001 года авиакомпания «Панам» (ее популярный бренд уступал только кока-коле) объявила о своем банкротстве — то был весьма многозначительный эпизод.

После множества злоключений окрившейся миру американской экономики на календаре наметилось *нечто похожее на 29 октября 1929 г.* Разумеется, велики различия. Пока нет драмы разоренных самоубийц, трагедии обрушившихся состояний, истерии отвергну-

Анатолий Уткин

того процветания. Ходячая метафора наших дней — сон человека, спящего на надувном матрасе, который неведомым для человека образом начинает выпускать воздух. Пробуждение на острых камнях уже наступает, и от него уже не уйти.

Речь идет об эрозии научной и инженерной базы Америки, которая долгое время была основой индустрии и источником обновления американской экономики и науки. «Небеса еще не падают на землю, и не случилось еще ничего ужасного, — говорит Ширли Джексон, председатель Комиссии по исследованию ядерных проблем при американском правительстве. — США еще лидируют в мировых инновациях. У Америки лучшая программа получения научных степеней, самая лучшая научная инфраструктура и рынки капитала, необходимые для ее развития. Но даже в американской науке и технологии (не говоря уже об экономике) развивается, по мнению самих американцев, «тихий» кризис — и он уже требует, чтобы мы проснулись... Конкурирующие страны собрались бежать на марафонскую дистанцию, в то время как мы увлекаемся спринтом. Если все оставить как есть, нам бросят серьезный вызов, вызов нашей способности осуществлять инновации»¹.

Уходящее на пенсию поколение весьма отчетливо видит, что все меньше и меньше американцев ощущают жизнь как своего рода вызов, как то, что восприни-

¹ Friedman Th. The World is Flat. A Brief History of the Twenty-first Century. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2006. P. 326.

Как пережить экономический кризис

малось в 1957 году «вызовом спутника», а в 1961 году «вызовом Гагарина». Американцев уже не захватывает с прежней силой способность страны высадиться на Луне, они без особого энтузиазма, без реакции того или иного вида наблюдают продвижение своих иностранных сверстников в математике, естественных науках, в инженерном деле. В огромных американских университетах запись на естественные науки и инженерные специальности долгое время постоянно росла, пока не достигла пика в 1993 году — после чего начался неумолимый спад, продолжающийся по сию пору.

Родовой признак американцев как нации — их техническая сноровка стала уступать дивану и телевизору, соблазну отдыха на песках Флориды или Вайкики. Поколение инженеров, посадивших Нейла Армстронга на Луну, стало терять позиции. Оно теряет в глазах все большего числа американцев привлекательность, теряет гламур фантастической жизненной дороги. В этом случае — и во многих других — психологическая природа дает американскому обществу сигнал о реальной долговременной опасности, грозящей экономическику здоровью Соединенных Штатов, их благополучию, их месту в мире.

В действие вступили многочисленные, сложные по своему определению силы — демографические, политические, экономические, культурные, социальные. Старшее поколение с грустью замечает: «Впервые за период более продолжительный, чем столетие, Соединенные Штаты обнаруживают себя находящимися позади других стран по способности к научным откры-

Анатолий Уткин

тиям, инновациям и экономическому развитию»¹. Энергия пара, хитроумные машины, электричество и, наконец, компьютеры и Интернет дали отдельным индивидуумам возможность проявить большую продуктивность, привели в страну создателей чипа и «Гугла». Но время индустриального броска и информационная эпоха уступают место *эре талантов*. Отныне победителем будет тот, кто с наибольшей скоростью привлекает к себе таланты. Америка прежде славилась этой особенностью, но теперь иммиграционная служба США и прочие службы склоняются к изоляционизму *a la Патрик Бьюкенен*.

По мнению журналиста из «Нью-Йорк Таймс» Томаса Фридмана, богатство в век глобализации возникает в тех странах, которые преуспевают в трех отношениях: 1) создание совершенной инфраструктуры; 2) эффективная образовательная программа, при которой знания служат общеполезному обновлению общества; 3) продуманная налоговая политика, обоснованные инвестиции, благоприятные торговые законы, поддержка исследований и, главное, вдохновляющее руководство.

Увы, Соединенные Штаты испытывают сложности во всех трех случаях. Америка не сумела измениться на крутом историческом повороте, как прежде приспособиться к веку информатики и биотехнологии. Противостоя в «холодной войне» Советскому Союзу, американское общество испытывало угрозу извне

¹ Ibid. P. 328.

Как пережить экономический кризис

и оказалось неготовым встретить угрозы *изнутри* — соответствующее времени и внутренним потребностям налогообложение, оптимальное инвестирование, взаимовыгодные торговые законы, поддержка научных исследований, подлинная защита интеллектуальной собственности в цифровом мире. Может быть, виноват внешний мир? При первых же признаках кризисных явлений в американской экономике американцы (совместно с японцами и южнокорейцами) обратились против китайцев, стали настаивать на *ревальвации* юаня, имеющего с 1994 года фиксированный курс в отношении доллара (8,3 юаня = 1 доллару США). Американские фирмы хотели бы видеть ревальвацию переводного юаня на 30—40 процентов, чтобы ослабить товарный поток необоримой китайской продукции в США.

■ Глава восьмая

Наше время: тихое вплзание в кризис

Прежде Соединенные Штаты были островом — островом нововведений и растущих доходов.

Америка стала магнитом для мирового капитала и мировых талантов.

Наша валюта стала мировой валютой, и все лучшие умы хотели работать у нас.

Эту ситуацию мы считали гарантированной. Другие страны не имели этих преимуществ. Эта ситуация подходит к концу¹.

Томас Фридман, 2006

Историческая остановка

Классическая триада — рассказ о трех поколениях одной семьи. Первое поколение, не щадя себя, вставало с зарей, трудилось не покладая рук, прилагая умение, выдумку и старание. Второе поколение постаралось сохранить наследство. Но третье поколение потеря-

¹ Friedman Th. The World is Flat. A Brief History of the Twenty-first Century. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2006. P. 343.

Как пережить экономический кризис

ло самодисциплину и мускулистость своих предков, окунулось в лень и стало просаживать дедовско-отцовские богатства.

Это бесшабашное прожигательство обнаружилось в Америке в момент пиковых успехов как внутри страны, так и за ее пределами — в 1990-е годы. Информационный бум, сотни миллиардов долларов Билла Гейтса фантастически действовали на *третье* (после окончания Второй мировой войны) поколение. Корпеть над инженерными проектами? Отдать лучшие годы жизни университетской зубрежке? Отдать магистерской степени светлый зенит бытия? Предшествующие полстолетия были американскими, и нет оснований сомневаться в грядущем полустолетии. Отдадимся же быстротекущей радости бытия. Тем более, что китайцы, индузы или восточноевропейцы — с радостью выполнят прежнюю американскую работу, ведь им так нужны доллары.

Был момент, когда страну можно было призвать заучить рукава и заглушить ростки гедонизма — обновить исконно американские доблести: трудолюбие, бережливость, страсть к образованию. То было страшное утро 11 сентября 2001 года. Но президент Буш призвал американцев ни более ни менее, как «продолжать шопинг». Всё не клич готовиться к жестокой конкуренции. Всех успокаивает еще отсутствие подлинных раскатов, не блеснула еще молния, зато молы всех крупных торговых центров ломятся от уникальных соблазнов, порожденных наукой и индустрией.

Когда в 2001 году в Дохе начался раунд международных переговоров по снижению тарифов, баррель нефти стоил 25 долларов, а тонна риса — 170 долларов; китайский запас долларов составлял лишь 2 процента национального ВНП. Возник термин «суворенный доходный фонд».

Мягкое движение вниз

Сейчас мы видим даже уменьшение численности иностранных студентов в США на 14 тысяч. Все меньше шансов на то, что президенты азиатских стран выйдут из американских университетов, как, скажем, нынешний президент Филиппин Глория А罗ия (окончившая Джорджтаунский университет).

Быстрота происшедших изменений не позволила Вашингтону нащупать верную стратегию.

Взобравшиеся на вершину мировой пирамиды американцы оказались неспособными дать ясный анализ того, что им несет бурный подъем Китая. При этом «культура, — как формулирует один из ведущих социологов нашего времени И. Валлерстайн, — всегда была орудием сильнейшего»¹. Как и информация в целом. Определяемые Западом современные капиталистические ценности получили преобладающую идеиную

¹ Wallerstein I. Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 193.

Как пережить экономический кризис

значимость. «С падением коммунизма, — пишет английский исследователь А. Ливен, — альтернативные модернизации идеологии были попросту элиминированы... Экономические элиты России формируют мощный классовый интерес в мирном поддержании мировой рыночной экономики»¹.

Образование всегда было основой национальной мощи Соединенных Штатов. Выйдя в первой трети XX века на первое место по индустриальным показателям, Америка занялась устройством своей образовательно-культурной системы. Именно в это время начальная стадия образовательного процесса оказалась переданной местным властям, местным школьным советам. Локальным «коммюнити» было позволено создавать школы по своему желанию; был принят свой собственный подход организации школьной системы. В отличие от большинства стран, основывавшихся на национальной системе или на системе отдельных «земель-штатов» (как в Германии), «внутренняя» Америка сама выбирала школьное расписание, обязательные учебники, характер оплаты учителей. Все это росло в объеме по мере «переезда» основной массы американского населения в ближние и дальние пригороды. После Второй мировой войны вокруг «метрополий» сформировались огромные пригородные районы.

¹ Lieven A. The Secret Policeman's Ball: the United States, Russia and the International Order after 11 September // International Affairs, 2002. V. 78, № 2. P. 246.

Анатолий Уткин

И что же это значило для образования? Фактически это означало, что богатые люди отдельных графств, стремившихся поселиться рядом друг с другом, «облагали друг друга» сравнительно небольшими налогами и поддерживали образовательный процесс на приличном уровне. Богачи приглашали талантливых преподавателей, умелых школьных менеджеров, которые создавали внушительное расписание, солидный список предметов.

Но уже тогда обнаружился дефект, который с годами был все более ощутим: в бедных углах Америки школьная система отражала скучный доход местного населения. Приглашались самые нетребовательные учителя, перед всеми стояла проблема социальной несправедливости и общего выживания, что обостряло социальный вопрос и вообще зарождало у учеников «роковые вопросы».

И если в других индустриально развитых странах создавалась единая общеприемлемая система школьного образования со стандартным расписанием, то в вольнолюбивых штатах богач учил своих детей лучше, чем наемные рабочие. Это неизбежно отразилось на социальном аспекте образовательной системы. Примиряющим фактором было укрепившееся массовое производство. Элита учились осуществлять новации, дети наемных рабочих работали на конвейере. Знания распределялись соответствующим образом: творческие начала в богатых школах, примитивные начальные знания в обшарпанных школах бедняков. Все это было до-

Как пережить экономический кризис

пустимо и казалось приемлемым, пока конвейерные рабочие получали весьма приличную заработную плату и стали подъезжать к своим заводам на собственных автомобилях.

Но промышленного производства, прогресса не остановить, и автоматизация стала вытеснять носителей примитивного труда. Хорошо оплачиваемые места все больше нуждались в знаниях. В Америке немало городов, где дымившие полвека назад заводы сейчас представляют собой своеобразный музей индустриализации. А бедные школы лишились смысла своей работы — они отстали, выпускников никто не брал, работа удалилась в Мексику или в Китай, впереди социально-культурный тупик. Если местная община не улучшала образования, то многие выпускники располагались между пособием по безработице и тюрьмой.

Сложилась система, «живая» по сию пору: начальное и среднее образование в США отстает от высшего образования и того, что мы называем аспирантурой.

Ухудшающееся образование для верхних классов

Наиболее серьезная проблема среди всех — проблема ухудшающегося американского образования. Молодое поколение не только не получает необходимого образования, ему не прививается даже минимальный инте-

Анатолий Уткин

рес к наукам — к высшей математике, естественным наукам, инженерному делу. Выставку достижений в естественных науках посетили в США 65 тысяч человек. В Китае же за право посещения выставки участвовали шесть миллионов молодых людей. Китай получил на этой выставке в 2004 году 35 наград, включая одну из трех самых главных. Специализированная американская пресса отметила, что «60 процентов лучших участников выставки, 65 процентов наиболее эффективных математиков — являются детьми недавних иммигрантов... Их родители поощряют детей изучать математику и естественные науки... Американские чиновники, которые поддерживают исключительно запретительную иммиграционную политику, рисуют блокированием технологических и общенациональных подходов»¹.

И ситуация не обещает разрядиться. Каждые четыре года Соединенные Штаты оценивают учащихся между четвертым и восьмым классом. В последнем обзоре принимали участие полмиллиона учащихся из сорок одной страны — на *тринадцати* языках (самое большое контрольное предприятие в мире). Выяснилось (согласно агентству Ассошиэйтед Пресс), что в математике и естественных науках тон задают *азиатские страны*. Самые высокие оценки получили восьмиклассники в Сингапуре (44 процента). За ними следовал Тайвань с 38 процентами. Школьники Соеди-

¹ Education Week. 2004, July 28.

ненных Штатов получили лишь 7 процентов высоких оценок.

Следующий конкурс, который последовал в декабре 2004 года, обнаружил, согласно Программе международной ученической оценки, что пятнадцатилетние американцы опустились значительно ниже срединной черты международного уровня. Журналисты назвали преподавание математики в американской средней школе «черной дырой» американского образования.

Сами американские студенты признают, что их «культура направлена на развлечения». Даже в таком университете, как Йельский (звезда «университетов, увитых плющом» — наиболее старых и престижных). «Йельская школа бизнеса выдвигает из своих рядов президентов университета, и они великолепны в этом качестве. Но университет не производит ученых. Президенты университета не представляют университет для развития науки, потому что ими не овладела любовь к ней в их студенческие годы, — и кто олицетворяет эти качества лучше, чем бывший президент Буш?.. Американцы, которые желают быть адвокатами, начали глушили все посягательства тех, кто хотел быть инженерами и учеными в 1970-е и начале 1980-х годов. Затем, с бумом информатики поднаторевшие в электронных программах и желающие поступить в школы бизнеса — чтобы получить магистерскую степень, стали оттеснять студентов инженерных специальностей и юристов в 1990-е годы»¹.

¹ Friedman Th. Op. cit. P. 338.

Анатолий Уткин

Да, американская культура еще производит творчески продуктивных ученых и инженеров, хотя другие культуры сокращают отставание от США с примечательной скоростью, поскольку они обращены к технически фундаментальным дисциплинам и их «новорожденный» интерес способствует созданию более творческих подходов к образованию в их собственных государственно-социальных системах.

Америка совершила существенную ошибку, когда общественные школы изгнали из своего расписания искусство и музыкальное образование. Разумеется, немалое число семей сохраняет духовную обстановку, но общий климат общества все более противится серьезному творчеству. Трудовая этика — вот в чем Азия начала догонять и обгонять Америку. Получается так, что проблема даже не в утере интереса к математике и естественным наукам, проблема в значительной утрате прежней знаменитой протестантской трудовой этики.

Общенациональный американский тест показал, что начитанность в английской литературе за последнее десятилетие упала значительно. Чрезвычайно упал интерес к английской литературе среди испаноязычного населения. Только 40 процентов населения в 1992 году показали способность читать сложные английские тексты. Эта цифра снизилась до 31 процента в тесте 2006 года. «Специалисты считают, что образованность выпускников колледжей упала из-за того, что растущее число молодых американцев в последние годы проводит свободное время за телевизо-

ром и блуждая по Интернету. Мы наблюдаем серьезный упадок в чтении для удовольствия, и это негативно сказывается на нашем уровне образованности и начитанности»¹.

Новый демографический взрыв

После ослабления иммиграционных препон в 1965 г. в Соединенные Штаты хлынул поток иммигрантов, среди которых никак не преобладали европейцы, и в определении национальной идентичности стало терять свое значение *расовое* определение. Между 1965 и 2007 годами в Соединенные Штаты въехало более 30 млн иммигрантов. В середине 1960-х годов количество въезжающих в США иммигрантов составляло примерно 300 тыс. человек ежегодно. В начале 1970-х эта цифра выросла до 400 тыс. ежегодно, а в начале 1980-х достигла 600 тыс. въезжающих в год.

Затем произошел примечательный скачок. Цифра иммигрантов в США переваливает за миллион человек в год. В 1990-е годы американское правительство подняло лимит официальной иммиграции с 270 тыс. человек до 700 тысяч. Если в 1980-е годы в Америку прибыло 7 338 062 человека, то в 1990-е — 9 095 417 человек². В десятилетие 1990-х годов население США за

¹ The New York Times. 2005, December 16.

² U. S. Immigration and Naturalization Service, 2000 Statistical Yearbook. N/E. 2007.

Анатолий Уткин

счет иммиграции увеличилось более чем на 9 млн человек. Если в 1960 году доля рожденных за пределами США граждан составляла 5,4 процента, то к 2004 году эта доля увеличилась до 11,5 процента¹. Последняя волна иммиграции в США отличается своей массовостью и своего рода неудержимостью. И еще — местом происхождения.

В своем большинстве, как уже было отмечено, иммигранты прибыли не из Европы, а из Латинской Америки и Азии (почти четверть из них прибыла незаконно). Необходимость в рабочей силе в значительной мере стимулировала иммиграционный поток.

Рожденные за пределами США граждане этой страны представляли свои страны так:

1960 год		2000 год	
Страна	Численность рожденных в ней американцев (тыс.)	Страна	Численность рожденных в ней американцев (тыс.)
Италия	1 257 000	Мексика	7 841 000
Германия	990 000	Китай	1 391 000
Канада	953 000	Филиппины	1 222 000
Британия	833 000	Индия	1 007 000
Польша	748 000	Куба	952 000 ²

¹ U. S. Census Bureau. Statistical Abstract of the United States. N.Y, 2001. P. 45.

² Huntington S. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. N. Y.: Simon and Schuster, 2004. P. 196—225.

Переехавшее из указанных стран население сохраняет теснейшие связи со своей прежней родиной. В то же время увеличивается число стран, позволяющих формировать двойное гражданство, прежде всего латиноамериканских стран. Между 1994 и 2003 годами прибывающим из примерно двадцати стран активной иммиграции в США разрешено двойное гражданство. В течение этих лет из 2,6 млн прибывших в США иммигрантов 2,2 млн (86 процентов) сохранило двойное гражданство. Мексиканские консульства стали поощрять мексиканцев в США принимать американское гражданство, сохраняя при этом и мексиканское. Численность иммигрантов с двойным гражданством в Соединенных Штатах превышает 7,5 млн человек. Три четверти из 10,6 млн родившихся за пределами США американских граждан являются также гражданами еще и другой страны.

Демография — это судьба, особенно в условиях валютно-финансового кризиса. Нуждаясь в молодой рабочей силе, чиновники иммиграционной службы готовы даже к некоторой дехристианизации. С марта 1948 года президент США не называл американскую нацию *христианской*. А в феврале 2008 года архиепископ Кентерберийский Роэн Уильямс в прямом эфире английского телевидения заявил о неизбежности введения в стране норм шариата. Благоприятным для Соединенных Штатов обстоятельством является то, что среди американских арабов *мусульманами*

Анатолий Уткин

являются лишь 24 процента¹. Уже сейчас Бюро переписи США определяет численность расовых меньшинств 35 процентами населения страны. Еще выше доля малых этнических групп среди детей дошкольного возраста — 45 процентов. Это красноречиво свидетельствует о том, каким будет этнический состав Соединенных Штатов уже через 20 лет.

В местах компактного проживания мигрантов экономика идет к *архаизации*. Возрождается примитивное сельское хозяйство, а промышленность деградирует за неимением квалифицированных кадров. С уходом на пенсию белых большинство среди работающих американцев составят цветные. Экономика окажется в руках тех, кто является американцем лишь формально, из капиталистической она превращается в феодальную.

Амбиции молодежи

Ответственные американцы признают, что, передавая рабочие места за границу (*outsourcing*), они не только экономят 75 процентов на зарплате, но получают 100-процентный выигрыш в росте производительности труда. Секрет не только в том, что индийский оператор работает дешевле. Дело все больше в том, что резко увеличивается качество и произ-

¹ РБК. 2009. № 1. С. 46.

Как пережить экономический кризис

водительность труда. Индус из Бангалора делает работу двух или трех европейцев, и он не просит шестинедельного отпуска. Преподаватель из Сан-Антонио признает, что на всем огромном курсе согласился бы взять одного, максимум — двух американских студентов. Иностранные, особенно индусы, делают работу, которая раньше была доступна лишь американцам. «Мощь мозга против моци мозга — вот где иностранцы выигрывают. Если конгресс примет закон, запрещающий прибытие индусов, мы (американцы) будем иметь программы, которых никто не знает, с которыми никто не может обращаться»¹.

Иммигранты из Восточной Европы удивляются тому, что их прибывшие в Америку дети не имеют в домашней библиотеке научной литературы, почему в школе не изучают базовые дисциплины индустриального века. А родители стопроцентной Америки жалуются на сложность учебников. Их больше интересует футбол, гимнастика, пикники на природе. Американскоe кредо: «Дети должны иметь fun, дети должны иметь удовольствие». Но критично настроенные американцы отвечают, что «мы оглуляем самих себя. Мы самонадеяны, и нас ждут испытания». Напомним, что штаты Канзас и Джорджия в свое время запретили преподавать учение Дарвина об эволюции.

¹ Friedman Th. Op.cit. P. 342.

Чего боится Америка?

Она боится того, что через десять лет Китай резко повысит уровень преподавания в своих средних школах и в университетах. «Мы не можем повесить замок на хранилище передовых идей», — говорят американские профессора. Федеральная комиссия 2007 года, старавшаяся определить «будущее американских инноваций», пришла к неутешительному выводу: расходы на физические, математические науки и инженерное дело уменьшились между 1970 и 2005 годами на 37 процентов¹. Худшее случилось далее. В финансовом 2005 году конгресс урезал расходы Национального научного фонда, ответственного за образование и исследования, на 1,9 процента (105 млн долл.). Отдел науки министерства энергетики получил в 2006 году «прибавку»: 0,9 процента. В рамках общества это, несомненно, кризисные явления.

Для того чтобы Америка была готова к вызовам XXI века, она должна увеличивать федеральные расходы на исследования на 10 процентов в год в течение семи лет². Было рекомендовано увеличить гранты — по полмиллиона долларов на протяжении пяти лет двумстам тысячам исследователей. Сенатор Эллерс (Мичи-

¹ Task Force on the Future of American Innovation. Washington, 2004. P. 47.

²National Academy of Sciences, National Academy of Engineering, Institute of Medicine. «Rising Above the Gathering Storm». Washington, 2006. P. 106.

Как пережить экономический кризис

ган): «Мы не можем надеяться на успешную борьбу за рабочие места на международной арене, не имея хорошо образованной рабочей силы».

После бума 1991—2001 годов наступил неизбежный спад. С марта по декабрь 2000 года индекс NASDAQ потерял половину своей стоимости. В абсолютном выражении спад был заметным. Цена на нефть превысила 30 долларов за баррель. Глава ФРС Аллан Гринспен сказал новоизбранному президенту Бушу-младшему, что существуют «настораживающие признаки»¹.

Америка начала ежегодно терять свое место в мировой экономике. Согласно оценке Национального научного совета США, процент научных работ, написанных американцами, в международных изданиях сократился с 1992 года на 10 процентов. Процент американских работ, опубликованных в ведущем физическом журнале «Физикал Ревью», упал после 1983 года с 61 до 29 процентов. А конкуренты не дремлют. Между 1980 и 2005 годами доля Японии в общей массе мировых промышленных патентов возросла с 12 до 21 процента, доля Тайваня с 0 до 3 процентов. За то же время доля Соединенных Штатов уменьшилась с 60 до 52 процентов.

К 2007 году Соединенные Штаты опустились с четвертого на *тринадцатое* место в мировом списке

¹ Гринспен А. Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. С. 208.

пользователей Интернета. Число пользователей Интернета в США ныне почти вдвое меньше, чем в Южной Корее (24,9 пользователя на 100 человек населения, а в США — 11,4 пользователя.) Америку впервые обошли такие страны, как Норвегия, Израиль и Финляндия. «И агрессивная политика в данном вопросе Франции, которая увеличила своих 5,61 пользователя почти вдвое к концу 2003 года — и до 11,2 к концу следующего года, поставила страну на семнадцатое место — всего на одну строку ниже Соединенных Штатов»¹. Сегодня большинство домов в США имеют доступ только к «базовым» функциям Интернета. Американский Интернет — один из самых медленных среди развитых стран мира. «Это отставание — результат неумения администрации Буша придать приоритет развитию этих сетей. Фактически Соединенные Штаты являются единственным индустриальным государством, не имеющим отчетливо выраженной национальной политики в сфере Интернета»².

Буш и его окружение ясно определили, что их приоритетом являлись снижение налогов, ракетная оборона и война с терроризмом — а вовсе не укрепление американской экономики. Рано или поздно, но Америка будет вынуждена заплатить за это отставание³.

¹ The National Journal. 2005, April 25. P. 23.

² Foreign Affairs. 2005, May/June. P. 54.

³ Friedman Th. Op. cit. P. 351.

Как пережить экономический кризис

В Пекине здание министерства образования — самое новое и современное. В Вашингтоне редкий прохожий знает, где находится американское министерство образования. И это в условиях, когда мировая экономика за последнюю четверть века потеряла свою стабильность.

Президент Буш действовал по принципиальным соображениям: он не хотел иметь нового рузвельтовского «Нового курса» в XXI веке, хотя даже представители большого бизнеса и ведущие деятели науки (президент ИБМ Сэм Пальмизано и президент Джорджийского политехнического университета Уэйн Клаф) призывали нацию к концентрации плановых усилий. Буш отвергал «большое государство». Правящие силы *еще не чувствовали* того «тихого» кризиса, который охватил могущественную Америку.

В XXI веке всемогущая Америка оказалась во все более возрастающей степени окружённой конфликтами, страхом, смятением, отчаянными попытками «остановить время». *Кризисными* явлениями. А как иначе, если Соединенным Штатам не удается выполнить свое обещание создать мировую либеральную утопию, посредством поражения внесистемных движений создать *новое общество*, «где все поют». Если американцы не сумеют продемонстрировать способности к действенному и хладнокровному анализу, не сумеют соединить эффективность с гуманизмом, их будущее не может не стать блеклым. Американское будущее оказалось похожим на движение автомоби-

Анатолий Уткин

ля с поврежденными тормозами вниз по склону горы. Самое большее, что американцы смогут сделать, — это попытаться так сманеврировать, чтобы свести непосредственный ущерб себе к минимуму. Многое будет зависеть от их способности хладнокровно анализировать происходящее.

■ Глава девятая

Второй великий кризис

Очевидно, что США должны были сделать гораздо больше, чтобы ограничить уровень заимствований, раздувающих стоимость недвижимости, и могли сделать больше, чтобы ограничить наращивание рискованных инвестиций. Непонятно, почему американские финансисты пребывали в убеждении, что мир с такими дисбалансами может быть устойчивым. Но эта убежденность существовала, и регуляторы предпочитали не бросать песок в механизмы плавно работающей финансовой системы. Американцы надеялись на иностранное инвестирование, и кредиторы не сокращали его объемы, несмотря на растущие в американской экономике дисбалансы.

Первые признаки

В начале XXI века стало складываться впечатление, что спасенная Рузвельтом капиталистическая система начала давать сбои, начиная с 2007 года. Сегодня все главные экономики мира замедляют свой

рост, ставя всех на порог глобального спада. Масштаб начавшегося кризиса явился неожиданностью для большинства специалистов. Однако некоторые ученые и финансисты достаточно точно спрогнозировали нынешнюю ситуацию несколькими годами раньше. (Одним из таких «ясновидцев» явился экономист из влиятельнейшей общественной организации «Council on Foreign Relations» Брэд Сетсер, чьи исследования стали одними из самых цитируемых в современной научной литературе.)

Во-первых, в 2001 году прекратился этап бурного экономического подъема, характерный для президентства Клинтона. Достигнув цифры 14 трлн долл. валового национального продукта, экономика США значительно ослабила свой бег, вступив в фазу депрессии. Индекс NASDAQ — индекс развития высоких технологий — ослаб, развеивая мифы о возможности преодоления экономического цикла посредством информационной технологии.

Во-вторых, Америка перестала быть соблазнительным местом для инвестирования. Напомним, что в клиントоновскую Америку из внешнего мира шли 200—300 млрд долл. инвестиций *ежегодно* — так привлекателен был самый богатый рынок мира. Но благоприятная эта тенденция (которую связывали с успехами глобализации) оборвалась. В 2000-е годы американская экономика привлекает только 20—30 млрд долл. в год — зловещий признак. Капиталы идут в другом направлении. Если бы кредиторы еще более снизили объ-

Как пережить экономический кризис

ем финансирования, это могло бы ослабить ударную волну кризиса.

Во-третьих, по мнению растущего числа экономистов, «упадок и падение американской империи произойдет не из-за стоящих у ворот террористов, и не в свете помощи террористам государств-изгоев, но из-за фискального кризиса современного американского государства»¹. Какие налоги обещает масса испаноязычных иммигрантов с полей Калифорнии и Техаса? В ближайшие пять лет 77 млн американцев, родившихся в эпоху демографического бума, выйдут на пенсию и начнут — не увеличивать налогами американский федеральный бюджет, а поглощать его — получать пособия по социальному обеспечению. Через восемь лет они станут пользоваться системой «Медикеэр». К тому времени как все они выйдут на пенсию в 2030 году, пожилое население США увеличится вдвое, а число обеспечивающих их благосостояние — только на 18 процентов. В то же время военные и прочие федеральные расходы после сентября 2001 года заставили Бюджетную службу конгресса предсказать рост бюджетного дефицита в ближайшие десять лет до 2,3 трлн долл. Долг американского государства за это время увеличится на 9,1 трлн долл.².

¹ Ferguson N., Kotlikoff L. Going Critical // The National Interest. Fall 2003. P. 31.

² Ferguson N., Kotlikoff L. Going Critical // The National Interest. Fall 2003. P. 24.

Анатолий Уткин

В-четвертых. Прежний индустриальный центр мира теряет свою промышленную хватку. В ближайшие 20 лет начнут уходить на пенсию дети «бэби-буна», а их дети вовсе не собираются избирать инженерное дело и естественные науки своей профессией. За двадцать лет интерес к инженерным специальностям упал почти на 20 процентов. Америку спасают образованные иностранцы, обладающие необходимыми степенями. Но и здесь у США не все гладко. Численность желающих окончить американские вузы по указанным специальностям уменьшилась на 12 процентов¹. (При этом численность китайцев, записавшихся на указанные профессии в американские университеты, увеличилась на 45 процентов.)

Современная слабость Америки заключается в том, что взрывное поколение тех, кто ответил на советский вызов «Спутника» и речи президента Кеннеди, подходит к своему пенсионному периоду, а на смену ему едет разноликий людской поток, значительно менее вдохновленный идеей сохранения американского лидерства в мире. Тяга к знаниям уже не та. Согласно данным Национального фонда науки, половина американских ученых и инженеров уже перешагнула за сорок лет, и их средний возраст быстро растет. Примером может служить Национальное агентство исследования космоса и воздухоплавания: почти сорок процентов из 18 146 сотрудников НАСА достигли пятиде-

¹ New York Times. 2004, December 21.

сяти лет¹. Двадцать два процента сотрудников НАСА старше 55 лет. Тем, кому за шестьдесят, превосходят не достигших тридцати лет в соотношении три к одному. Только 4 процентам служащих НАСА не исполнилось еще тридцати лет.

Национальная Комиссия по математике и наукам XXI века, во главе которой стоял астронавт и сенатор Джон Гленн, определила, что *две трети математиков* страны и учителей естественных наук выйдут на пенсию до 2010 года. Национальный Совет по науке пришел к выводу, что «наблюдается вызывающее беспокойство уменьшение численности американских граждан, готовящихся овладеть естественными науками и инженерным делом, в то время как потребность в них постоянно увеличивается»². Численность американцев от 18 до 24 лет, получивших ученые степени, опустилась на семнадцатое место в мире (тридцать лет назад США были по этому показателю на третьем месте).

Из 2,8 млн студентов, получивших в 2003 году степень бакалавра в естественных науках и инженерном деле, 1,2 млн были азиатскими студентами, получившими ученую степень в азиатских университетах; 830 000 азиатов получили эту степень в европейских университетах — и только 400 000 обрели ее в США. Заметим при этом, что степени в естественных науках и инженерном деле составляют 60 процентов всех сте-

¹ Florida Today. 2004, March 7.

² Science and Engineering Indicators. Washington, 2004.

Анатолий Уткин

пеней бакалавра, полученных в Китае, 33 процента — в Южной Корее, 41 процент на Тайване — и только 31 процент в Соединенных Штатах. Произошел перелом. Если ситуацию не исправить до 2020 года, то положение в целом изменится в противоположном американским интересам направлении.

В-пятых. Беспрецедентный по длительности период роста создал иллюзию, что экономическая система, основанная на пирамиде долгов, способна сама поддерживать свое существование неограниченно долго. В реальности же Америка могла жить расточительно лишь до тех пор, пока внешний мир сохранял доверие к ее экономическим рецептам — и будет готов инвестировать в США. За 20 лет разрыв между долгом и экономической производительностью Америки резко увеличился. Долг вырос со 150 до 355 процентов валового национального продукта страны (сочетание государственного долга, банковского долга и долга отдельных граждан).

В-шестых, программа международной финансовой глобализации удалась лишь частично. Глобальный характер мировой экономики позволил переводить азиатские и российские сбережения в регионы развитого капитализма — прежде всего в США, и финансировать растущий долг. Япония застыла в своем развитии с 1990 года, а в 1998 году обнажилась уязвимость тихоокеанских «тигров», Мексики, Аргентины, Индонезии и, конечно, России. Выдвигаемый в качестве схемы мировой финансовой либерализации так называемый «华盛顿ский консенсус» оказался губительным для

Как пережить экономический кризис

возникающих и растущих экономик Азии и Латинской Америки. Ведущие страны начали очередной виток протекционизма. Одна только «стальная война» вызвала резкое отчуждение между Соединенными Штатами и Европейским Союзом, Россией, Японией, Южной Кореей и Бразилией. За последние 5 лет 44 процента международных долговых обязательств оплачиваются в *евро*, а 48 — в долларах. Ослабление мировой финансовой системы не может не влиять на американскую экономику.

Не Америка, а Китай стал самым притягательным направлением иностранного инвестирования, в результате ослабло экономическое основание мощи Америки. США сегодня пользуются меньшим влиянием, чем десятилетие назад, — и этот баланс продолжает меняться не в пользу Америки — в основном из-за того, что американский рынок ослабляет свою значимость для стран американского континента и в свете растущей зависимости Америки от иностранного капитала.

В-седьмых, ныне более 50 процентов готовых товаров и продуктов, потребляемых Соединенными Штатами, импортируются (рост с 31 процента в 1987 году). США ныне нуждаются в 600 млрд долл. ежегодно, чтобы *оплатить* этот импорт и покрыть дефицит внешней торговли. Международный долг США дошел до 30 процентов внутреннего валового продукта. Америка как бы повторяет судьбу имперской Британии, которая в 1913 году экспортировала

Анатолий Уткин

огромные объемы капитала — 9 процентов своего валового продукта, финансируя Соединенные Штаты, Канаду, Австралию, Аргентину, а после Первой мировой войны превратилась в их должника. Подобным же образом США после Второй мировой войны инвестировали в весь мир.

В текущее время Центральный банк Китая стал крупнейшим покупателем ценных бумаг министерства финансов США и совместно с Японским центральным банком обеспечивает покрытие почти 45 процентов текущего дефицита расчетов США. Такой уровень внешнего долга обычно характерен для слаборазвитых стран — он делает страну-должника зависимой от экономических решений, принимаемых другими.

Американцы на протяжении трех десятилетий тратили с каждым годом все больше, доведя свои расходы до 10 трлн долларов. А сбережения каждого американца составляют всего 0,5 процента от его заработка¹. В то же время объем задолженности домохозяйств сравнялся с суммой ВВП страны, увеличившись вдвое с 1980 года. Выплаты по кредитам стали отнимать почти 14 процентов от ежемесячного дохода, что является рекордным показателем. А зарплаты, с поправкой на инфляцию, снижались в течение всего 2008 года. Очевидно, что американским потребите-

¹ Абруццезе Л. Придержим наши денежки // РБК. 2009, январь. С. 30.

лям, привыкшим за последние десять лет транжирить деньги, скучая переоцененные дома, огромные автомобили и последние новинки электроники, сдедовало бы остановиться.

Ключевым структурным дисбалансом в мировой экономике стал огромный дефицит платежного баланса — 1 трлн долл. США (вкупе с увеличивающимся европейским дефицитом) и невиданный профицит платежного баланса в быстро развивающихся странах БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай). В результате, как пишет американский экономист Брэд Сетсер, «капитал фактически двигался вверх по склону. Финансирование перетекало от бедных стран, таких, как Китай, к более богатым странам — прежде всего к США. И, по крайней мере, в течение большей части этого периода капитал перемещался из стран с ревальвирующимися валютами, которые приносили высокий доход, в страну с обесценивающейся валютой и низкой доходностью. Данному дисбалансу на глобальном уровне соответствовали дисбалансы внутренние. С одной стороны, американские домохозяйства имели низкую норму сбережения и вкладывали капитал в жилую недвижимость. Практически, они были крупнейшими нетто-заемщиками в глобальной экономике. С другой — домохозяйства и правительство Китая являлись крупнейшими нетто-кредиторами. Сформировавшаяся система, в которой китайский бизнес оказался способен финансировать большинство своих инвестиций из сохраненного дохода,

Анатолий Уткин

позволила стране стать основным источником кредита в мировой экономике. Уровень потребления в КНР является очень низким по причине необычайно высокого уровня потребления в США, а уровень сбережений в США стал низким из-за высокого уровня сбережений в Китае»¹.

Когда кризис уже начался в 2007 году, остальная часть мировой экономики продолжала расти, что породило явление, именуемое *декаплингом*. Это объясняется рядом обстоятельств. США — важнейший источник спроса на выпускаемую в мире продукцию. Потребление составляет значительную долю валового национального продукта Америки. Рост потребления в этой стране отражается во всемирном объеме. А падение — проблема для тех, кто полагается на нее, чтобы восполнить нехватку потребительского спроса в своих собственных экономиках. Но США — не единственный источник спроса в мировой экономике. К настоящему времени американский дефицит платежного баланса плавно падает уже более чем год. Европейские и экспортирующие нефть экономики, которые тратили больше нефтедолларов, были главными двигателями мирового роста за прошлый год — по крайней мере, в отношении потребительских товаров. Китай был главным двигателем роста в спросе на сырье. Сейчас началось торможение всех этих двигателей.

¹ Сетсер Б. Нас ждут времена ослабления США // РБК. 2009, январь. С. 40.

Как пережить экономический кризис

Множество стран сохраняет привязку своих валют к доллару. Поэтому их валюты имеют тенденцию падать, когда падает доллар, и расти, когда тот растет. Эти страны импортируют, по-существу, американскую монетарную политику. В результате замедление экономики США, которое ведет к понижению американских процентных ставок и к падению доллара, противоречиво воздействует на мировую экономику: уменьшение спроса в США негативно действует на мировую систему. Более мягкая американская монетарная политика стимулирует мировой рост. Тот факт, что так много стран импортировали американскую монетарную политику, стал одной из причин того, что мировая экономика не сразу замедлилась вслед за США. Ряд стран, которые добились большего роста, чем Америка, импортировали денежно-кредитное ослабление США 2007 года, и это первоначально стимулировало их собственные экономики. Еще недавно реальные процентные ставки были отрицательными во многих новых развивающихся странах. В 2007 году ни Китай, ни нефтеэкспортирующие страны не нуждались в более слабой валюте или более свободной монетарной политике, но как раз это они получили, импортируя финансовую политику США. Это же сделала и Россия, хотя связь здесь не была столь очевидной из-за ориентации рубля на бивалентную корзину.

В ноябре 2008 года нефть стоила 65 долларов за баррель; рис — 515 долларов за тонну. У Китая и нефтедобывающих стран были многие триллионы долларов. Финансовая система Америки находилась в середине

Анатолий Уткин

наихудшего финансового кризиса со времен Великой депрессии — между социализацией и стагнацией. В июле 2008 года произошли очередные столкновения договаривающихся сторон. Британский премьер Гордон Браун оказывал немыслимое давление на результат завершения Раунда Дохи.

Обнаружилась существенная важность хорошего состояния американской экономики для глобальной финансовой системы. Если банки США испытывают проблемы с финансированием, они не могут предоставить кредиты банкам Европы и новым индустриальным государствам. В последние месяцы воздействие этого кредитного сжатия пересилили стимулирующий эффект денежно-кредитного ослабления США. А необходимость расплатиться по долларовым кредитам создала восходящее давление на доллар, и его курс вырос, несмотря на то что экономическое развитие США замедлилось.

В 2000—2001 годах началось необузданное печатание долларов Федеральной резервной системой США с целью смягчить последствия краха доткомов. Чем дольше американцы отказывались больше работать и меньше потреблять (как делают китайцы), тем громче хлопнул в 2008 году мыльный пузырь американской экономики. Отсутствие ограничений поощрило к спекуляциям, все возрастающая сложность которых соперничает лишь с их непрозрачностью. Последовал беспрецедентный по длительности период роста, когда сформировалась иллюзия, что экономическая система, основанная на пирамиде долгов,

Как пережить экономический кризис

способна поддерживать свое существование неопределенно долго.

И наконец, столь резкого падения цен на жилье в Америке не наблюдалось со времен Великой депрессии. А на торговых переговорах раунда Дохи былпущен шанс достичь соглашения относительно либерализации мировой торговли. Рост просроченной задолженности по ипотечным кредитам, приближение уровня безработицы к 7 процентам всего трудоспособного производства стали симптомами надвигающейся бури.

Кризис 2008–2009 годов

Итак, доля США в мировом валовом продукте неуклонно сокращалась на протяжении семи лет до начала кризиса 2008 года. В то же время объем объем положительного сальдо платежного баланса быстро и эффективно накапливался в растущих восточных странах на протяжении 2002–2007 годов. К тому же положительное сальдо росло вместе с положительным сальдо экспортёров нефти. Это подразумевало, что США имели значительный дефицит, поддерживаемый наращиванием уровня заимствований домохозяйств и соответствующим увеличением их долгов.

К началу 2006 года все компоненты наступающего глобального кризиса были налицо. К началу 2007 года объем заимствований стал чрезмерным. Достигнут гигантский дефицит федерального бюджета. Конкретная

первоначальная причина кризиса — коллапс цен на новое жилье и крах рынка закладных в США. Внутренними причинами кризиса стали комбинация очень низких процентных ставок и беспрецедентный уровень ликвидности. Федеральная резервная система после 2001 года понизила ставки учетного процента до 1 процента. Это привело к невероятным по масштабу накоплениям у таких стран, как Китай, Индия, Россия, государства Персидского залива. Колossalный поток денежной массы обрушился на США, ежегодно в страну стало прибывать более 700 млрд долл. Ежегодный рост цен на недвижимость до 2000 года составлял один процент, а в XXI веке — 7,6 процента в год до 2006 года, а далее — 11 процентов в год. Но в последние два года цены на недвижимость резко упали. Пул акций и ценных бумаг, некогда оцениваемый в 13 трлн долл., упал на 35 процентов.

Так же, как бум 1929 года создал основу для крушения банков в период депрессии, бум последних лет привел к краху системных финансовых институтов США. Инвестиционный банкинг как отдельный вид деятельности в 2008 году практически сошел на нет после череды банкротств и слияний, а также в результате их преобразования в депозитные учреждения. Сжатие объемов предоставляемых банками кредитов вместе с общими мрачными перспективами вынудило компании реальных отраслей экономики существенно сократить свои расходы. Волна прекращения деятельности и увольнений накрыла другие отрасли, что автоматически привело к замедлению экономического ро-

ста. Следствием стало увеличение безработицы, еще более снизившее потребительский спрос и услуги.

Наиболее разительный дисбаланс проявился на рынке жилой недвижимости. К 2006 году как цены на дома, так и объемы строительства значительно превысили обычный уровень. Валовой национальный продукт сократился, уровень безработицы увеличился на три процента. С конца 2007 года финансовые институты потеряли доверие к кредиторам. Особенно заметно это было в сентябре 2007 года, когда обанкротилась фирма «Леман Бразерс». Замораживание кредитов привело глобальную финансовую систему на грань коллапса. На протяжении 2008 года отрасль понесла огромные потери, когда строительство новых домов остановилось.

Исполнительный директор Международного валютного фонда Доминик Страус-Кан стал говорить о неминуемом «системном крахе» в октябре 2008 года. Под впечатлением подобных прогнозов Федеральная резервная система США, Европейский центральный банк и другие центральные банки влили в экономику в общем и целом 2,5 трлн долл. ликвидности — они пошли на кредитные рынки. Это самое большое валютное вливание за всю мировую историю.

Самый большой месячный спад, зарегистрированный Индексом покупательной способности, произошел в сентябре 2008 года. Но падение в октябре 2008 года оказалось еще более мощным. (Главный исполнительный менеджер компании «Катерпиллер» и другие

Анатолий Уткин

лидеры американского бизнеса описывают сложившиеся условия как худшие в их профессиональной жизни.) В 2009 году картина ухудшилась еще более. Банки будут испытывать новые трудности. Из-за столь сильного давления на корпоративный и розничный банковский бизнес кредитный кризис охватит весь 2009 год, принимая характер эпидемии.

Крупнейшие мировые экономики в 2009 году переживут падение. Согласно прогнозу рейтингового агентства «Фитч» (Fitch), агрегированный показатель роста ВВП в США в 2009 году опустится до 0,8 процента. (Примерно таким же будет падение в Европейском Союзе и в Японии.) Из-за мирового финансового кризиса США скатываются в рецессию, начавшуюся во второй половине 2008 года, и растянется она на весь 2009 год. По прогнозу «Фитч», хотя рост ВВП в Китае замедлится до самых низких темпов за последние два десятилетия, он все же составит впечатляющие 7 процентов. Затормозится рост в России — до 4 процентов, а в странах БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) он составит в целом 5,7 процента. Восток продолжает обгонять Запад, падение которого лишь ускоряется. Чрезвычайно пессимистически в отношении США настроен президент «РГЕ Монитор» (RGE Monitor) Нуриэль Рубини: «Для возвращения показателя сбережений домохозяйств на уровень 10-летней давности потребуется сокращение потребления почти на 1 трлн долл. При этом ВВП США может уменьшиться на 7 процентов. Остается только надеяться, что выравнивание дисба-

Как пережить экономический кризис

ланса займет несколько лет»¹. Восстановление экономики займет много времени.

Нынешний кризис вызван не падением на фондовых рынках — он начался на рынке недвижимости, затем охватил кредитные рынки, стал влиять на ситуацию в банках и фондах — и только потом ударил по фондовым биржам. Компании и банки, которые зависели от займов, оказались не в состоянии финансировать свой долг. Действия Федеральной резервной системы помочь уже не могли.

В 2008 году американская экономика столкнулась с тем, с чем она не сталкивалась со времен Великой депрессии, — началось серьезное снижение производства, прежде всего, в США. На финансовые рынки Соединенных Штатов обрушился кризис, подобный урагану. Он смел несколько крупнейших компаний на Уолл-Стрит, полностью преобразил финансовый ландшафт и породил сильнейшее недоверие инвесторов, сковавших систему кредитования, — а ведь деньги — «кровь» экономики. Произошло увеличение объема долгов и стоимости активов.

По словам английского историка Нэйла Фергюсона, «инвесторы, финансовые менеджеры, регуляторы, экономисты политики слишком верили в светлое будущее и не смогли вовремя увидеть надвигающиеся проблемы. Когда же кризис начался, то предотвратить его уже было слишком поздно... Момент истины на-

¹ Там же. С. 50.

Анатолий Уткин

стал тогда, когда *стоимость залога, под который накапливались эти долги, в виде цен на недвижимость, начала снижаться*. Как только цены на недвижимость прекратили расти, вся система финансов, построенная с расчетом на них, перестала работать. Наступил кризис чрезмерной задолженности. Он начался с момента сдувания пузыря на рынке США, но очень быстро перерос в финансовый кризис, охвативший весь мир»¹.

Финансовый и экономический кризис 2008 года стал самым мощным за последние 75 лет и приближается к параметрам Великой депрессии 1929 года. Уже можно утверждать, что нынешний кризис — *самый глубокий со времен Великой депрессии 1930-х годов*. В среднесрочной перспективе Вашингтон и европейские правительства будут иметь все меньше ресурсов и экономических стимулов для того, чтобы играть привычную авангардную роль в мировой экономике. Возможно, слабые места американской экономики и будут усилены в будущем, но положение гипердержавы для Вашингтона уже чрезвычайно осложнено. Текущий финансовый кризис глубоко напугал как потребителей, так и бизнес. Прежние орудия государства — валютные и фискальные стимулы — очевидно неэффективны в современных обстоятельствах.

¹ Кошкаров А. Каким будет новый кризис // Эксперт. 2008, декабрь. С. 34.

Как пережить экономический кризис

Проблема, как ее формулирует редактор журнала «Ньюсик» Фарид Закария, состоит в том, что «Соединенные Штаты и некоторые другие западные державы *потребляли слишком много* — гораздо больше того, что они производили, — и покрывали разницу огромными займами. Америка потратила слишком много заимствованных средств — примерно 10 триллионов долларов¹. Это и подкосило американскую экономику, вызвав мировой кризис глобализации. Американские экономисты и политологи наконец-то поняли, что правительства обладают большей силой, чем экономики, — они могут закрыть рынки, национализировать фирмы, создать новые правила. А Вашингтон имеет еще одну возможность — напечатать дополнительные деньги.

Бывший министр финансов Лоуренс Саммерс отметил, что текущая рецессия характерна необычной понижающей финансовой спиралью. Падение ценности финансовых обязательств все больше и больше сдерживало потребителей американских товаров; потери расширяли круг «недоверчивых» покупателей, ослабляли их покупательную способность. Результатом стало ослабление американской экономики, характерное сокращением спроса и объема займов, доходов и увеличением безработицы.

Нанесен удар по американской модели бескризисного «капитализма свободного рынка». Рухнула преж-

¹ Writing the Rules for a New World // Newsweek. Special Issue. 2008, December. P. 8.

Анатолий Уткин

ная финансовая система, а регулирующий механизм показал свою беспомощность в атмосфере широко распространенных злоупотреблений и коррупции. Ныне в поисках стабильности американское правительство стремится национализировать свой финансовый сектор до такой степени, что это попросту противоречит базовым ценностям современного капитализма. Значительная часть мира сделала исторический поворот и устремилась к укреплению роли государства и уменьшению роли частного сектора. Глобальная мощь США и призыв следовать демократии американского типа ослабевают. Система мира с одним глобальным центром уходит в прошлое вместе с кризисом 2008 года.

Широко распространяется мнение, что перед нами величайший регуляторный крах за всю историю — от банковского регулирования до управления Американской комиссией по ценным бумагам и обмену. Предстоит резкое ужесточение регулирования. Нарушители подвергнутся уголовному преследованию. Практически возобладало мнение, что необходима всеобъемлющая реформа управления финансами.

Рецессия стала продолжительной, потому что обычные правительственные инструменты, направленные на стимулирование экономики, оказались либо недоступными, либо неэффективными. Самым обычным способом оживить слабеющую экономику является изменение валютной политики — это то, что Федеральная резервная система делала на протяже-

нии второй половины 2008 года. Но процентная ставка в Соединенных Штатах и основных европейских странах и без того находилась на очень низком уровне, центральные банки уже инвестировали невиданные суммы ликвидности в кредитные рынки. И дальнейшее сокращение учетных ставок не дало ожидаемых результатов.

Другой инструмент — фискальный стимул также был использован в Соединенных Штатах, Европе и Японии — но и это имело довольно скромный эффект. Даже пакет в 300 миллиардов долларов, направленных на увеличение покупательной способности и сокращение налогового обложения, — невелик на фоне 15-триллионной американской экономики. И, если исходить из прежнего опыта, новый раунд применения экономических стимулов будет иметь лишь частичное значение. 168-миллиардный пакет в феврале 2008 года увеличил американский ВНП только на половину этой суммы. Тяжелым ударам подверглась вся международная финансовая система. По оценкам МВФ, потери заемов глобальных финансовых институтов достигли полутора триллионов долларов. Примерно 750 миллиардов из этих потерь были зафиксированы уже в ноябре 2008 года. Эти потери «вымели» основной капитал в банковской системе и сократили кредитные поступления.

Пострадают экономики таких стран, как Сингапур и Гонконг, поскольку их экспорт в США составляет 20—30 процентов их валового внутреннего продукта. Меньше пострадает КНР, чей экспорт в США

Анатолий Уткин

равен примерно 8 процентам китайского ВВП. Можно ожидать, что тяжелые последствия для стран, *менее связанных с США*, маловероятны. Единственное исключение — Южная Корея, банкиры которой много занимали за рубежом, чтобы направить средства на бурно развивающиеся кредитования бизнеса и населения. В отличие от большинства азиатских стран, Южная Корея к тому же имеет дефицит платежного баланса.

Развивавшийся в течение 2008—2009 годов экономический кризис наглядно продемонстрировал важность взаимозависимости государств, возможности сплотиться перед лицом общих угроз.

Выход

К власти в обеих палатах конгресса США в ноябре 2008 года пришли демократы, доминирующий элемент их внутриполитической философии — борьба с охватившим весь мир финансово-экономическим кризисом и повышение уровня налогов в стране. Успех противников республиканской администрации на выборах 2008 года создан колossalным дефицитом бюджета. Избранный в ноябре 2008 года президентом США Барак Обама вступает в должность в обстоятельствах, хуже которых был лишь американский мир президента Франклина Рузвельта: две войны, глобальный экономический и энергетический кризис, изменяющийся мировой климат, нехватка продовольствия.

Как пережить экономический кризис

Голосуя за демократов, за афроамериканца Барака Обаму, американский народ показал свою приверженность экономическому реализму. Долгое время пребывавшая в политической тени демократическая партия поднялась на волне национального возмущения дорогостоящим авантюризмом американских правых, нескладных борцов за ускорение глобализации.

Американское и европейские правительства предприняли немыслимый прежде шаг, направляя еще 1,5 трлн долл. в качестве прямых инвестиций в местные финансовые институты. Американское правительство выкупило обесценившиеся ипотечные бумаги и реструктурировало значительную их часть. Оказалась поставленной под вопрос система Вашингтонского консенсуса, согласно которому рыночные принципы должны быть выше национальных границ — позиция, которую отстаивали ВТО, МВФ и Всемирный банк. Весь 2008 год Европейский Центральный банк прилагал основные усилия, чтобы ослабить инфляцию, а Соединенные Штаты сконцентрировались на приближающейся рецессии. В результате одна только разница процентных ставок привела к сильному *евро* и слабому *доллару*.

Это ударило по Европе, а слабая Европа в конечном счете ударила по Америке, поскольку Европа была вынуждена сократить импорт американских товаров. При лучшей координации, возможно, Америка могла бы убедить Европу относительно риска рецессии, и это

Анатолий Уткин

могло привести к необходимому понижению европейских учетных ставок. Возврата к «нормальности» пока не видно даже на горизонте. Западная финансовая система и ее институты пока не видят «света в конце туннеля». Сегодня эта система представляет не более чем тень своей прежней мощи. Предстоят новые огромные потери, и финансовые институты слабеют на глазах. Специалисты говорят о трех-четырех годах мирового кризиса.

Для стимулирования экономики правительство Соединенных Штатов в 2009 фискальном году будет вынуждено значительно увеличить размер государственного долга, выпустив новые казначейские облигации на сумму 1,1 трлн долл. В настоящее время иностранные инвесторы уже владеют этими долгами в размере 2,6 трлн долл., в то время как американские банки прокредитовали свою страну всего 100 млрд долл. Существует высокая вероятность того, что традиционные покупатели казначейских обязательств США — Китай и Россия — займут негативную позицию в отношении увеличения вложений в них, как это сделала Япония в 2007 году. Что может повлечь за собой падение их стоимости и замещение иностранных инвесторов Федеральной резервной системой, а в результате привести к фактически необеспеченному печатанию долларов.

Почти несомненно, что президент Обама и новый американский конгресс выработают проект этой реформы уже в 2009 году. Обязательными становятся

минимизация капиталов и новые стандарты ликвидности в условиях жесткой финансовой дисциплины. Примером могут служить принятые американским конгрессом законопроекты Сарбанеса—Оксли, последовавшие за крахом компаний «Энрон» и «Уорлдком».

Финансовые институты психологически склоняются к консервативным методам. Они пересматривают системы своего менеджмента. Возникают новые стандарты финансирования — гораздо более жесткие, чем прежние. Регулирование денежных потоков становится обязательным и жестким. Для того чтобы второй мировой кризис не повторил разрушительных последствий первого, мир должен радикально реформировать глобальную финансовую систему. В современном мире слишком много взаимозависимости, слабость всех мировых банков отзывается повсюду. Лучшее и солидарное взаимное урегулирование могло бы ослабить удар кризиса 2008 года. Прежде всего, во взаимозависимом мире должна быть координация валютной системы.

Положительным явлением стало обращение трех гигантов — США, Японии и Китая к программам фискальной экспансии. Но все эти три страны резко различаются размерами и по прочим параметрам, а ЕС определенно отстал от этой тройки. Доверие к финансовым рынкам не может быть полностью восстановлено, если правительства ведущих стран не восстановят свою критически важную роль в регулировании фи-

финансовых институтов, не окажут позитивного воздействия на движение капиталов.

Опыт показал, что банки сами не могут действовать на свой страх и риск — последствия этого могут быть губительны. Даже Аллан Гринспен, один из ярых сторонников дерегуляции, признал это. Ныне необходим единый глобальный финансовый орган, который снижал бы риски для всей системы. Если финансовые правила будут резко различаться в разных обществах, возникнет риск того, что некоторые нации пожелают иметь «более гибкое» законодательство, чтобы увеличить свои финансовые возможности за счет стран-конкурентов. Финансовая система будет ослаблена с очевидными ныне последствиями. Но государство все равно вернет себе старую функцию регулятора экономики.

Доллар

Доллар успешно укреплялся в 1980—1985 годах и в 1995—2001 годах. Но теперь прогнозируется снижение курса доллара относительно *евро* и других основных валют. Предстоят массированные бюджетные траты на фоне и так уже большого бюджетного дефицита, проинфляционная политика низких ставок Федеральной резервной системы. Слишком много бюджетных денег пойдет на все эти мероприятия. Не в пользу доллара будет играть тревожная для США

тенденция снижения экспорта. Совокупность этих факторов будет играть против доллара. И все же доллар, по ведущим прогнозам, в 2009 году не потеряет свои позиции. Укрепление доллара, скорее всего, будет продолжаться. Доллар сохранит свои позиции как мировая резервная валюта, как своего рода «зона безопасности». Кризисные события заставляют инвесторов по всему миру выходить из рисковых активов (недвижимость, инструменты товарных и развивающихся рынков) и возвращаться в доллар США. Этот путь предпочитают многие, ибо он проверенный и не раз уже выручал капиталы финансистов.

О возможности укрепления курса американской валюты говорит многое. Доллар все так же недооценен по отношению к своему основному сопернику — евро. Торговый баланс США, столько лет являющийся отрицательным, демонстрирует явные признаки улучшения, чему в немалой степени в ближайшее время будет способствовать снижение потребления и цен на товарных рынках, а более агрессивные действия монетарных властей делают американскую экономику гораздо более конкурентной, чем европейская. Следует учитывать то обстоятельство, что ослабление доллара никому не нужно, ведь большинство «богатств», накопленных развивающимися и развитыми рынками, — это доллары, потому перейти к другим резервным валютам и превратить накопления многочисленных мировых фондов в обесцененную бумагу едва ли кто рискнет.

Анатолий Уткин

Но влиятелен и второй прогноз, предрекающий падение доллара. Вероятно, что нынешний рост доллара окажется слабее, чем предыдущие этапы его подъема. Если доллар и вырастет, то не более чем на 20 процентов, и только для того, чтобы вновь войти в растянутую на годы «полосу невезения». Не исключен и более мрачный сценарий: падение прямо сейчас. По крайней мере, скользящая пятилетняя средняя долларового индекса пока не продемонстрировала уверенного разворота вверх.

Как пишет журнал «РБК», Америка — «гангрена глобальной экономики. Она в долгах как в шелках и должна миру больше, чем мир ей. Одного этого достаточно, чтобы утверждать: доллар не может быть «валютой-прибежищем». В попытках избежать позорного банкротства и, как следствие, потери статуса глобального гегемона американцы цинично «рисуют» новые доллары. Скорее раньше, чем позже такая ничем не обеспеченная эмиссия приведет к новому витку обесценения доллара»¹.

Направление, в котором пойдет американская экономика, в настоящее время зависит от того, смогут ли беспрецедентные фискальные и монетарные меры обуздать экономическую стихию. Корректировка дисбалансов нынешнего цикла стала тяжелым делом. Строительная отрасль не выйдет из депрессивного состояния, пока количество домовладельцев не упадет до приемлемого уровня.

¹ РБК. 2009, январь. С. 105.

Как пережить экономический кризис

Следует ожидать национализации финансов посредством Суверенных фондов обогащения (СФО). По оценке «Морган Стэнли», общие активы СФО сегодня составляют 2,5 млрд долл. Но через некоторое время — в 2015 году объем этих фондов составит 12 трлн долл. Большинство стран, откуда будут идти эти деньги, — страны-экспортеры, такие, как Китай и другие страны Восточной Азии.

Ослабленный доллар и все еще активный рост развивающихся стран помогут использовать потенциал увеличения экспорта США. Потребуется создание Бреттон-Вудса-II.

Барак Обама

В фокусе внимания в 2009 году будет экономика. В ходе предвыборной кампании он пообещал сократить налоги для среднего класса, реализовать реформу здравоохранения. Предусматривается полный охват медицинским страхованием всего населения. В такой ситуации пустая казна может стать извиняющим мотивом для отказа от выполнения столь обширных обещаний.

При этом рецессия в экономике усиливает протекционистские настроения в конгрессе. Профсоюзы требуют «от своего человека в Белом доме» обновления трудового законодательства, юристы — обязательного права, «зеленые» развернули кампании по защите

Анатолий Уткин

окружающей среды. Все это может замедлить восстановление экономики. Определенное беспокойство в отношении президента Обамы вызывает то, что за время своей короткой политической карьеры ему не доводилось расходиться во мнениях со своей партией по существенным вопросам.

К тому времени, когда Барак Обама покинет Белый дом, что в случае двух сроков произойдет в 2017 году, такие страны, как Китай, Индия, Россия, Бразилия, будут играть более заметную роль в глобальной экономике. Сегодня лишь Россия входит в G-8, и только Россия с Китаем являются членами Совета Безопасности ООН. Если у Америки не получится встроить Китай, Россию и Индию в действующий мировой баланс сил, то они начнут формирование собственных объединений.

Как пишет главный редактор лондонского журнала «Экономист» Джон Миклтвейт, «финансовый кризис вкупе с испорченной репутацией Соединенных Штатов придали больший вес мнениям тех людей, которые считают, что западный капитализм и демократия исчерпали себя»¹.

Важно отметить, что Соединенные Штаты при новом президенте будут сдерживаться *гигантским бюджетным дефицитом, резким увеличением «оздоровительных» расходов и падением доходов* (результатом

¹ Миклтвейт Дж. Новая надежда Америки // Мир в 2009 году. С. 14.

Как пережить экономический кризис

рецессии). Дефицит США в финансовом году, начавшемуся в октябре 2008 года, приблизится к одному триллиону долларов — удвоение за год, что составит 7,5 процента внутреннего валового продукта США. Такое бывало только в ходе мировых войн.

Кризис, *во-первых*, ограничит глобальные возможности Соединенных Штатов. Фокус национальной политики сместится на внутреннюю сцену, на проблемы экономического оздоровления. Президент Обама *будет вынужден* сконцентрироваться на внутренних задачах, на борьбе с поразившим страну кризисом. Даже первые шаги президента будут направлены на законодательство, способствующее возрождению экономических стимулов. Скорее всего, он поможет некоторым отраслям американской промышленности (автомобилестроителям и другим), начнет решать комплексную задачу реформирования национального страхования здоровья, возьмется за проблемы энергоснабжения.

Во-вторых, стало ясным, что без реформирования финансовой системы США, беспрецедентных фискальных дефицитов, вся экономика Запада не сможет сделать шаг вперед. Если Обама наследует триллионный дефицит (временно увеличенный — благодаря борьбе с кризисом — до 1,3 трлн долл.), Америка вынуждена будет сократить свою активность за пределами национальных границ. Америка может сократить внешнеполитическую деятельность, как бы возвращаясь к 1930-м годам. У США исчезнут возможности вторгаться в дела даже соседней Мексики. Крах таких союзников, как

Анатолий Уткин

Пакистан, уже не будет верным сигналом выдвижения американских вооруженных сил. Вашингтон предоставит поле деятельности Международному валютному фонду.

Нетрудно предположить, что понадобятся годы для восстановления Запада, как и в 1930-е годы. Столь же долго будет продолжаться кризис международных институтов, которые в большой мере потеряют свою значимость. Прежний свободный поток капитала с Запада прекратится — и это поможет укреплению незападного мира.

В-третьих, подорван экономический авторитет Запада. Идеологическая сила Америки, ее идеологическая основа, прежде базировалась на огромной мощи ее экономики. Но теперь сила, подорвавшая мир социализма, отстаивавшая «дeregulation против regulation», сумевшая обновить лейбористскую партию Британии, подвигшая на реформы Восточную Европу, ныне показала свою слабость. Рухнула финансовая система Соединенных Штатов. Более того: США и их западноевропейские партнеры ринулись на защиту национальных интересов. Свободный рынок перестал быть иконой. Американское правительство стало помогать тысячам финансовых учреждений своей страны, гарантируя долговые обязательства своей банковской системы. Франция, Германия и Британия немедленно последовали этому примеру. Глобальное движение к deregulation остановлено. Как сказал президент Франции Николя Саркози, «с системой *laisser faire* покончено». А китайский вице-премьер Ван Кишан выразился ди-

Как пережить экономический кризис

пломатично: «У наших учителей сегодня тоже возникли проблемы»¹.

Чего боятся американцы? Того, что такие страны, как Египет, Саудовская Аравия, Турция, ускорят реализацию своих ядерных программ. Получив ядерные возможности, Иран может перенести свою активность за пределы своих границ.

¹ Altman R. The Great Crash, 2008. A Geopolitical Setback for the West//Foreign Affairs. 2009, January/February. P. 112.

■ Глава десятая

Сравнивая Великую депрессию и мировой экономический кризис нашего времени

Отличие современного кризиса от кризиса 1929 года заключается в том, что с 1930-х годов существенно изменились подходы к проведению монетарной и фискальной политики, изменились экономические теории, на которых данная политика основывалась. В 1930-е годы Федеральная резервная система почти не принимала никаких мер, чтобы замедлить банковскую панику. В то же время правительство активно противилось формированию бюджетных дефицитов (Клинтон) и старалось балансировать свои бюджеты, если экономике грозила депрессия.

Нынешний кризис государственные инструменты Америки встретили, задействуя ФРС и стремясь использовать опыт 1930-х годов с самого начала. Эконо-

Как пережить экономический кризис

мисты и политики имеют опыт противостояния Великому кризису и менее значительным спадам XX века. Не должно быть сомнений в том, что США на долгие годы останутся важнейшим элементом мировой экономики (даже если эта роль несколько ослабнет). Всемогущество 1990-х годов подточить не так-то просто. Нам не ведомо, в каком виде выйдет из текущего кризиса экономика основных стран и кто посягнет на роль следующего мотора глобального роста потребительского спроса. Но с определенной уверенностью можно сказать, что впереди лежит период ослабления Соединенных Штатов, время, когда различные крупные экономики будут развиваться более самостоятельно, чем раньше. Для Америки период всевластия и всемогущества, период 1985—2000 годов ушел в прошлое. В то же время финансовый кризис заставил Америку забыть о высоких идеалах и задуматься об экономической целесообразности. По мнению Генри Киссинджера, «самым значительным событием 2009 года станет трансформация Вашингтонского консенсуса, согласно которому рыночные принципы должны быть *выше* национальных границ. В глобальном масштабе эту позицию отстаивали ВТО, МВФ и Всемирный банк. Периодически возникавшие финансовые кризисы интерпретировались не как предупреждающие сигналы, что что-то не так в индустриально развитых странах, а лишь как некая aberration в мире развивающихся экономик, которая может быть исправлена с помощью внутрен-

Анатолий Уткин

них жестких мер. По сути это политика, которую передовые страны не были готовы применить к самим себе»¹.

Важность руководства

Гений Рузвельта сказывался в том, что он не только умел понимать, он умел успешно убеждать — зная жизнь, общее настроение, зная аргументы, необходимые в демократическом государстве. Рузвельт учитывал общественное мнение. Определить верный курс — это еще полдела; вторая половина — это убедить миллионы столь разных американцев следовать ему. В двадцатом веке Америка не имела лучшего оформителя морального, душевного и политического состояния нации, чем Франклин Рузвельт. Ему было присуще еще одно великое для политика качество: он видел пик силы противоположной стороны и имел нервы выжидать. Лишь когда силы противника переваливали за этот пик, он наносил ответный удар. Чувство времени, чувство готовности и неготовности было в нем абсолютным.

Франклина Рузвельта никогда не готовили к политической стезе. Ему предстояло быть уважаемым адвокатом и респектабельным землевладельцем, а не возбудителем чувств у сбитой с толку толпы. И сам рос-

¹ Киссинджер Г. Конец эры самоуверенности // Мир в 2009 году. М., 2008. С. 36.

Как пережить экономический кризис

ший в Гайд-Парке, Рузвельт далеко не сразу обнаружил в себе магнит, притягивающий к себе людей. Никто из близко знавших Франклина Делано Рузвельта в детстве, отрочестве и юности не подозревал, что имеет дело с политиком, который изменит двадцатый век.

Старый Гарвардский университет был желанным местом для Франклина, он окунулся в его атмосферу с желанием проявить энергию в общественной, спортивной и научной жизни. Критичность его вкуса сказались в позднейшей ремарке: «В течение четырех лет я изучал экономику, но все, чему меня учили, не согласовывалось с истиной». Исключение составляла как раз не очень почитаемая в университете американская история. Тема курсовой работы — «Семья Рузвельтов в Новом Амстердаме». Студент перерыл архивы, шел за строками Библии, вчитывался в старые газеты. И пришел к примечательному выводу: «Одна из причин — возможно, главная — жизненной силой Рузвельтов является их откровенно выраженный демократический дух. У них никогда не было ощущения, что, благодаря преимуществам, данным от рождения, они могут сунуть руки в карманы и благоденствовать, ничего не делая. Скорее они чувствовали, что, ввиду благоприятных обстоятельств своего рождения, они не имеют извиняющих мотивов для пассивности в отношении общества».

Отсюда, от истории, лежит прямой путь к политики — скорее, в джефферсоновском духе, к богатым и знатным направить свою энергию не на накопительство, а на благо сограждан.

Анатолий Уткин

Близко знавший Рузвельта Гарри Гопкинс, отмечая колебания своего шефа в малых проблемах, настаивает, что «в больших вопросах — в вопросах большой, реальной, постоянной значимости он никогда не изменял себе, он никогда не спускался со своей высоты». И Элеонора Рузвельт, не лишенная критического чутья, утверждает, что на протяжении всего своего жизненного пути ФДР никогда не уклонялся от главной цели — сделать жизнь своих соотечественников лучше. «Тысяча и одно средство были использованы, изменения курса были налицо, но эта цель всегда и везде оставалась главенствующей». Подводя итоги, историк Артур Шлесингер пишет, что этот президент всегда был на стороне жизни, действия, движения вперед, будущего. Его феноменальная жизненная сила мобилизовала жизненную силу его страны, и это обеспечило его историческое бессмертие.

Когда на перевалах истории другие вожди, в других странах стараются реализовать нечто большее, чем сочувствие простому человеку и скромным людям, они демонстрируют полное незнание истории. Ее главная ниша для тех, кто выведет свой народ из обрушившихся на него несчастий. Солидарность — вот ключевое слово. С нею мы смело можем не бояться ничего, кроме самого страха.

Прав философ Исаия Берлин, указавший на исключительную человеческую чувствительность Рузвельта, на его знание, сознательное и бессознательное, надежды, страха и устремлений того множества людей, которые

Как пережить экономический кризис

составляют народ. Это вольное или невольное знание, считает Берлин, было главным источником его величия, его гения, его места в истории. Словно различные потоки разнообразного общества отразили общую сейсмограмму в его нервной системе. Но знания было бы недостаточно. «Прежде всего, — пишет Берлин, — он был абсолютно бесстрашен. Он был одним из немногих государственных деятелей двадцатого века — да и любого века, — который не имел страха перед будущим».

При всей внутренней противоречивости своих действий он спрессовал солидарность и единство своего народа в двух крупнейших испытаниях двадцатого века. Он сумел сделать единой страну разительных социальных, культурных и расовых контрастов, он нашел то общее, что объединило великую нацию эмигрантов. Он остановил деградацию и придал энергию сползающей в апатию стране. Тысячи помыслов, миллионы надежд он сплавил в оптимистическое движение вперед, спасая экономически — строй, социально — общество, психологически — народ. Ища баланс «за» и «против», Ф. Перкинс приходит к выводу: «У него были почти прорывы ясновидения, понимания трагического разнообразия интересов, не имеющих, казалось, отношения друг к другу».

Историк Эрик Лараби ставит во главу угла тот факт, что «понимание взаимосвязанности вещей, людей и процессов было для него не условием, а главенствующим принципом — и это позволило ему не только

Анатолий Уткин

охватить проблемы, но и передать это всему населению страны... Осуществляя руководство, он заслужил благодарность своих соотечественников».

Был бы мир иным, если бы Рузвельт находился у власти еще несколько лет? Выступая в 1971 году, один из лидеров его «мозгового треста» Рекс Тагвел ответил: **«Безусловно»**. «Если бы он прожил еще двенадцать лет, то был бы избран на пятый и шестой срок», он избавил бы страну от ошибок Трумэна и Эйзенхауэра. После его смерти мир «лишился разумного курса. Ему смерть не принесла несчастья, для оставшихся живыми — принесла». У ФДР были уникальные черты — только он мог создать государство, где происходит общий подъем уровня жизни. И только он смог бы наладить более правильный атомный мир, сделать ООН эффективным инструментом. Его наследники в Белом доме поневоле должны были отвечать на вопрос, «что теперь осталось делать?» До какой степени оставаться лояльным ФДР? Стиль президентства отныне был изменен, отныне владельца Белого дома нельзя было считать самым большим отшельником в стране. «Рузвельт, — пишет историк Хью Галлахер, — был главнокомандующим, экономистом, дипломатом, посредником, законодателем, отцом народа. Он внушил уверенность в час отчаяния. Он привел к победе после громких поражений. Все новости, все события отныне происходили из Белого дома, фактически от самого президента. Этим президентом был Франклин Д. Рузвельт, и такова была его

Как пережить экономический кризис

концепция президентства». Воспроизвести такое президентство не дано практически никому, «особенно в постядерный, кибернетический, синергетический век». Английский историк Годфри Ходжсон приходит к выводу, что «Рузвельта нельзя упрекать за исключительные личные таланты, еще меньше — за перемены в последующих поколениях, в которых он никак не виноват... но Рузвельта почти можно упрекнуть за то, что его наследники не сумели оправдать слишком завышенных надежд, порожденных его талантом, его президентством». И до сих пор остро звучат слова великого президента, что «мерой здоровья общества является его отклик на беды самых нуждающихся» — критерий справедливого правления.

Шокированные финансовым кризисом, страшась за безопасность своих банков и за свои связанные с рынком депозиты, ощущающие чувство обреченности, охватившее Вашингтон и американские средства массовой информации, люди вспоминают Рузвельта.

Когда 20 января 2009 года Барак Обама смотрел на ликующую толпу во время церемонии инаугурации, этот первый в истории США чернокожий президент неизбежно вспомнил главный лозунг своей избирательной кампании — «Перемены» — именно этот лозунг проложил ему дорогу в Белый дом. Он унаследовал дефицит бюджета в один триллион долларов. Успешность президентства Обамы определится тем, насколько успешно он справится с *переменами*, в которых нуждается страна, вступившая в самый обширный по-

Анатолий Уткин

сле 1929 года кризис. Снижение цен на нефть и резкий спад потребления в США должны ослабить американский дефицит в 2009 году. Финансовый кризис привел к оттоку капитала из растущих стран Востока. Вместо того, чтобы наращивать существующие резервы с целью не дать укрепиться своим валютам, сегодня большинство этих стран продает долларовые запасы, чтобы воспрепятствовать девальвации национальной валюты. Лишь Китай и Саудовская Аравия все еще пополняют свои резервы.

Президент Обама надеется, что Америка не повторит ошибок прошлого и способна избежать денежно-кредитного сжатия и дефляции. Джон Кейнс полагал, что сокращение потребления в период спада лишь продлевает спад. Президент Обама надеется на существенные контрциклические меры финансового регулирования. Сегодня США способны избежать банкротства системообразующих банков. Но для этого потребуются невероятные по масштабам инъекции государственных средств в банковскую систему.

На что полагается президент Обама?

Чтобы стать президентом, кандидат должен нанять группу высокопрофессиональных советников — это будет свидетельством того, что претендент «приобщен к основным тайнам», к секретам международных от-

Как пережить экономический кризис

ношений. Происходит чрезвычайная концентрация власти в очень узком круге единомышленников. Плотно рядом мир денег. Заметьте, все американские министры финансов после ухода заняли самые высокие позиции в бизнесе. Бывший министр финансов Джон Сноу стал президентом фирмы «Серберус», бывший министр Пол О'Нил консультирует «Блэкстоун», бывший министр Лоуренс Саммерс — при Д.Е. Шоу, бывший министр Роверт Рубин — в «Ситигрупп», бывший министр Николас Брейди — в собственной фирме «Дэрби Оверсиз Инвестмент».

«Голдмэн-Сакс» пригрел бывшего замгоссекретаря Роберта Хормеца, замминистра финансов Джона Роджерса, бывшего председателя «Нью-Йорк Фед» Джеральда Корригана. «Морган-Стэнли» принял к себе бывшего председателя Национального экономического совета, главу штата администрации Белого дома Эрскина Боулса. В «Ситибэнке» бывший глава ЦРУ Джон Дойч и министр финансов Роберт Рубин. В Американской международной группе бывший министр обороны Уильям Коэн, бывший посол в ООН Ричард Холбрук, бывший «энергетический царь» Фрэнк Зарб.

Удивительно ли то, что влияние Уолл-Стрит на политику США непропорционально велико? Отныне занятие почти любого важного поста требует массированного денежного вложения. Перед выборами американского президента, еще до «праймериз», в американских штатах в 2007 году состоялись «денежные

Анатолий Уткин

праймериз», на которых отсеиваются небогатые претенденты, не имеющие денежных покровителей. Не будучи лично богатым, сенатор Барак Обама нашел умелого денежного покровителя — миллиардера Дэвида Геффена, который нажился на продаже музыки в Голливуде (музыкальный продюсер и хозяин фирмы «Геффен рекордс»). Геффен обеспечил необходимые для «праймериз» 100 млн долл., и Обама встал на тропу избирательной кампании. На этой тропе периодически появляются щедрые дарители, жаждущие разделить послевыборные важные посты или «теплые местечки», типа дипломатического представительства США в двухстах заграничных столицах. К примеру, в первом квартале 2007 года в числе доноров, пожертвовавших более 500 000 долл. на президентскую кампанию, были «Голдмэн Сакс», «Ситигруп», «ЮБС-Америкас», «Креди сюис», «Мерил-Линч», «Леман браузерс», «Биэр стиэрнс», «Фортрес инвестмен групп» и «САК Кэпитал».

За 400 лет освоения Америки две черты окрепли в качестве основ американства: религиозная терпимость и этническое равенство. Америке повезло в том, что плеяда создателей государства была религиозно толерантна. Этому способствовало религиозное разнообразие. Новую Англию населяли преимущественно пуритане-конгрегационалисты; в Пенсильвании доминировали квакеры; в Нью-Йорке самой влиятельной была Голландская реформистская церковь; в Мэриленде было много католиков. А в Вирджинии, Джорджии

Как пережить экономический кризис

и обеих Каролинах преобладала англиканская церковь. Прибывали германские пietисты, шведские лютеране, французские гугеноты, пресвитериане из Ольстера. В американской конституции религия упоминается лишь один раз — она запрещает религиозные тесты при приеме на работу.

Подлинно революционным актом Соединенные Штаты в 1789 году приняли Акт о религиозной свободе (как до них сделали Британия и Голландская республика) — в стране не будет национальной церкви. В 1791 году Первая поправка к Конституции запретила конгрессу создавать национальную церковь. Более того, в 1807 году — в так называемом Триполитанском договоре говорилось: «Правительство Соединенных Штатов Америки ни в коей мере не основано на христианской религии. Оно не испытывает враждебность по отношению к мусульманам»¹. С времен своего рождения религиозная свобода стала *фундаментальным правом*.

Второй важнейшей чертой роста гипердержавы был поток иммигрантов. Между 1820 и 1924 годами в Соединенные Штаты въехали 34 млн иммигрантов — крупнейшее перемещение людей в истории. Первое поколение, преимущественно с Британских островов, было ассимилировано без особого труда ввиду его английского происхождения: Америка в те-

¹ Lambert F. The Founding Fathers and the Place of Religion in America. Princeton: University Press, 2003. P. 9.

Анатолий Уткин

чение первого столетия своего независимого существования справедливо воспринималась как продолжение Британии: «Америка была основана поселенцами семнадцатого и восемнадцатого веков, почти все из которых прибыли с Британских островов. Их ценности, институты и культура заложили основание Америки последующих столетий. Они первоначально определили идентичность Америки в терминах расы, этничности, культуры и, что еще более важно, религии. В восемнадцатом веке они добавили Америке идеологическое измерение»¹. Культура первых поселенцев держалась в течение четырех веков. Была бы Америка похожей на сегодняшнюю, если бы ее основали не английские протестанты, а французские, испанские или португальские католики? Вовсе нет — тогда на месте современной Америки был бы Квебек, Мексика или Бразилия.

Около ста лет тому назад И. Зангл написал свою знаменитую пьесу «Плавильный тигель», и аллегория вошла во все учебники. Мир плавящихся в едином котле национальностей стал популярным символом Америки. Метафора оставалась релевантной еще долгое время, но постепенно ее фактическая точность стала ослабевать. Прежде всего, ослаб главный — европейский ингредиент «плавильного котла», что резко изменило лицо прежде единой американской нации. Зато второе (иранцы в середине XIX века)

¹ Huntington S. Op. cit. P. 38.

Как пережить экономический кризис

и третье (посланцы Восточной Европы на рубеже XIX — XX веков) поколения были ассимилированы лишь частично. «Период сознательного сокращения иммиграции продолжался между 1920 и 1965 годами. Англосаксонская культура и сопутствующее ей кредо либеральных свобод сумели пережить эти испытания. До 1960-х годов от иммигрантов ожидалось «расстаться с основными чертами своего прежнего наследия и полностью ассимилироваться в существующие культурные нормы, представляющие собой англо-конформистскую модель»¹.

Своего рода символом *толерантности гипердержавы* может служить судьба Андраша Грофа из Будапешта, прибывшего с семьей в США на ржавом сухогрузе — без знания языка, денег, образования, связей. Журнал «Тайм» сделал его человеком года в 1997-м — уже как Энди Гроува, как «личность, ответственную за микрочип и в целом за цифровую революцию в информатике», что колossalным образом повлияло на весь мир, на материальный прогресс. Стоимость его компании «Интел», производящей 90 процентов мировых микрочипов, превзошла 115 млрд долл., влияя на зависимые «Самсунг», «Тошибу», «Хитачи», «Фудзицу», НЕС и «Сименс». И США с великой охотой используют кадры лучших институтов Европы и Азии, возглавляя информационную и биотехнологическую револю-

¹ Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. N. Y.: Oxford University Press, 1995. P. 14.

Анатолий Уткин

ции — залог статуса *гипердержавы* в наши дни. В 1998 году русский студент Сергей Брин в перерыве между экзаменами предложил соседу создать компанию в «Интернете». Прошло совсем немного лет, и в компании «Гугл» работает более 10 тысяч специалистов, а ее стоимость — 136 млрд долл.

■ Заключение

Будущее

Еще совсем недавно в международном сообществе царила убежденность в том, что постепенно ход событий выведет на прямую очевидного прогресса, что будущее в конечном счете не может не быть лучезарным. История и социология убаюкивали мир баснями о неизбежном прогрессе и неизбывном рае. Это время ушло, поскольку сформировавшийся еще в XIX веке центристский консенсус, основанный на либеральной идеологии, утратил свою значимость. Завершилось действие исходящих из идеи прогресса проекций — Великой французской и Октябрьской революций. Конструктивное общее будущее уступает место проекциям гораздо менее гармоничным, гораздо более хаотичным. Наступает время чрезвычайно быстрых перемен, именно они будут характеризовать близлежащие десятилетия. Вера в благодетельный эффект рационального реформизма, реализуемого не всегда быстро, но в *верном* направлении, уступает место скептицизму относительно самого направления мировой эволюции. Соответственно, и прогнозистика стала гораздо более трезвой, если не сказать мрачной.

Анатолий Уткин

Великая депрессия подтвердила циклический характер капиталистического развития, породила отчуждение государств, приведшее ко Второй мировой войне.

Нынешний мировой кризис, снова начавшийся в наиболее развитой стране — США, — также стал мировым и может оказаться еще более глубоким, ибо Великая депрессия порождена взаимозависимостью европейских стран и США, а сегодняшний кризис — глобализацией в мировом масштабе. Из этого следует и то, что в Великую депрессию США пострадали более других стран, трансформируясь из центра прогресса в эпицентр разрушения экономики. Сегодня глобальная зависимость может сделать проявление кризиса более жестоким на периферии мировой экономики.

Но есть преимущество нынешнего кризиса — помочь выйти из него может усвоение уроков Великой депрессии. Этот опыт представляет интерес для России и мира в целом, столкнувшихся с новыми кризисными явлениями мирового капитализма. Задачей сегодня является возможность избежать мировой фрагментации и перехода к силовым решениям. Одним из уроков Великой депрессии является значимость реального сектора экономики по отношению к финансовому как источнику кризиса из-за дериватов экономики, виртуальных денег и изобретенных схем. США, Китай, Россия учитывают это обстоятельство, и методы Рузвельта уже звучат в намерениях Обамы и лидеров других стран.

Как пережить экономический кризис

Уроки кризисов и цикличности капиталистической экономики состоят также в наличии элементов не-предсказуемости. Во внезапности бифуркаций, в неясности хода кризисного спада и протекания как кризиса, так и выхода из него. Это царство экономической стихии, способы выхода из которой могут быть сценарными, эмпирическими, практическими и никогда не даны в виде рецепта или в общем виде.

О понимании этого Россией свидетельствует выступление В.В. Путина в Давосе. Он говорил о кризисе, что его моделью может быть «идеальный штурм», когда все силы и возмущения разрушительного характера сходятся в одной точке. Среди конкретных причин были названы:

- 1) Несостоятельность мировой финансовой системы и ее неспособность работать для всех стран.
- 2) Крайности либо только рыночного, либо только государственного регулирования.

Особенно турбулентными будут ближайшие полвека — столько времени понадобится для того, чтобы восторжествовала более рациональная общественная система, чтобы структурный кризис современной международной системы изменил ее полностью. В предшествующее десятилетие большим влиянием пользовалась та точка зрения, что сутью конфликта будет столкновение трех морально-этических громад — христианства, ислама и буддизма. В начале века возобладала более традиционная точка зрения: столкновение цивилизаций пойдет в более знакомой плоскости

Анатолий Уткин

противостояния Север—Юг, между зоной богатства и зоной бедности, фундаментальными реальностями современного мира. Если человечество не положит предел поляризации по этому признаку, вступление в век хаоса и борьбы практически неизбежно.

Наступит противостояние тех, кто получает блага, создаваемые другими, и тех, кто не получает достаточной доли производимого. Невероятно быстрый рост капиталистической системы словно вырвался из рук, деформируя общество. Сутью грядущей эпохи перемен будет борьба этих двух больших лагерей: богатых охранителей неравноправной системы и сторонников создания новой исторической системы, которая будет более демократичной и более уважающей социальное равенство. По существу, конфликт развернется между теми, кто желает установления (или восстановления) иерархического мирового порядка, при котором меньшинство привилегировано, а большинство лишено этих привилегий, — и теми, кто желает построить демократический порядок, больше ориентирующийся на равенство. Эта битва определит следующие пятьдесят лет человеческой истории.

На наших глазах создается лагерь, получающий так много от имеющегося неравенства, охраняющий сложившуюся иерархию. Этот лагерь имеет превосходную разведывательную систему и самые высокотехнологичные вооружения. Наиболее слабые места «золотого миллиарда» — малая жертвенность и уменьшающаяся численность.

Как пережить экономический кризис

Ему противостоит лагерь большинства, огромное большинство здесь не достигло минимально приемлемых результатов не только для процветания, но для гарантии выживания. Ему не свойственно единство, он разобщен, но перед лицом всемогущества меньшинства он *может* обрести солидарность до степени глобальной коалиции. В его руки так или иначе попадет ядерное оружие (оно уже есть у Индии и Пакистана), что обусловит остроту глобального конфликта. Мир увидит на Юге многих разочарованных «Хомейни», создающих многие Аль-Каиды.

Согласно уже сложившемуся стереотипу, Запад склонен демонизировать противостоящие силы. На данном этапе легче демонизировать ислам — и это в то время, когда исламский мир (как и западный) вошел в полосу смятения и неуверенности в себе — что очевидно, если судить по зигзагообразной тактике лидеров этого мира. Секулярные силы в исламском мире разъединены, религиозные же силы не имеют четких целей, они ссорятся между собой и не выработали собственной реалистической политической программы.

Какой будет преобладающая система мира через несколько десятилетий? Итог, *во-первых*, ее вид и сущность будут зависеть от способности обеих вышеназванных полюсов мобилизовать своих сторонников. Инициативу, по-видимому, возьмут в свои руки те, кто предложит *реальные* альтернативы. *Во-вторых*, от того, как справится Запад с процессом своей абсолютной депопуляции, старения населения, сокращения

Анатолий Уткин

рабочей силы при одновременном несгибаемом желании сохранить высокий жизненный уровень. Возьмем в качестве примера небольшую, но богатую Австрию. Непременным условием сохранения ее современных жизненных стандартов в ближайшие полвека явится увеличение вчетыре раз тех ненавидимых австрийскими правыми иммигрантов, которые прибывают преимущественно с Балканского полуострова. Согласится ли Австрия, Европейский Союз, Соединенные Штаты на мирное сосуществование весьма различных культур? До сих пор белые западные христиане лишь мирились с наличием инокультурных анклавов; а речь пойдет о подлинном равенстве в мультикультурном целом.

Помимо вышеуказанного, своего рода дополнением к противостоянию богатых и бедных будет в первые десятилетия XXI века соперничество между США (которые сегодня не верят в способность кого-либо соревноваться с ними), Европейским Союзом и Восточной Азией за место лидера мирового полюса богатства. Первым среди конкурентов дышит в спину Америке объединяющаяся Западная Европа, которая с появлением *евро* создала объективные возможности ослабления тесных политических связей с Соединенными Штатами. Далее последует десятилетие создания европейской армии, что предопределит и военное разъединение с США. Есть сторонники и той точки зрения, что на место первого конкурента Америки выйдет быстро растущий Китай, возможно — Япония, а не ис-

ключено, что и tandem «КНР — Япония». Пока лидер, демонстрируя близорукость, продолжает наращивать военные мускулы, начнется смещение сил в подлинной зоне могущества — в экономике. Разве трудно представить себе в будущем союз Японии и Китая, сразу же вытесняющий Америку из Азии? Крупнейший компьютер США создан для военных целей, а крупнейший японский компьютер — для решения технических проблем. Кого в этом случае обласкает история?

Где место России в этом противостоянии? По экономическим показателям (2,4 тыс. долл. на душу населения в год в России против 35 тыс. долл. в США) две страны находятся в противоположных мирах. Но Россия обеспокоена уходом населения из-за Уральского хребта, возможностью потери двух третей своей территории — именно в этом смысле она держава, ценящая *статус-кво*. Если Запад пойдет курсом поддержания мирового порядка, то он может рассчитывать на дружественность России. Если же эгоизм «золотого миллиарда» сделает его безразличным к бедам потенциальных союзников, то России придется делать «агонизирующую переоценку» своего опыта сближения с Западом.

В.В. Путин предложил в Давосе для России и мира:

1) подвести черту под прошлым, выявить реальное положение дел, открыть карту. Так делал Ф.Д. Рузвельт, отбрасывая, казалось бы, незыблемые доктрины экономической науки своего времени и доктрины предшествующего правительства Гувера;

Анатолий Уткин

2) ослабить роль виртуальных, дутых денег, банковских фиктивных схем;

3) ослабить зависимость от единой валюты и ориентироваться на ряд валют. Это похоже на ослабление от диктата золотого стандарта. Бреттон-вудская система столь же не вечна, как и золотой стандарт.

И в заключение напомним о роли человеческого духа солидарности и справедливости, за отказ от которых мир платит не в первый раз.

Оглавление

Введение. Золотые 1920-е годы	5
-------------------------------------	---

РАЗДЕЛ I. ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ

Глава первая. Кризис	21
Глава вторая. Углубление депрессии и поиски лидера	69
Глава третья. «Новый курс»	109
Глава четвертая. Общение как инструмент преодоления моральной дерессии	146
Глава пятая. Разногласия	159
Глава шестая. Ослабление кризиса	195

РАЗДЕЛ II. НОВЫЙ ПОДЪЕМ И НОВЫЙ КРИЗИС

Глава седьмая. Двадцать лет империи (1985—2005)	221
Глава восьмая. Наше время: тихое вплзание в кризис	243
Глава девятая. Второй великий кризис	262
Глава десятая. Сравнивая Великую депрессию и мировой экономический кризис нашего времени	295

Заключение. Будущее	310
----------------------------------	------------

Анатолий Уткин

КАК ПЕРЕЖИТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Уроки Великой депрессии

Издано в авторской редакции

Художественный редактор С. Груздев

Технический редактор В. Кулагина

Компьютерная верстка А. Попов

Корректор Т. Юрьева

**ООО «Издательство «Яуза»
109507, г. Москва, Самаркандский б-р, д. 15**

**Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5
Тел.: (495) 745-58-23**

**ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru**

**Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.03.2009.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Лазурский». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 16,8. Тираж 4000 экз.
Зак. № 4902185**

**Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»,
603006 Нижний Новгород, ул.Варварская, 32.**

Опыт Великой депрессии 1929–1933 гг. сегодня актуален как никогда. Уроки грандиозной экономической катастрофы 80-летней давности заслуживают самого пристального внимания, тем более что рецепты выхода из кризиса универсальны во все времена.

Как нам избежать повторения той страшной трагедии? Ведь первая Великая Депрессия привела не только к колоссальным финансовым потерям, но и многомиллионным человеческим жертвам – и речь не только о массовых разорениях, безработице, отчаянии и сломанных судьбах. Эта книга убедительно доказывает: чтобы покончить с Великой Депрессией, помимо решительных антикризисных мер правительства Рузвельта, потребовалась еще и Вторая Мировая война. Не приведет ли и сегодня ухудшение экономической ситуации к глобальному вооруженному конфликту? Слишком уж велик соблазн решать собственные проблемы и выбираться из финансовой ямы за счет других...

Новая книга ведущего историка на самую животрепещущую тему! Пугающие выводы и тревожные прогнозы! Глубокий анализ прошлого и уроки на будущее!
Не пропустите!

ISBN 978-5-699-34572-4

9 785699 345724 >